

О. Ф. СОЛОВЬЕВ

ОБРЕЧЕННЫЙ АЛЪЯНС

О. Ф. СОЛОВЬЕВ

ОБРЕЧЕННЫЙ АЛЪЯНС

ЗАГОВОР ИМПЕРИАЛИСТОВ
ПРОТИВ НАРОДОВ РОССИИ.
1914—1917 гг.

МОСКВА «МЫСЛЬ» 1986

ББК 63.3(2)524

С 60

РЕДАКЦИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензенты:
доктор исторических наук **К. Ф. Шацлло**,
заведующая отделом ЦГАОР СССР **З. И. Перегудова**

Соловьев О.Ф.

С60 **Обреченный альянс: Заговор империалистов против народов России. 1914—1917 гг. — М.: Мысль, 1986. — 256 с.**

В пер.: 1р. 30 к.

В книге освещаются малоизвестные вопросы подрывной деятельности мирового империализма в союзе с самодержавием в период первой мировой войны; разоблачаются тайные действия Антанты и центральных держав по срыву непрерывно растущего в стране революционного движения во главе с ленинской партией; раскрываются линии закулисного классового сотрудничества западных государств с буржуазно-помещичьими кругами России.

Для широкого круга читателей.

С 0505020000-031—29-86
004(01)-86

ББК 63.3(2)524

ВВЕДЕНИЕ

На рубеже XIX и XX веков центр международного революционного движения переместился в Россию. Страна в процессе социально-экономического развития оказалась слабым звеном капиталистической системы, что закладывало предпосылки для ее перехода к социализму. И самодержавие и крупные государства Запада делали все возможное для срыва этого прогрессивного поступательного движения.

Русская народная революция 1905—1907 гг. вынудила царское правительство провести некоторые частичные реформы, не допустив осуществления коренных преобразований, за которые боролся пролетариат. Со своей стороны иностранный финансовый капитал, встревоженный событиями в России, стремился укрепить позиции самодержавия. Массовые демократические выступления трудящихся беспощадно подавлялись, их огромный резонанс приглушался. Тяжелые удары обрушились на большевиков. Союз западных государств с правящими кругами России открыл первый период наступления международной реакции на российский революционный движение. Разумеется, этот политический курс отличался неравномерностью и противоречивостью, ибо он сочетался с острой борьбой империалистов за новый передел мира и сфер влияния.

В годы первой мировой войны соперничество враждовавших коалиций Антанты (Великобритания, Франция, Россия) и центральных держав (Германия, Австро-Венгрия, Турция) переместилось из экономической и политической плоскостей на поля ожесточенных сражений. Интересы финансового капитала тесно переплетались с сохранением в России буржуазно-помещичьего строя. И даже ведя кровопролитные сражения, западные державы всегда учитывали свои (во многом совпадавшие) классовые цели в «русском вопросе». Англия, Франция и США при этом действовали в открытую, ибо царизм был их партнером, а противники прибегали к различным окольным приемам.

Раскрытие сложного механизма планов и действий Англии, Франции, Японии, США, Германии, Австро-Венгрии в отношении России, содействие правительств этих стран реакционным и соглашательским партиям были обусловлены развитием их курса на подрыв революционного движения рабочего класса во главе с коммунистической партией. Явные и тайные способы иностранных воздействий на внешнюю и внутреннюю политику самодержавия включают разведывательно-пропагандистскую деятельность спецслужб, многообразные общественные связи, сионистскую и масонскую линии. Речь идет об освещении предыстории антисоветской интервенции империалистов, силившихся в дальнейшем уничтожить первое рабоче-крестьянское государство. Героическая борьба большевиков против международного капитала неуклонно нарастала. Проискам империалистов была противопоставлена твердая революционная решимость и беззаветная борьба за светлое будущее — социализм.

Таков вкратце круг вопросов настоящей работы, которая хронологически охватывает июль 1914 — октябрь 1917 г., период, предшествующий Великой Октябрьской социалистической революции. Нужно отметить, что по предлагаемой теме исследуются комплексно как внутриполитические, так и международные аспекты, которые изучаются обычно изолированно. Попытка их синтеза в избранном ключе предпринимается по существу впервые. Важность научного обобщения опыта революционно-преобразующей деятельности партии, критики антикоммунизма, буржуазных и ревизионистских концепций общественного развития, разоблачения фальсификаторов марксизма-ленинизма неоднократно подчеркивалась партийными форумами, их решениями. Ценно в этом плане значение документов XXVI и XXVII съездов КПСС, июньского (1983 г.), февральского, апрельского, октябрьского (1985 г.) Пленумов Центрального Комитета КПСС.

При подготовке книги автор привлек труды М. Н. Покровского, А. М. Зайончковского, А. Л. Сидорова, Ф. И. Нотовича, А. Е. Иоффе, И. И. Минца, Я. Г. Темкина, Е. Д. Черменского, К. Ф. Шацилло, В. И. Емеца, Г. З. Иоффе, В. И. Бовыкина, А. В. Игнатьева, И. И. Ростунова, В. Я. Лаверычева, В. С. Дякина, Р. Ш. Ганелина, И. П. Лейберова и других ученых.

Анализ проблемы потребовал изучения широких историкоисследовательских массивов, даже беглое обозрение которых заняло бы много места, что вынуждает ограничиться их краткой характеристикой.

Важнейшим источником послужили известные ленинские произведения, сборники документов центральных органов партии, тематические публикации материалов о многогранной деятельности большевиков под руководством Центрального Комитета РСДРП¹. К этой же группе непосредственно примыкают полная биография В. И. Ленина, хроника его жизни и деятельности, подготовленные Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС². Такой научный фундамент дает возможность предметно раскрыть комплекс сложных вопросов, выявить их недостаточно освещенные стороны, сформулировать ряд выводов и соображений, которые стимулировали бы дальнейшие научные поиски.

Изучен большой круг архивных материалов, значительная часть которых впервые введена в научный оборот. В Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР) использованы документы различных политических партий и общественных организаций. Они вскрывают методы борьбы охраны, ее тесное сотрудничество со спецслужбами Антанты против революционных сил, прежде всего большевиков. Материалы Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА) позволяют проследить взаимоотношения между союзниками по вопросам общей стратегии и тактики царского правительства. Документы Архива внешней политики России (АВПР) охватывают период, который не получил отражения в публикации «Международные отношения в эпоху империализма»³ (это фонды канцелярии и секретного архива министра, II Департамента).

Известные дипломатические сборники государств Антанты, США и центральных держав, охватывающие период первой мировой войны, содержат в основном пропагандистский материал. Научные публикации английских, французских и германских документов освещают во многом лишь предысторию войны либо послевоенный период. Зарубежные правящие круги до сих пор не заинтересованы в раскрытии империалистической политики своих предшественников (при этом соответствующие архивы, за некоторыми исключениями, открыты для исследователей). Автор, осуществив разыскания в Национальном архиве и архиве МИД Франции, вводит в научный оборот ряд материалов, вскрывающих реакцию правящих кругов Антанты на Февральскую революцию, поддержку ими реакционных сил России, их подготовку и осуществление

травли большевиков, империалистические планы внедрения в экономику нашей страны в апреле — октябре 1917 г.

В советской научной литературе о данном историческом периоде обстоятельно рассмотрены вопросы деятельности В. И. Ленина и партии, развития классовой борьбы, причины краха самодержавия и прихода к власти Временного правительства, показаны экономические и военно-политические срезы проблематики. Имеются содержательные работы о внутренней и внешней политике правящих кругов стран Антанты и центральных держав. Активно велось изучение внешнеэкономических и дипломатических связей России. А. Л. Сидоров углубил анализ темы перемещения центра международного революционного движения в Россию, кризиса национального империализма, финансово-экономических отношений страны с иностранными державами. Ф. И. Нотович вскрыл маневры европейской дипломатии в 1914—1915 гг. применительно к Балканам, цели ведущих участников обеих воюющих коалиций, прежде всего Германии. В. А. Емец осветил отношения России с союзниками по вопросам ведения войны, которые занимали важное место в дипломатии царизма⁴. Была прослежена тенденция к закабалению нашей страны американским капиталом. В этом плане США действовали в унисон с Англией и Францией⁵. Коллективная монография «Первая мировая война 1914—1918 гг.» (М., 1967) содержит значимые статьи по ряду сюжетов.

Комплексное обобщение важнейших аспектов исторического процесса того времени дано в первых двух томах капитального труда академика И. И. Минца «История Великого Октября» (т. 1. М., 1967; т. 2. М., 1968). Революционное движение под руководством большевиков рассматривается ученым в тесной связи с событиями на мировой арене. Выявляя место России в системе империализма, автор подчеркивает усиление ее зависимости от Антанты, обрекавшей страну на расчленение; враждебное отношение международного империализма к русской революции.

Вступление России в войну на стороне Антанты привело к разрыву официальных отношений царизма с центральными державами, что, однако, еще не означало прекращения всех связей между ними. В советской историографии был выделен, но далеко не полностью исследован вопрос о стремлении Германии и самодержавия заключить сепаратный мир. Затрагивались и некоторые аспекты подрывных действий немецких спецслужб вкупе с опре-

деленными придворными и буржуазно-сепаратистскими элементами Финляндии, Кавказа, Украины и Средней Азии⁶. Однако по данной проблеме обобщенных работ еще нет. Ждет специального изучения и тема о содействии империалистов центральных держав контрреволюционным силам России. Настало время более полного рассмотрения и разоблачения происков соответствующих общественно-политических кругов, на которые пытались опираться противники союзников. Содержательная работа Н. П. Евдокимовой, освещающая в основном дипломатические аспекты закулисных контактов на предмет подписания сепаратного мира между Россией и Германией, лишь отчасти восполняет отмеченные пробелы⁷.

Советские ученые, творчески осмысливая марксистско-ленинскую методологию, вносят весомый вклад в разработку ключевых вопросов рассматриваемого периода. Вместе с тем известная недооценка многими специалистами, занимающимися внутриполитической тематикой, важных международных аспектов препятствует правильной оценке воздействия иностранного империализма на Россию. Историки-международники в свою очередь не всегда освещают противоречивые классовые позиции участников обеих враждующих коалиций в «русском вопросе». Остается актуальным развенчание буржуазных фальсификаций по затронутым вопросам.

Западная литература при кажущейся широте и пестроты трактуемых сюжетов сводится в сущности к поверхностным очеркам о боевых операциях, попыткам выяснить происхождение и характер первой мировой войны, цели ее участников, внутреннюю и внешнюю политику различных держав, особенности рабочего движения и линию социал-демократии, деятельность пропагандистских и разведывательных служб. На первый план апологеты буржуазного общества обычно выдвигают тему об ответственности за войну в разрезе обеления ее подлинных зачинщиков — империалистов всех стран. Систематически искажается деятельность В. И. Ленина и большевиков, которым противопоставляется мнимый демократизм буржуазных и мелкобуржуазных партий, а также троцкистов⁸. Делаются заходы по реабилитации династии Романовых, Распутина и вообще правых кругов⁹. В работах о внешней политике подчас преувеличивается степень агрессивности самодержавия¹⁰. Определенные различия между учеными буржуазно-либеральных взглядов и их откровенно реакционными коллегами заключаются в том, что первые, хотя и непоследовательно, со многими оговор-

ками, проявляют стремление к объективному отражению исторических событий, а вторые заведомо их фальсифицируют и фантастически домысливают. Плодотворная деятельность советских исследователей в области изучения истории первой мировой войны получает все более растущий резонанс на Западе. Ныне уже не просто отмахнуться от убедительных положений марксистско-ленинской науки, объявив ее «коммунистической пропагандой». «Советологи» используют даже отдельные материалы и выводы наших исследований, но, конечно, гораздо чаще они прибегают к различным вымыслам или спекуляциям, особенно если речь идет о недостаточно освещенных вопросах.

Заговор иностранных империалистов вкупе с российскими магнатами против народов России в 1914—1917 гг. ни в советской, ни в зарубежной литературе не нашел еще своего комплексного рассмотрения. Автор пытается в данной книге восполнить пробел. Как это удалось, судить читателю.

ГЛАВА I

В ТЫЛУ ФРОНТОВ

ПУТЫ ЗАВИСИМОСТИ

**Особенности мировой войны. Россия
в коалиции Антанты. Экономика, политика
и власть. Противоборство классов.
Отношения с союзниками.**

Первая мировая империалистическая война, развязанная вследствие обострения противоречий между коалициями Антанты и центральных держав, началась объявлением Германией войны России 19 июля 1914 г., а через два дня и Франции *. Постепенно в ожесточенную схватку втягивались все новые участники. Монополистические круги финансового капитала, стремившиеся перекроить карту земного шара, одновременно разворачивали наступление на пролетариат и его революционные авангарды. Реформистские вожди II Интернационала, переметнувшиеся на сторону буржуазии, изменили делу рабочего класса.

Только партия большевиков оказалась на уровне новых задач. Сумев дать глубокий марксистский анализ сложившегося положения, она разработала правильную стратегию и тактику пролетариата. Решающий вклад в это был внесен многогранной деятельностью В. И. Ленина в области теории и практики социалистической революции. «Современная война, — писал он, — порождена империализмом, т. е. высшей стадией капитализма, когда развитие производительных сил и рост капитала переросли узкие рамки отдельных национальных государств и побуждают «великие» державы стремиться к порабощению чужих наций и к захвату колоний, как источников сырья и мест вывоза капитала». Вместе с тем «объектив-

* Даты приводятся по старому стилю (за исключением отдельных неустановленных случаев).

ные условия социализма вполне созрели, и великие державы в 'теперешней войне борются за искусственную отсрочку гибели капитализма путем сохранения и усиления зависимости колоний, захвата привилегий на всемирном рынке, раскола и подавления интернациональной революционной борьбы рабочих»¹. Это ленинское положение обнажает скрытый нерв внешнеполитических и внутренних интересов господствующих классов разных стран в их острейшем столкновении между собой. Подчеркивая захватническую политику господствующих классов, В. И. Ленин отмечал: «Европейская и всемирная война имеет ярко определенный характер буржуазной, империалистической, династической войны. Борьба за рынки и грабеж чужих стран, стремление пресечь революционное движение пролетариата... разъединить и перебить пролетариев всех стран, натравив наемных рабов одной нации против наемных рабов другой на пользу буржуазии — таково единственное реальное содержание и значение войны»².

Позиция большевиков, взявших твердый курс на революционный выход из войны, неизбежно влекла за собой в конечном счете разрыв России с капиталистической системой и переход к построению социализма внутренними силами при братской солидарности мирового пролетариата. Наша страна продолжала быть центром международного рабочего движения. Вот почему империалисты оказывали значительную поддержку самодержавию и буржуазно-помещичьим партиям, разумеется тщательно соблюдая собственные интересы.

Представители социал-демократических и рабочих партий крупнейших капиталистических держав проголосовали в парламентах за военные кредиты. Их лидеры либо непосредственно вошли в правительства, либо оказывали содействие монополистам во имя пресловутой «защиты отечества» от внешних врагов. Социал-шовинисты, опираясь на всех колеблющихся, наносят «наибольший ущерб пролетариату своими усилиями объединить социалистические массы с шовинистическими вождями»³. Так называемые центристы стали их ярыми союзниками. Соответствующие течения появились и среди российских оппортунистов. Эмигрантская меньшевистская группа Г. В. Плеханова и Г. А. Алексинского, петроградские ликвидаторы из редакции журнала «Наша заря», часть эсеров выступили в поддержку военных усилий царизма. Меньшевистская фракция в Государственной думе, заграничный секретариат меньшевистского Организационного комитета

(П. Б. Аксельрод, Ю. О. Мартов, С. Ю. Семковский и др.) ходили в центристах. К ним примыкал Л. Д. Троцкий с крохотным кружком последователей, издававших в Париже сперва газету «Голос», а затем «Наше слово». Троцкий подвизался еще и военным корреспондентом буржуазной газеты «Киевская мысль», проповедовавшей оборонческие позиции. По словам одного из биографов, Троцкому приходилось «осторожно лавировать», изворачиваться⁴. Подобные течения пользовались снисходительной благосклонностью царских властей и правительств союзных государств.

Революционная социал-демократия, стоявшая на последовательных марксистских позициях, открыто противопоставила себя социал-шовинистам, которые предали интересы пролетариата. Ряды последовательных интернационалистов включали большевиков, болгарских тесняков и сербских социалистов, некоторые группы им сочувствовавших. Особенной целеустремленностью и антиимпериалистической нацеленностью отличалась линия большевиков. В разработку этой твердой позиции решающий вклад внес В. И. Ленин, творчески развивший марксизм применительно к условиям мировой войны. Вождь пролетариата, которого война застала в Поронино (Австро-Венгрия), с немалыми трудностями эмигрировал в Швейцарию. 23—24 августа 1914 г. Ленин написал тезисы «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне». Подзаголовок гласил: «Российская социал-демократия о европейской войне». На совещании большевиков тезисы были приняты как резолюция группы социал-демократов⁵. Уже заголовок документа указывал на его подлинно международный характер.

В октябре 1914 г. был издан знаменитый манифест ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия», написанный В. И. Лениным. Резко критикуя линию, проводимую оппортунистами, которые сорвали решения Штутгартского, Копенгагенского и Базельского конгрессов II Интернационала, манифест обязывал «социалистов всех стран бороться против шовинизма при всех и всяких условиях», а на всякую войну, начатую буржуазией и правительствами, «отвечать усиленную проповедью гражданской войны и социальной революции». «При данном положении, — отмечалось в этом документе, — нельзя определить, с точки зрения международного пролетариата, поражение которой из двух групп воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма. Но для нас, русских с.-д., не может подлежать сомнению, что с точки

зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии...» Ввиду специфических условий страны, не завершившей еще своей буржуазной революции, выдвигались три прежних основных условия последовательных прогрессивных преобразований: демократическая республика (при полном равноправии и самоопределении всех наций), конфискация помещичьих земель и 8-часовой рабочий день⁶.

Несмотря на временное прекращение связей с ЦК РСДРП и В. И. Лениным, большевистские организации России заняли боевые антивоенные позиции. И это тем более примечательно, что в стране не было тогда конституированного с санкции Центрального Комитета общероссийского партийного центра. Русское бюро ЦК, созданное в соответствии с решением Пражской конференции РСДРП 1912 г., фактически перестало действовать вследствие ареста многих членов. 4 марта 1914 г. В. И. Ленин писал в Русское бюро ЦК: «Дорогие друзья, давно нет известий от вас. Дела стоят неважно. В сущности... у вас нет... нет коллегии для организационной работы. Это прямо невозможное положение»⁷. Функции Бюро ЦК фактически выполняла большевистская фракция Государственной думы во главе с Г. И. Петровским.

Принципиальное выступление представителей пролетариата должно было прозвучать на заседании Государственной думы 26 июля 1914 г., посвященном принятию военного бюджета. Большевики предлагали огласить совместную декларацию обеих фракций РСДРП и фракции трудовиков. Но последние вместе со своим лидером А. Ф. Керенским уклонились и даже ездили с буржуазными депутатами на прием к царю для выражения верноподданнических чувств. Меньшевики же, учитывая настроение пролетариата, согласились на выработку декларации. За основу был принят проект большевиков. Огласил декларацию меньшевик Хаустов. Но документ отличался расплывчатостью, не содержал ясных тактических лозунгов борьбы, намекал на одобрение шовинистической идеи «защиты отечества». Однако в целом он выражал решительный протест против войны. В. И. Ленин отмечал впоследствии, что фракция РСДРП сочла «долгом заклеить политику европейских правительств, как империалистскую»⁸.

Прочие делегаты выступали с думской трибуны в поддержку политики царского правительства. Военный бюджет был утвержден. Члены обеих фракций РСДРП поки-

нули в знак протеста зал заседания и в голосовании, как и трудовики, не участвовали.

В одном из обзоров Департамента полиции констатировалось: «Ленинцы, приобретшие доминирующее значение в партии, имеющие за собой в России преобладающее большинство подпольных социал-демократических организаций, выпустили с начала войны в наиболее крупных своих центрах (как-то: Петроград, Москва, Харьков, Киев, Тула, Кострома, Владимирская губерния, Самара) значительное количество революционных воззваний с требованием прекращения войны, низвержения существующего правительства и устройства республики, причем эта работа имела своим осязательным результатом устройство рабочими забастовок и беспорядков. Ликвидаторы, руководимые социал-демократической думской фракцией, проявили свою деятельность преимущественно в сфере «легальных возможностей (больничные кассы, съезды, профессиональные общества)»⁹. Столкновения в ряде местностей трудящихся с полицией и даже с армейскими частями внушали немалую тревогу самодержавию.

Место и роль участников воюющих коалиций в целом зависели от особенностей социально-экономического и государственного строя с обязательным учетом степени остроты классовой борьбы, политических целей господствующих классов, состояния вооруженных сил, специфики отношений с союзниками прежде всего по вопросам ведения войны. Каждый из названных параметров в определенной мере рассмотрен в научной литературе, при этом прослежена неуклонная тенденция нарастания зависимости России от партнеров по мере продолжения войны¹⁰. Но разумеется, эта тенденция нуждается в дальнейшем уточнении и конкретизации.

Все участники мировой войны являлись компонентами системы государств, находящихся в определенной взаимосвязи друг с другом. Члены обеих враждебных коалиций входили в две подсистемы: Антанту и центральные державы. В сущности составные части замкнутых структур были связаны формальными или неформальными обязательствами на базе равноправия или подчинения. Постоянные трения возникали из-за неоднозначности тех или иных империалистических интересов. В. И. Ленин, мастерски пользуясь методами системного анализа, сосредоточивал внимание на выявлении сущности политики и целей воюющих коалиций. В Антанте лидерами являлись Англия и Франция, а Россия выступала в качестве важного, но второстепенного элемента, что определялось ее местом

в международных отношениях. Известно, что Ленин считал Россию одной из «первоклассных, но не вполне самостоятельных» стран в отличие от «трех главных (вполне самостоятельных) стран» — Англии, Германии и США ¹¹. Лидером противостоящей коалиции являлась Германия. Такая постановка вопроса нашла глубокое обоснование в ленинских работах.

«Во главе одной группы воюющих наций, — констатировал В. И. Ленин в манифесте «Война и российская социал-демократия», — стоит немецкая буржуазия. Она одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну ради защиты родины, свободы и культуры, ради освобождения угнетенных царизмом народов, ради разрушения реакционного царизма. А на деле именно эта буржуазия, лакействуя перед прусскими юнкерами с Вильгельмом II во главе их, всегда была вернейшим союзником царизма и врагом революционного движения рабочих и крестьян в России». И делался прогностический вывод о том, что «эта буржуазия вместе с юнкерами направит все свои усилия, при всяком исходе войны, на поддержку царской монархии против революции в России» ¹².

«Во главе другой группы воюющих наций, — продолжал В. И. Ленин, — стоит английская и французская буржуазия, которая одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну за родину, свободу и культуру против милитаризма и деспотизма Германии. А на деле эта буржуазия на свои миллиарды давно уже нанимала и готовила к нападению на Германию войска русского царизма, самой реакционной и варварской монархии Европы. На деле целью борьбы английской и французской буржуазии является захват немецких колоний и разорение конкурирующей нации, отличающейся более быстрым экономическим развитием» ¹³. В. И. Ленин как в фокусе высветил причины второстепенного места России в расчетах лидеров обеих коалиций.

Чрезвычайно важно обоснование тезиса о коренной враждебности германских, английских и французских правителей к революционному движению в нашей стране. Ленин писал: «Ни перед какими жертвами не останавливался российский пролетариат, чтобы освободить все человечество от позора царской монархии. Но мы должны сказать, что если что может при известных условиях отсрочить гибель царизма, если что может помочь царизму в борьбе против всей российской демократии, так это именно нынешняя война, отдавшая на службу реакцион-

ным целям царизма денежный мешок английской, французской и русской буржуазии»¹⁴.

В свете ленинского анализа следует прежде всего кратко остановиться на основных чертах базиса России. Вопрос этот уже исследован советской наукой. Страна со средним уровнем развития монополистического капитала и отсталым сельским хозяйством, отягощенным крепостническими пережитками, в сфере мирового капиталистического хозяйства сделалась перед войной должником и данником главным образом Англии, Франции, Германии. Это выражалось как в неспособности обходиться без крупных заграничных займов, так и во внедрении иностранного капитала в промышленность, торговлю, банки, земельную собственность. Только предвоенная внешняя задолженность царизма по займам составила 6 018 млн. руб., которая складывалась из государственных долгов, городских и железнодорожных займов под правительственной гарантией, из закладных листов государственных земельных банков. Ежегодные платежи на выплату процентов по иностранной задолженности составляли в среднем свыше 350 млн. руб. в год¹⁵. Внешний долг по кредитам в процентах распределялся следующим образом: Франция — 63,8, Голландия — 11,6, Англия — 10,3, Германия — 9,4, прочие страны — 4,9¹⁶. Займы шли на борьбу с революционным движением, для наращивания вооружений, на стратегическое железнодорожное строительство, финансирование помещичьего землевладения, и лишь небольшая часть средств использовалась для производственных целей.

Заграничные капиталовложения, по разным источникам, составляли от 1 343,5 млн. до 1 606 млн. руб. (30—34,1% всего промышленного акционерного капитала России). Сюда нужно добавить долговые обязательства в виде процентных бумаг — 260 млн. руб. Иностранные капиталы притекали главным образом в горную промышленность, металлургию, машиностроение, химию, электропромышленность, банки, городское хозяйство, т. е. в ключевые отрасли отечественной экономики. Вложения эти приносили в среднем свыше 10% чистой прибыли. В процентном отношении распределение иностранных вкладов в русскую промышленность представлялось следующим образом: германские — 28,2, французские — 19, франко-бельгийские — 16,5, английские — 17, невыясненной принадлежности — около 6¹⁷. Наибольшие суммы капиталов инвестировались из стран Антанты. Зависимость страны усугублялась еще односторонностью внешней торговли,

Россия не только ввозила значительное количество непродуцируемых здесь промышленных товаров, но и приобретала также сырье: каменный уголь, хлопок, цветные металлы, кожи. Большая часть внешней торговли велась путем морских перевозок, ^{9/10} которых находились в ведении иностранных фирм¹⁸.

В войне — внешней и победоносной — самодержавный строй России искал спасения как от экономического разорения, так и от революционного движения. «Класс помещиков и верхи торгово-промышленной буржуазии, — писал В. И. Ленин, — горячо поддерживали воинствующую политику царского правительства. Они справедливо ждут для себя громадных материальных выгод и привилегий от раздела турецкого и австрийского наследства. Целый ряд их съездов уже предвкушает те барыши, которые потекли бы в их карманы при победе царской армии. К тому же реакционеры очень хорошо понимают, что если что еще может отсрочить падение монархии Романовых и задержать новую революцию в России, так это только победоносная для царя внешняя война». И далее: «Широкие слои городской «средней» буржуазии, буржуазной интеллигенции, лиц свободных профессий и т. д. — по крайней мере, в начале войны — тоже заражены были шовинизмом. Партия российской либеральной буржуазии — кадеты — целиком и безоговорочно поддерживала царское правительство. В области иностранной политики кадеты уже давно являются правительственной партией... Русская либеральная буржуазия окончательно стала на путь контрреволюции»¹⁹.

Кадеты имели весьма тесные связи с империалистами Антанты, стремясь, по выражению одного американского историка, «направить русскую государственную власть по прогрессивному западноевропейскому руслу», т. е. превращению самодержавия в буржуазно-либеральную монархию²⁰. Правящие круги Англии, Франции и США справедливо усматривали в кадетах верных сторонников, часть лидеров которых состояла и в иностранных масонских ложах. С кадетами обычно блокировалась партия прогрессистов. Правое крыло буржуазии представляли партии октябристов и националистов.

В состав царской камарилы входили главы черносотенных организаций, представители великосветских салонов кн. Андроникова, тибетского врача Бадмаева, баронессы Розен, фрейлины Нарышкиной. Выделялся в качестве своеобразного центра известный временщик Распутин. «Полуграмотный сибирский мужик, хлыстодец,

пьяница и развратник... пробрался к монаршему трону и почти десять лет влиял на царскую семью, оказывая огромное воздействие на государственную политику последнего Романова, являясь «разрушительной силой» для престижа царской власти и вызывая негодование не только среди либерально-оппозиционных кругов, но и среди правых, убежденных монархистов, которые в конце концов и «ликвидировали» его в декабре 1916 г. Можно смело утверждать, что без Распутина и его влияния на последних Романовых—Николая II и императрицу Александру Федоровну—почти невозможно понять последнее царствование»²¹, — отмечает А. Л. Сидоров.

«Единственным классом в России, которому не удалось привить заразы шовинизма, — подчеркивал В. И. Ленин, — является пролетариат... Это объясняется революционным положением в стране и общими условиями жизни российского пролетариата»²². Даже по признанию генерал-квартирмейстера Ю. Н. Данилова, властям так и не удалось создать в стране «психологии» большой войны. «Патриотические манифестации и взрывы энтузиазма являлись... лишь дешевым фасадом, за которым скрывалась невзрачная действительность... Русский народ оказался психологически к войне неподготовленным. Главная масса его — крестьянство едва ли отдавало себе ясный отчет, зачем его зовут на войну. Цели войны были ему неясны... Не было здравого понимания долга и в кругах интеллигенции...»²³

Вскрывая военно-политические цели противоборствующих сторон первой мировой войны, В. И. Ленин отмечал: «Англо-французская буржуазия обманывает народ, говоря, что ведет войну за свободу народов и Бельгии: на деле она ведет войну ради сохранения награбленных ею непомерно колоний... Германия сама воюет не за освобождение, а за угнетение наций». В свою очередь «царизм ведет войну для захвата Галиции и окончательного придушения свободы украинцев, для захвата Армении, Константинополя и т. д. Царизм видит в войне средство отвлечь внимание от роста недовольства внутри страны и подавить растущее революционное движение»²⁴.

Сравнительная ограниченность притязаний России в целом устраивала правящие круги стран Антанты, что было закреплено в соответствующих документах. Уже 23 августа 1914 г. по инициативе англичан в Лондоне было подписано соглашение, по которому Великобритания, Франция и Россия обязались «не заключать сепаратного мира, впадение настоящей войны». Когда же

настанет время для обсуждения условий мира, «ни один из союзников не будет ставить мирных условий без предварительного соглашения с каждым из других союзников»²⁵. На разных дипломатических уровнях велось в предварительном порядке обсуждение таких условий. 1 сентября 1914 г. министр иностранных дел С. Д. Сазонов изложил послам Англии и Франции «неофициальные предложения» царизма. Главная задача союзников состояла в том, чтобы «сокрушить могущество Германии и положить конец ее стремлению к военному и политическому господству». Из 12 пунктов, сформулированных сановником, только один непосредственно касался самодержавия: «Россия присоединила бы к себе нижнее течение Немана и восточную часть Галиции. Она присоединила бы к польскому королевству восточную часть Познани, Силезию... и западную часть Галиции». Предусматривалось преобразование Австро-Венгрии в триединую монархию, состоящую из Австрийской империи, королевств Чехии и Венгрии. Поскольку Турция тогда еще в войну не вступила, притязания к ней вообще не формулировались. Франция получила бы Эльзас-Лотарингию, добавив к ней по своему усмотрению часть Пруссско-Рейнской провинции и Палатината. Англия и Франция «разделили бы между собой германские колонии». Позднее Россия выдвигает претензии на Черноморские проливы и турецкую Армению. В ходе обмена мнениями между участниками Антанты обнаружилось единство взглядов по основным аспектам послевоенного устройства мира²⁶.

Эта программа совпадала в главном с приведенными положениями ленинского анализа. Осознавая зависимое положение в стане Антанты, правящие круги России ставили локальные цели по сравнению с распространявшимися на весь мир империалистическими устремлениями Англии и Франции. «В начавшейся мировой войне, — справедливо констатирует А. В. Игнатьев, — все усилия царизма были сосредоточены на разрешении ближневосточных и европейских задач»²⁷.

Состояние и боеспособность русских вооруженных сил зависели в конечном счете как от количества и качества вооружения, так и от военной организации, морального настроения солдат и командных кадров. Ощущалась острая нехватка в винтовках, артиллерийских орудиях, снарядах, прочей военной технике. За поставками приходилось обращаться к союзникам.

Из многочисленных свидетельств государственных и военных деятелей обеих коалиций явствует, что никто из

них не рассчитывал на затяжной характер войны и, следовательно, оказался недостаточно подготовленным к ней. Особенно это относилось к царским властям. Сложнейшие вопросы приходилось решать в спешке, без серьезной проработки и учета возможных последствий. Громоздкий бюрократический аппарат с трудом перестраивался на военный лад. Неразбериха, усугубленная непродуманными импровизациями крупных должностных лиц, наблюдалась и в тылу и на фронте. Все это вело к неизбежной разрухе в экономике, к параличу государственной системы в целом.

По законам Российской империи управление всеми вооруженными силами принадлежало царю, но предусматривалось и назначение верховного главнокомандующего. 2 августа 1914 г. верховным главнокомандующим действующих армий и флота назначается вел. кн. Николай Николаевич, личность коего породила различные оценки современников и историков. Ближайшие сподвижники обычно рисуют его человеком широкого кругозора, решительным в поступках и суждениях, а главное, весьма популярным в стране²⁸. Буржуазная пресса немало постаралась для создания подобного ореола. Николай II и особенно царица опасались, как бы именитый родственник не оттер в подходящий момент царя от престола. Неприязнь объяснялась и нескрываемым презрением великого князя к Распутину, хотя познакомила того с царской семьей супруга Николая Николаевича. И не случайно Николай II даже не удосужился лично проводить на фронт верховного главнокомандующего. В то же время высказывалось мнение, что вел. кн. слабо разбирался в крупных военных вопросах, отличался нервозностью, сомнениями и колебаниями при принятии решений, сильно злоупотреблял спиртными напитками. Был он вспыльчив и раздражителен, проявлял склонность к интригам. Такая оценка представляется более обоснованной.

Штаб верховного главнокомандующего в Барановичах (Ставка) состоял из нескольких управлений, включая дипломатическую часть. Начальником штаба являлся генерал Н. Н. Янушкевич, обязанный своим выдвижением царским расположением. Оперативными вопросами ведал генерал-квартирмейстер Ю. Н. Данилов. При Ставке находились и представители союзных держав: Франции, Бельгии, Японии, Сербии. В 1915 г. туда прибыли также представители Италии и Черногории. Кроме того, в разное время Ставку посещали командированные на русский фронт миссии союзнических армий.

Можно констатировать, что с началом войны сложился еще один полюс власти — штаб верховного главнокомандующего, прерогативы которого, однако, распространялись лишь на руководство военными операциями, а юрисдикция — на прифронтовую полосу. Царь мало вмешивался в происходившие там события, ограничиваясь самыми общими указаниями на основании поступавшей к нему информации.

Правящие круги Англии и Франции определяли Восточный фронт как важный, но вспомогательный участок на театре мировой войны. Решающим в войне с противником лидеры Антанты считали Западный фронт и поступали соответственно оценке его преимущественного положения. Неравноправность России проявлялась практически во всех вопросах, связанных с ведением войны. Восполнение острой нехватки боевой техники потребовало адекватных валютных средств. За содействием самодержавие обратилось к союзникам и США. Главным его банкиром и поставщиком стала Великобритания. Финансовые соглашения с ней в 1915 г. усугубили неравноправное положение царизма в коалиции Антанты. Россия должна была вывозить золото для уплаты за товары, ущемлялось ее право в расходовании кредитов. Правительство Великобритании размещало русские военные заказы в США по завышенным ценам и на выгодных для себя условиях²⁹.

Характерны некоторые военно-оперативные аспекты сотрудничества России с союзниками на начальном этапе войны. В соответствии с русско-французской военной конвенцией (детали применения которой периодически уточнялись на совещаниях руководителей генеральных штабов двух стран) Франция должна была выставить против Германии армию общей численностью 1 200—1 300 тыс. человек, Россия — от 700 до 800 тыс. человек. Наиболее вероятным направлением главного удара немцев считалось западное (против Франции). Французы добились от России согласия на проведение против немцев в самом начале войны крупной наступательной операции в Восточной Пруссии, причем в весьма сжатые сроки. Тем самым Россия принимала на себя серьезное и тяжелое обязательство — быстрое и энергичное наступление против Германии³⁰. Если войска Франции и Англии вначале сражались только на одном, малопротяженном фронте, то Россия участвовала в войне на трех фронтах огромной протяженности — против Германии, Австро-Венгрии и Турции.

Германия развязала войну, как и предполагалось, мощным наступлением на Францию через Бельгию, что вызвало быстрый отход англо-французских сил. Создавалась непосредственная угроза Парижу. Еще до этих событий правительство Франции настаивало на ускорении русского наступления в Восточной Пруссии. Об этом уведомляли неоднократно посла в Париже А. П. Извольского и военного агента А. А. Игнатьева. Французский посол в России М. Палеолог обратился с аналогичной просьбой непосредственно к царю³¹.

В результате две армии Северо-Западного фронта получили приказ наступать в Восточной Пруссии. Но первые успехи сменились в августе 1914 г. серьезными неудачами. Русские войска потеряли около 250 тыс. убитыми, ранеными и военнопленными, свыше 600 орудий, много пулеметов и прочего военного имущества³². Советские исследователи досконально разобрали данную операцию по русским и немецким источникам. В этой связи достаточно сослаться на специальную работу полковника Храмова. Уже в первой директиве русского верховного командования 10 августа 1914 г. для Северо-Западного фронта, в частности, говорилось: «Необходимо и нам, в силу тех же союзнических обязательств, поддерживать французов ввиду готовящегося против них главного удара немцев. Поддержка эта должна выразиться в возможно скорейшем наступлении против оставленных в Восточной Пруссии немецких сил»³³. Главный вывод исследователя сводится к тому, что русские армии начали военные действия без надлежащей подготовки. «Русское верховное командование, — писал он, — стремилось возможно скорее оказать помощь Франции, принудив германское командование перебросить часть сил с запада на восток»³⁴. Как-то в порыве откровенности и сам вел. кн. Николай Николаевич признавался английскому генералу А. Нейджету, что по настоянию французского главнокомандующего Жоффра изменил свой план кампании и повел наступление в Пруссии, тогда как всю энергию следовало, дескать, направить против Австро-Венгрии. Такая перемена стоила России «бесчисленных жертв людьми и средствами»³⁵. Подобное объяснение, конечно, не вполне точно, но факт огромных потерь вследствие давления французов излагался правильно.

Одной из причин поражения являлось слабое управление войсками со стороны фронтового и армейского командования, отсутствие взаимодействия между армиями фронта, плохая осведомленность о противнике из-за некомпе-

тентности и зачастую преступного отношения царского генералитета к выполнению своих обязанностей. Только беспримерный героизм русских солдат позволил избежать более тяжелого разгрома. Немцам не удалось окружить главные силы 2-й армии и нанести серьезные удары 1-й армии, которая отошла из Восточной Пруссии на русскую территорию. Провалились и расчеты противника добиться победы на Западном фронте против Франции. В разгар своего наступления там германское командование отправило против русского фронта два корпуса и одну кавалерийскую дивизию. Два других корпуса были нацелены на овладение крепостью Антверпен и почти корпус для захвата Мобежа, что ослабило немецкие армии на направлении главного удара. Переброска значительных сил на Восток, вызванная наступлением русских войск, явилась одной из причин поражения германских войск в битве на Марне, сорвавшей план молниеносной войны держав тройственного союза³⁶.

Уже первые итоги стратегической координации и развита боевых операций стран Антанты продемонстрировали подчинение интересов России прочим ее членам. Франция и Англия, диктуя свою волю, не считались с размерами людских и прочих потерь союзницы. Они усматривали в России постоянного поставщика пушечного мяса, которое можно использовать не только на русском, но и на западных фронтах. Англии и Франции было сложно, если вообще невозможно, одержать скорую победу без помощи России. Эта истина вполне осознавалась лидерами Антанты, добивавшимися всемерной активизации военных усилий царизма, причем в основном за счет внутренних ресурсов и с минимальными собственными жертвами. Подлинный характер «взаимозависимости союзников»³⁷ строился здесь не на отношениях вполне равноправных партнеров, а на подчинении интересов одного из них другим.

Еще один из красноречивых тому примеров (число их постоянно возрастало) — просьба России о проведении наступления на Западе для облегчения положения русской армии. 20 ноября 1914 г. Сазонов обратил внимание послов в Париже и Лондоне на крупные переброски немцами своих частей на Восточный фронт и подчеркнул настоятельную желательность перехода союзников к активным наступательным операциям, чтобы воспрепятствовать «дальнейшему отвлечению германских сил на наш фронт». Однако правящие круги Англии и Франции не захотели помочь союзнице. Под предлогом надуманных

объективных трудностей и прочих несостоятельных причин они ответили ее представителю твердым отказом³⁸.

Итак, по всем рассмотренным основным параметрам царская Россия была зависимым от Англии и Франции партнером в коалиции Антанты. Курс последних был направлен на усиление такой зависимости, что осуществлялось посредством комплекса мер вплоть до широкого вмешательства во внутренние дела страны, подрыва революционного движения — верного гаранта и стража национальных интересов нашей Родины.

ШОВИНИСТЫ И ОХРАНКА

Вылазка Вандервельде. Происки немецких социал-шовинистов. Провокации полиции.

Всемерная поддержка международным капиталом самодержавия и буржуазии осуществлялась и по каналам социал-демократии в лице оппортунистов II Интернационала, которые, опираясь на меньшевиков, эсеров и троцкистов, пытались вызвать разлад в рядах РСДРП. И только решительный отпор большевиков обрек подобные происки на полный провал. В то же время II Интернационал, распавшийся на две шовинистические группировки, был уже не в состоянии придерживаться единой линии в «русском вопросе». Общность подхода к этому «вопросу» правящих верхов противоположных коалиций и обслуживавших их реформистов зиждилась на всепоглощающем страхе перед социалистической революцией в России, которая могла дать мощный толчок мировому революционному движению. И они тщились во что бы то ни стало воспрепятствовать такому повороту событий.

Имея давние связи с меньшевиками и эсерами, социал-шовинисты Антанты расширили сотрудничество с ними, при этом главная ставка делалась на оборонцев. Предпринимались многие попытки, чтобы сломить противодействие РСДРП царизму, привлечь членов партии на сторону реформистов и либеральной буржуазии, вынудить их отказаться от продолжения революционной борьбы. Показателен в этом плане известный, но мало исследованный в научной литературе демарш председателя Международного социалистического бюро (МСБ) бельгийца Э. Вандервельде, давно превратившегося в холуя буржуазии. С объявлением войны он стал министром в королевском правительстве своей страны, чем грубо нару-

шил решения II Интернационала о борьбе против милитаризма. Вандервельде, зная о соотношении классовых и партийных сил в России, хорошо разбирался в особенностях тамошней обстановки, поддерживал контакты с меньшевистскими главарями. В начале июня 1914 г. он посетил Петербург, где встречался с большевиками и ликвидаторами, причем заверил последних в сочувствии им³⁹. По циничному признанию Вандервельде, министр иностранных дел Бельгии де Броквилль напрямик сказал ему: «У вас есть политические друзья в России. Не могли бы вы написать тамошним вашим товарищам, чтобы выступить перед ними в защиту нашего дела, сказав им, что, несмотря на все претензии, которые они могут иметь к царскому строю, им не следует забывать о защите западными народами дела демократии и свободы». Вандервельде, получив конкретное поручение, ответил согласием. Его интересовал лишь способ отправки подобного обращения. Однако все быстро уладилось. Посредником оказался царский посланник князь Кудашев, с которым Вандервельде согласовал свой проект⁴⁰.

Посланник Франции в Бельгии в конце июля 1914 г. телеграфировал в Париж: «Вчера де Броквилль сказал мне, что при нынешних обстоятельствах Вандервельде является ценным помощником не только для правительства короля, но также для союзных держав, потому что он очень усердно старается воздействовать на своих единомышленников в Голландии, открыть глаза им в Германии и сдерживать их в России. Что касается последних, то по инициативе председателя совета министров он составил род манифеста, который предварительно доведен был до сведения русского посланника. Он доказывает там, что военная партия в Германии, вызвав войну, проявила себя как враг человечества и что ее окончательное поражение будет способствовать социальному прогрессу и откроет пути для объединения народов и для разоружения»⁴¹. Следовательно, демарш Вандервельде одобрили и правящие круги Франции.

29 июля 1914 г. Кудашев сообщал в Петроград: «Сейчас видел лидера социалистов Вандервельде, который завтра пошлет по телеграфу воззвание к русским социалистам, прося их не противодействовать российскому правительству в борьбе с Германией. Воззвание написано хотя в социалистическом, но умеренном тоне и подчеркивает, что социалисты наиболее демократических стран принимают сейчас участие в борьбе с германским милитаризмом в защиту своего отечества. Военный министр

просил меня предупредить вас об этом, добавив, что придает шагу Вандервельде большое значение». Получив телеграмму, министр иностранных дел С. Д. Сазонов быстро переправил ее министру внутренних дел Н. А. Маклакову. И уже 1 августа 1914 г. получил ответ, что к передаче телеграммы по назначению (т. е. в адрес номинального главы социал-демократической фракции в Думе Н. С. Чхеидзе) «препятствий не встречается»⁴².

Антивоенные выступления трудящихся России, даже непоследовательная позиция фракции РСДРП в Думе, отказавшейся одобрить военные кредиты, вызывали немалую тревогу у всех врагов пролетариата. Поэтому наряду с самыми жестокими репрессиями в ход были пущены изощренные пропагандистские приемы. Например, широко рекламировалось «патриотическое» поведение оппортунистических лидеров не только стран Антанты, но также Германии и Австро-Венгрии. Буржуазная печать всячески расписывала министерскую деятельность Вандервельде и даже поместила его фотографии. Текст телеграммы с разрешения военной цензуры в 20-х числах августа 1914 г. напечатали столичные газеты. Купюры были минимальными, но симптоматичными, устранялась лишь псевдосоциалистическая фразеология, включая ссылку на борьбу Антанты «за политическую свободу» в Европе⁴³.

Развивая типичную шовинистическую аргументацию, Вандервельде писал, что для социалистов Западной Европы поражение «прусского юнкерства есть вопрос жизни или смерти». Переходя к роли России, он заявлял: «В этой ужасной войне, разразившейся над Европой... свободные нации принуждены рассчитывать на военную поддержку русского правительства. В значительной степени от российского революционного пролетариата будет зависеть, чтобы эта поддержка была более или менее решительной». Шовинист спекулировал даже на авторитете только что убитого реакционерами вождя французских социалистов Жореса, который якобы встал бы «на общую точку зрения положения социалистической демократии в Европе». По его мнению, война за независимость, демократию и политическую свободу, мол, настоятельно требовала «коалиции всех живых сил Европы». Выражалось также пожелание совпадения мнения социал-демократических депутатов Думы с изложенным. Вандервельде милостиво разрешал поступить с телеграммой «согласно вашему усмотрению»⁴⁴.

Демарш Вандервельде вызвал определенный резонанс. Большевики изобличали старания шовиниста в своей аги-

тационно-пропагандистской деятельности. По инициативе их фракции в Думе обсуждение обращения в духе пролетарского интернационализма прошло в Петроградской, Московской, Харьковской и других крупных партийных организациях. Составлялись и варианты проекта ответа. На заводах Петрограда содержание телеграммы Вандервельде обсуждалось рабочими коллективами по рукописным и машинописным копиям⁴⁵. Общее мнение склонялось к отклонению и осуждению нажима социал-шовиниста. Большевики предложили послать Вандервельде общий ответ от двух фракций РСДРП, но меньшевики, быстро эволюционировавшие к оборончеству, от этого отказались. Большевистский ответ был утвержден на партийном совещании в Финляндии (дер. Нейвола) 30 сентября — 1 октября 1914 г. (вскоре он стал известен охранке через провокатора Романова⁴⁶). Ленинская газета «Социал-Демократ» опубликовала его от имени Центрального Комитета РСДРП. С позиций революционной социал-демократии в этом документе критиковалась антимарксистская платформа шовинистов, подчеркивалось, что русский пролетариат не может ни при каких условиях идти рука об руку с царским правительством, заключить с ним хотя бы временные перемирия, не может оказывать ему никакой поддержки. «Напротив, мы считаем своей неотложной задачей вести с ним самую непримиримую борьбу, стоя на почве старых требований, столь единодушно выдвинутых и поддержанных русским рабочим классом в революционные дни 1905 г. и снова встретивших широкое признание в массовом политическом движении русского рабочего класса за последние 2 года»⁴⁷.

Противоположным по характеру был меньшевистский ответ, начинавшийся с приветствия Вандервельде как представителя бельгийского рабочего класса. Перепевая лживые версии социал-шовинистов, меньшевики напоминали об угрозе демократическим свободам и освободительной борьбе пролетариата со стороны «агрессивной политики русского «юнкерства»», но в то же время умалчивали о политике империалистов Антанты. Они сетовали, что не имеют возможности последовать примеру социалистов Бельгии, Франции и Англии, чтобы, «активно участвуя в войне, взять на себя ответственность за действия русского правительства». При этом заявлялось о непротиводействии войне, которая якобы «разрепится в интересах международного социализма»⁴⁸.

Ответ меньшевиков ленинский «Социал-Демократ» опубликовал в сопровождении резкого редакционного ком-

ментария: «Оправдались самые худшие опасения... Влиятельные ликвидаторы, действующие в самой России, стали на почву самого банального социал-шовинизма. Они перепевают ходкие в черносотенной и буржуазной печати утверждения, что дело Англии и Франции (которые фактически тоже ведут «предупредительную» империалистическую войну) есть «правое дело». Они одобряют вступление социалистов в министерства и наивно заявляют, что сами не поступают так же только по не зависящим от них обстоятельствам: потому что их в русское министерство не приглашают. Одобряя французских социал-шовинистов, они — заметьте — вместе с тем и германских социал-шовинистов продолжают величать «славным авангардом международного пролетариата»... Социал-шовинизм франкофильствующий, как две капли воды, похож на социал-шовинизм германophilствующий». В конце комментария подводился итог: «Перед лицом того, что происходит вокруг Р. С.-Д. Р. фракции, перепечатанное выше кредо ликвидаторов ложится особенно тяжким позором на все их направление»⁴⁹.

Примерно через год В. И. Ленин писал в работе «Социализм и война»: «На известный призыв Вандервельде «временно» прекратить борьбу против царизма... *только* наша партия, в лице ее ЦК, дала отрицательный ответ. Руководящий центр ликвидаторов согласился с Вандервельде и официально заявил в печати, что он «в своей деятельности *не противодействует войне*»»⁵⁰.

Вылазка Вандервельде, инспирированная международным ревизионизмом с одобрения империалистических кругов Антанты, позорно провалилась. Пролетариат России продолжал и в новых, небывало сложных условиях идти за большевиками, которые твердо отстаивали классовые позиции революционной борьбы с самодержавием и его западными союзниками. Меньшевики же в очередной раз показали себя прислужниками буржуазии, причем не только отечественной, но и иностранной, что являлось национальным предательством. В известной степени продолжением демарша Вандервельде были прямые обращения Плеханова, а затем Мартова к своим сторонникам в России. 17 сентября 1914 г. Плеханов направил из Женевы так называемое «Письмо-разъяснение», в котором с неприкрытой откровенностью излагалась шовинистическая платформа. «... В войне Австро-Венгрии и Германии с Францией, Бельгией и Англией, — писал автор, — интересы международного пролетариата и социального прогресса находятся на стороне трех последних го-

сударств, и... поэтому каждый, дорожащий указанными интересами, должен желать победы именно этим государствам... Я желаю поражения виновному, т. е. нападающей стороне. А нападающей стороной, по моему глубокому убеждению, явились Германия и ее союзница Австро-Венгрия»⁵¹. Письмо члена заграничного секретариата меньшевистского Организационного комитета Мартова было послано в редакцию ликвидаторской «Новой зари» в декабре 1914 г. Этот лидер первоначально находился на левом фланге центризма и порой даже поругивал в печати социал-шовинистов. Его послание отличается филистерством и напыщенными банальностями. Прикрывая софизмы буржуазной пропаганды, дезориентирующие пролетариат, он заявлял: «Только взяв на себя задачу показать, что социал-демократизм может выявить свое исторически-революционное содержание в момент коренной ломки сложившихся условий, определяющих «мировые» легалистские пошибистские формы его политического проявления, мы сможем вырывать почву из-под ног всяческого бунтарского апархо-синдикализма, который неизбежно расцветет ныне, как полярно противоположный результат пролетарского кризиса, рядом с доведенным до последней степени подлости оппортунизмом»⁵². Здесь весь Мартов. Подобная позиция была лишь на руку социал-шовинистам обеих коалиций.

Оппортунисты социал-демократических партий Аптанты организывают новое мероприятие в духе поддержки буржуазных правительств, специфическая цель которого заключалась в навязывании российскому пролетариату оборонческих задач. В феврале 1915 г. в Лондоне состоялась конференция социалистов союзнических стран. Одним из ее инициаторов был Вандервельде. Орган группы Троцкого «Наше слово» писал, что, по мнению бельгийца, конференция должна была, «во-первых, поднять дух сражающихся пролетариев ясной и отчетливой резолюцией, во-вторых, торжественным подтверждением тактики союзных социалистов отнять почву для недовольства нарастающей оппозиции»⁵³. Редакция газеты даже предложила большевикам совместно выступить против «официального социал-патриотизма». Но когда те ответили согласием, оппортунисты своими махинациями сорвали такое выступление.

Лондонская конференция приняла три резолюции. В первой говорилось о решимости социалистов «бороться до победы». Вторая предусматривала восстановление в конце войны Интернационала. А в третьей содержался

протест против ареста депутатов Думы, закрытия ряда газет и преследования национальных меньшинств в России⁵⁴. «Из Лондонской конференции, — подытожил В. И. Ленин, — вышла архимерзость, как и следовало ожидать»⁵⁵.

Реформистские лидеры германской социал-демократии, перешедшие на службу кайзеровскому правительству, в свою очередь оказывали непрерывное воздействие на оппортунистов России. Важным шагом на пути Германии к завоеванию мирового господства было создание под ее гегемонией некоего вассального конгломерата, «срединой Европы», куда предполагалось насильственно включить Прибалтику, Белоруссию, Украину. Об этом с предельной ясностью говорилось в секретных заметках канцлера Бетман-Гольвега «о направляющих линиях политики при заключении мира» (сентябрь 1914 г.). В числе главных пунктов этой программы фигурировало, в частности, образование «под немецким руководством средне-европейского экономического союза», а также «оттеснение России как можно дальше на Восток и ликвидация ее власти над нерусскими народами»⁵⁶. Конкретно речь шла о превращении Финляндии, Польши, а также Закавказья в зависимые от Германии княжества. Конечно, реализация столь бредовых намерений связывалась с обязательным условием военного разгрома России.

Германские империалисты ответили реформистам видную роль в одурачивании немецкого народа лживыми версиями, прежде всего в идеологическом обосновании широких аннексионистских замыслов. Шейдеман, Давид, Легин, Каутский усиленно распространяли печатно и устно миф об освободительной миссии Германии в отношении поляков, финнов, украинцев и даже русских. Самодержавие представлялось самым сильным и опасным врагом всех немцев, включая социал-демократов, и делался вывод о необходимости его свержения в интересах мирового пролетариата и прогресса, подразумевая под этим основание в России буржуазной парламентской республики и сохранение господства крупного капитала. Подобная риторика подкреплялась и действиями. Но успеха они не имели⁵⁷.

Немецкие оппортунисты, используя давние связи с меньшевиками, заводили в таком духе разговоры с видными ликвидаторами Лариным, Чхенкели, Гордоном и другими, оказавшимися в Берлине. Центристский лидер СДПГ Гаазе неоднократно интересовался намерениями тех, кто возвращался в Россию. «Думаете ли вы, — спра-

шивал он, — что социалисты могли бы использовать момент и поднять в России протест против войны? Допускаете ли вы возможность восстаний?» Меншевик рассуждал о необходимости собирания общественных сил, использования патриотизма для борьбы с самодержавием. А. М. Коллонтай отмечала: «Мне не понравился тот неожиданный интерес, с которым он (Гаазе. — О. С.) ставил нам подобные вопросы. Возможно, он предполагает, что русские социалисты собираются работать на руку кайзеру?»⁵⁸ А этого и добивались оппортунисты.

13 августа 1914 г. ярый социал-шовинист Гере и близкий к руководству СДПГ Фукс предложили организовать немедленный отъезд меньшевиков на родину при условии предоставления «точного списка русских революционеров», включая эсеров, которые желают покинуть Германию. Кто стоял за таким планом, немцы рассказать не желали. Даже меньшевик Ю. Ларин при обсуждении данного вопроса заметил, что, очевидно, речь идет о «сделке», ибо германское верховное командование пользуется СДПГ или ее отдельными членами, чтобы перекинуть в Россию «агитаторов». В результате Гере и Фуксу было заявлено, что, за исключением Чхенкели и еще трех-четырех человек, действительно едущих в Россию, другие остаются в нейтральных странах. Коллонтай заявила о намерении выступать там с интернационалистских позиций, поддерживая контакт с германскими товарищами, которые не мирятся с войной и станут работать для воссоздания Интернационала. Гере выразил явное разочарование. В дальнейшем Фукс проболтался: «Конечно, Гере воображал по своей шовинистической глупости, что вы все едете, чтобы поднять в России восстание, и что вы сочувствуете победе Германии. Так же считали и те, кто давал вам разрешение на выезд»⁵⁹.

В итоге план провалился. Тем не менее немцы все же вскоре согласились выпустить русских социалистов в страны Скандинавии. Накануне отъезда в конце августа 1914 г. руководители меньшевиков встретились с членами правления СДПГ, которые заверяли, что поддерживают борьбу против самодержавия в интересах демократии и русских рабочих. При этом они намекали на желательность поддержки аннексионистских замыслов германского империализма в отношении Польши, Прибалтики, Финляндии. Расстались «суховато», записывает в своем дневнике Коллонтай, решив установить взаимную информацию через нейтральные страны и по возможности сохранить контакт⁶⁰.

17 октября 1914 г. В. И. Ленин писал в Стокгольм: «Надо изо всех сил поддержать теперь законную ненависть сознательных рабочих к поганому поведению немцев и сделать из этой ненависти политический вывод *против* оппортунизма и всякой поблajки ему. Это — международная задача. Лежит она на нас, больше некому. Отступать от нее нельзя». Затем развивался центральный лозунг большевиков о превращении войны империалистической в гражданскую во всех воюющих государствах⁶¹.

Большевики были под постоянным наблюдением резидентуры русской политической полиции, которая занималась также перлюстрацией писем при активной помощи властей Швеции. Реакционные газеты германофильского толка дошли до обвинения русских революционеров в заговорах и даже шпионаже... в пользу царизма. По доносу была арестована Коллонтай, предана суду, а затем выслана в Данию⁶².

По свидетельству уполномоченного ЦК РСДРП А. Г. Шляпникова, во время пребывания в Стокгольме осенью 1914 г. ему пришлось познакомиться с «целым рядом финских, эстонских, сионистских работников», которые ранее занимались «революционной» деятельностью в России, а в тот период ориентировались «на германский штаб». Так, один эстонец, член социал-демократической партии, «предлагал через посредство различных лиц средства, оружие и все нужное для революционной работы в России». Эта личность обладала обширными связями, в том числе и с финскими активистами-сепаратистами. Он имел друзей среди персонала русской миссии в Стокгольме, в банковских и страховых кругах. «Его образ мыслей и поведение, — отмечал Шляпников, — показались нам очень подозрительными, и мы тотчас же почувствовали в нем агента германского генштаба и не только отвергли его предложения, но даже прекратили с ним всякие сношения»⁶³.

Оценка эстонца, очевидно Кескюлы, оказалась точной. Буржуазный ставленник в сентябре 1914 г. встретился с немецким посланником в Швейцарии Ромбергом, перед которым развивал планы «национальной революции в России». Служил он и тайным агентом Германии под именем Александра Штейна, получив от министерства иностранных дел 10 тыс. марок для проведения предложенной им авантюры⁶⁴. Подобным образом действовал столь же политически нечистоплотный функционер СДПГ родом из России А. И. Гельфанд, известный под псевдонимом Парвус. В 1905 г. он появился в России и даже был со-

слан в Сибирь за революционную деятельность. Но не доехав до места ссылки, бежал при довольно загадочных обстоятельствах через Петербург в Германию, оттуда переехал в Константинополь. Занявшись журналистикой и темными торговыми махинациями, сколотил немалое состояние. Представляется, что Парвус, состоя в рядах социал-демократии, являлся давним кайзеровским агентом. Он лелеял фантастические замыслы разгрома царизма путем разжигания в России революции, для чего установил тесные связи с предательским «Союзом освобождения Украины», с грузинскими и армянскими сепаратистами, находившимися на содержании Германии и Австро-Венгрии⁶⁵. Ближайшие же планы Кесюлы, Парвуса и К° более ограниченного характера (вроде провоцирования в тылах русской армии мятежей, диверсий, высадки с турецких судов на Украине десанта сепаратистов) провалились прежде всего из-за отсутствия достаточного числа людей, готовых пойти на подобные действия.

Царские власти внимательно следили за деятельностью Парвуса с помощью собственной секретной агентуры. В одном из документов Петроградского охранного отделения говорится, что тот в самом начале войны занялся в Константинополе изданием нелегальной литературы на русском языке, проводил в ней идеи пораженчества в отношении России, но «по совершенно другим основаниям и придавая иной смысл, чем лидер большевиков Ленин. Пораженчество Парвуса таково: торжество социализма может быть достигнуто только победой Германии над Россией, так как только Германия является носительницей высокой культуры». По неизвестным полиции причинам он, однако, вскоре прекратил свою публикаторскую активность и переехал в Копенгаген, где открыл «Общество по изучению социальных последствий войны». Только гораздо позже выяснилось, что данная организация служила одним из прикрытий тайных операций германских разведывательных служб, о чем не знали и многие вовлеченные в нее русские эмигранты⁶⁶. Подрывные маневры социал-предателя стали известны В. И. Ленину. Так, в январе 1915 г. он получил из Софии письмо С. Г. Буачидзе с резким осуждением шовинистического реферата Парвуса, прочитанного в этом городе⁶⁷. Отнюдь не агентом-любителем являлся Парвус, как представляют дело буржуазные фальсификаторы истории, а исполнителем директив верхушки СДПГ, ибо его происки шли в русле ее проимпериалистической линии. Краткая заметка

в центральном органе этой партии «Форвертс», искажавшая смысл ленинского реферата в Цюрихе о войне и социализме, весьма красноречива. Аналогично высказалась и газета австрийской социал-демократии «Арбайтер цайтунг». В ответ В. И. Ленин в письмах редакциям обеих газет заявил: «Заметка создает впечатление, как будто бы я ограничился полемикой против царизма. В действительности же я, будучи убежден, что долг социалистов каждой страны вести беспощадную борьбу с шовинизмом и патриотизмом собственной (а не только неприятельской) страны, резко нападал на царизм и в связи с этим говорил о свободе Украины. Но смысл моих рассуждений совершенно извращается, если ни одним словом не упомянуть о том, что я говорил о крахе II Интернационала, об оппортунизме и против позиции немецкой и австрийской социал-демократии». В заключение выражалась просьба о публикации данного документа⁶⁸. Разумеется, социал-шовинисты не решились предать гласности это разъяснение.

Германские оппортунисты пытались оказать нужное им воздействие на РСДРП и через своего фактического агента, датского социал-шовиниста П. Трульстру. В октябре 1914 г. он появился в Стокгольме, где разъяснял позицию Каутского и К^о местным социалистам, а также добивался их согласия на перенос штаб-квартиры Международного социалистического бюро из оккупированного немцами Брюсселя в Амстердам (Голландия). Трульстра встретился с представителями меньшевистского Организационного комитета и Шляпниковым, который первоначально не разобрался в подлинных целях немецкого эмиссара.

В. И. Ленин в ряде писем с исчерпывающей полнотой изложил отношение партии к откровенному оппортунизму в Германии, ее социал-шовинистам и центристам. В одном из этих документов отмечалось: «Оппортунисты — зло явное. «Центр» немецкий с Каутским во главе — зло прикрытое, дипломатически подкрашенное, засоряющее глаза, ум и совесть рабочих, опасное всего более. Наша задача теперь — безусловная и открытая борьба с оппортунизмом международным и с его прикрывателями (Каутский)»⁶⁹.

В письме 27 октября 1914 г. подчеркивалось: «Нет на свете теперь *ничего* более вредного и опасного для *идейной* самостоятельности пролетариата, как это поганое самодовольство и мерзкое лицемерие Каутского, желающего все затушевать и замазать, успокоить софизмами и

якобы ученым многоглаголением разбуженную совесть рабочих. Если Каутскому это удастся, он станет главным представителем буржуазной гнили в рабочем движении». Ленин предупреждал, что Трульстра и оппортунисты из немецких социал-демократов «ведут сейчас пакостную интрижку, чтобы все замазать. Смотрите в оба, не окажитесь невольной жертвой этой интриги!»⁷⁰. 31 октября В. И. Ленин обосновал в другом письме отрицательное отношение партии к предложению о созыве международной социалистической конференции. «Трульстра Вас обманул или ввел в заблуждение. Он — архипопортунист и агент интриг самого подлого центра самых подлых оппортунистов — немецких социал-демократов (с Каутским во главе, подло защищающим оппортунистов) и с их подлейшим форштандом. Ни на какие конференции, ни на какие шаги по инициативе подобных мерзавцев мы не пойдем, а отстранимся: пусть срамят сами себя!»⁷¹

Ленин предлагает ознакомить Трульстру с основными документами РСДРП, касающимися позиции партии по вопросам международного положения и внутренней обстановки в России. В связи с этим датчанину был передан Манифест о войне, ответ Вандервельде и записка об отношении к войне рабочих Петрограда. «Мы видели, — отмечалось в записке, — как изменила социализму и международной солидарности великая германская социал-демократия. До нас доходили известия о том, что германский генеральный штаб рассчитывает иметь свои победы над русскими войсками при содействии нашей революции. Мы знаем также, что бывшие наши учителя (Каутский и К^о) изменнически облекли германский империализм в тогу «освободителя» русского народа. Мы слишком хорошо знаем природу этой войны, чтобы поверить и вступить в сделку с буржуазным правительством той или иной страны... Мы никогда не требовали и не ожидали содействия русской революции со стороны немецкого феодализма, императора Вильгельма II, реакционного советника и друга русского царя», а в борьбе с царизмом «рассчитываем только на наши силы». «Российский революционный пролетариат, — говорилось в заключение, — вместе со всеми угнетенными национальностями, надеется выйти победителем, не входя в сделки с какими-либо, безразлично, правительствами»⁷².

Принципиальная позиция партии в отношении германского империализма оставалась все время неизменной.

Другим направлением действий германской социал-демократии были попытки использования членов II Интер-

национала нейтральных государств, в том числе и для зондирования планов русских соглашательских партий. В январе 1915 г. в Копенгагене состоялась конференция социалистов Швеции, Норвегии, Дании и Голландии. От СДПГ присутствовали с совещательным голосом В. Гейне и А. Зюдекум, от австрийских социал-демократов В. Адлер.

В. И. Ленин прозорливо разгадал подлинный смысл подобной затеи, указав в письме от 17 января 1915 г.: «По всей видимости, это интрига немцев. Я даже думаю, что тут есть интрига немецкого генерального штаба, которому хочется через других позондировать «мир»...

Ничего там не узнаем. Ничему там не поможешь. Посылка манифеста — вот все, что нам нужно»⁷³.

И в самом деле, конференция ограничилась голосованием пустых пацифистских резолюций. От имени ЦК РСДРП ей был передан текст Манифеста о войне и сообщение об аресте большевистских депутатов Государственной думы⁷⁴.

Разоблачая различные отряды социал-шовинизма, В. И. Ленин предметно вскрывал корни измены СДПГ, этой наиболее авторитетной и влиятельной партии II Интернационала, делу пролетарской солидарности, ее прямое прислужничество своим правящим кругам, генеральному штабу. Опубликованные с тех пор многочисленные материалы полностью подтвердили верность ленинских классовых оценок.

Царские власти стремились резким ужесточением карательных и провокаторских мер против РСДРП нейтрализовать влияние партии среди трудящихся России и опорочить мировую роль большевизма. Спешно готовили расправу с большевиками-думцами, которые по директивам В. И. Ленина принимали активное участие в руководстве местными партийными организациями. За ними тщательно следила целая свора шпииков. Провокаторы из Петрограда и Москвы передавали охранке информацию об их деятельности.

2 ноября 1914 г. в предместье Петрограда Озерках «пятерка» большевистских депутатов созвала всероссийское партийное совещание при участии ряда представителей с мест. Участники совещания обсудили ленинские Тезисы и Манифест о войне, выработали некоторые конкретные политические директивы*. Был также утвержден

* Решения и протокол совещания не сохранились, поскольку были уничтожены участниками при их аресте.

текст листовки к студентам с изложением взглядов РСДРП на войну. Подчеркивая, что «уничтожение существующих разбойничьих династий Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов есть уничтожение милитаризма», листовка провозглашала: «Прочь веру в царские реформы! Мы сами создаем свои реформы! Долой войну! Да здравствует социализм! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует международная революционная социал-демократия! Да здравствует РСДРП! Да здравствует новая российская революция!»⁷⁵

4 ноября 1914 г. по доносам провокаторов участники совещания подверглись аресту. На следующий день директор Департамента полиции Брюн де Сен-Ипполит докладывал министру внутренних дел: «Вчера по Выборгскому шоссе близ Петрограда захвачена конференция социал-демократов — пять членов Думы: Петровский, Бадаев, Шагов, Муранов, Самойлов. Шесть посторонних. Все обысканы. У членов Думы найдены документы, учающие в пропаганде бунта. Начато судебное дело, все арестуются следователем»⁷⁶. Самодержавие торжествовало. Реакционная печать развернула широкую антибольшевистскую кампанию.

Расправа над депутатами Думы вполне удовлетворила империалистов Антанты, опасавшихся роста антивоенных настроений в России. Французский посол Палеолог 4 октября 1914 г. увиделся с одним из своих информаторов, неким «Б», который сообщил ему, что в «передовых кругах» оживленно обсуждают тезисы «анархиста» Ленина, проживающего эмигрантом в Швейцарии. По словам осведомителя, являясь учеником Карла Маркса, руководителем социал-демократов, Ленин видел в поражении России необходимую предпосылку и даже залог успеха революции. Подобная доктрина якобы находит отклик лишь в среде «крайних элементов анархизма». Против нее ведут ожесточенную борьбу эсеры, сторонники М. И. Скобелева* и А. Ф. Керенского. В целом же, делает вывод информатор, дух масс удовлетворителен. На вопрос посла, не является ли Ленин «агентом» Германии, последовал резко отрицательный ответ в том смысле, что он лишь «сильно увлекающийся фанатик», очень умный, пользующийся всеобщим уважением, на что Палеолог воскликнул: «Но в таком случае он еще опаснее!»⁷⁷ В дальнейшем французский посол в своих донесениях неоднократно

* Как известно, Скобелев принадлежал к меньшевикам, но по взглядам был близок к Керенскому.

отмечал ухудшение «морального состояния» различных слоев русского общества, связывая это главным образом с падением престижа династии Романовых и неудачами на фронтах войны⁷⁸.

Суд над депутатами-большевиками, начавшийся 10 февраля 1915 г., сразу же приобрел международный резонанс. В обвинительной речи товарищ прокурора петроградской судебной палаты Ненарокомов одобрил поведение германских социал-демократов, голосовавших в рейхстаге за военные кредиты, расточал похвалы бельгийским и французским социал-шовинистам. Поведение думской фракции РСДРП он лживо изобразил как изменнические действия. Обвинительный акт начинался ссылкой на обращение Вандервельде к русским социал-демократам с призывом занять оборонческую позицию, при этом констатировалось, что среди членов фракции РСДРП в Думе «это воззвание не имело успеха» и на партийном совещании в Финляндии был выработан отрицательный ответ Вандервельде⁷⁹.

Защитники обвиняемых, среди которых фигурировали известные представители мелкобуржуазных партий А. Ф. Керенский, П. Н. Переверзев, А. А. Демьянов, прежде всего стремились использовать этот громкий политический процесс, чтобы широкие массы убедились и поверили в демократизм адвокатов. Царский суд приговорил депутатов Думы к ссылке на вечное поселение в Туруханский край (Восточная Сибирь), обвинив их в том, что они участвовали в организации, ставящей задачи свержения существующего государственного строя. На суде обвиняемые не проявили достаточной твердости и должной скоординированности действий. За исключением Муранова, они не применили давнюю рекомендацию партии — отказаться от показаний. Поведение на суде Каменева, старавшегося доказать свою солидарность с социал-патриотом Иорданским и несогласие с ЦК, В. И. Ленин осудил как недопустимое для революционного социал-демократа⁸⁰.

Материалы процесса над депутатами-большевиками (опубликованные с купюрами) позволили широкой общественности, трудящимся в России и за рубежом узнать правду о последовательных выступлениях РСДРП против войны и социал-шовинизма, за пролетарскую революцию и интернационализм. Глубокий анализ политического значения процесса дан в ленинской статье «Что доказал суд над РСДР Фракцией?», опубликованной 29 марта 1915 г. в газете «Социал-Демократ». Выделяя главные моменты, В. И. Ленин писал: «Сознательные рабочие России со-

здали такую партию и выдвинули такой передовой отряд, которые во время всемирной войны и всемирного провала международного оппортунизма проявили больше всех способности исполнить свой долг интернациональных революционных социал-демократов. Путь, по которому мы шли, испытан величайшим кризисом и оказался — еще и еще раз — единственно верным путем...»⁸¹

Поскольку оппортунисты в сущности являлись орудием империализма, они контактировали с различными правительственными органами, включая разведывательные и охранительные. Синхронность их операций против революционного движения в России подтверждают многие факты.

Остановимся на почти неизвестной акции заграничной агентуры Департамента полиции с центром в Париже. Филиал охранки, занимавшийся преследованием русских революционеров за рубежом, попытался совместить выполнение главной задачи, направленной на организацию провокаций против антивоенных выступлений рабочего класса, с осуществлением разведывательных функций. Опытными провокаторами были Б. М. Долин (Заславский) (кличка Шарль, Абрам, Александров, Полонский) и кадровый жандарм А. И. Литвин (кличка Антон). Иудин путь Долин начал в Житомире, провалив в 1903 г. местную организацию Бунда, затем подвизался в Екатеринославе и Одессе среди анархистов и террористов. Оттуда его направили в Швейцарию, где он пробрался в руководство малочисленных групп анархистов-коммунистов. За нечистоплотность в личной жизни и авантюризм Долин даже временно отстранялся от службы своими шефами⁸². Незадолго до войны провокатор, пользуясь связями в охранке, достал заграничный паспорт некоему Беренштейну, который сразу выехал на жительство в Турцию и принял ее подданство. Прибыв в Швейцарию в октябре 1914 г., он завязал контакты с Долиным, желая иметь связи «с одной из русских революционных партий». По указанию заведующего заграничной агентуры А. А. Красильникова Долин установил, что турки предлагают организовать взрыв двух железнодорожных мостов в Центральной России и одного моста в Сибири за денежное вознаграждение в сумме 50 тыс. руб. с соответствующей технической помощью. Согласившись, Долин оттягивал окончательный ответ до получения надлежащих инструкций. Из Петрограда поступило указание продолжить эти контакты⁸³. Как явствует из дальнейшей переписки, охранка предполагала использовать подвернувшийся слу-

чай для выявления тайных агентов враждебной коалиции, а также не исключала политической компрометации руководителей русских революционных сил в самой России и за ее пределами. Не вполне доверяя Долину, Красильников выделил в помощь ему своего заместителя, опытного жандармского подполковника А. В. Эргардта. После встреч с Беренштейном тот без труда выяснил, что предложение о диверсиях исходит от германского посольства в Константинополе. Согласно договоренности в состав диверсионной группы должны были войти лишь те, кого подыщет Долин. В дальнейшем подполковника сменил его подчиненный ротмистр Литвин. Последовали встречи в Бухаресте и Салониках с немецким эмиссаром, которым оказался Люднер (корреспондент газеты «Берлинер локаль-анцайгер»). Долин и Литвин выдавали себя за «остатки фракции максималистов», искавших связей с комитетом буржуазных националистов России в Константинополе. В итоге на одной из встреч с Люднером пришли к решению взорвать железнодорожный мост близ Красноярска за 150 тыс. франков плюс расходы на диверсантов. Якобы предлагалось также убить царя за 1 млн., но собеседники это категорически отвергли. Продолжая игру, охранка инспирировала ряд сообщений в иностранной печати о мнимых вражеских диверсионных акциях в России, включая и взрыв моста.

17 февраля 1915 г. товарищ министра внутренних дел В. Ф. Джунковский приказал Красильникову «в целях поощрения полезной деятельности Антона и Шарля» выдать из суммы кредита, ассигнованного в 1914 г. на содержание заграничной агентуры, первому 700 франков, а второму 1500 франков, т. е. услуги провокатора оценивались жандармами вдвое выше, чем кадрового жандарма Литвина. Ободренные подачкой, Долин и Литвин по возвращении из России вступили в контакт с официальным германским военным агентом в Берне Бисмарком, занимавшимся тайно шпионажем.

В целом характеристика подрывных действий социал-шовинистов обеих воюющих коалиций применительно к русским условиям дается В. И. Лениным в письме от 11 февраля 1915 г. «Для нас и франкофилы и германофилы, — отмечал В. И. Ленин, — одинаково = патриоты, буржуа или их лакеи, а не социалисты. Бундовцы, напр., большей частью германофилы и рады поражению России. Но чем же они лучше Плеханова? Оба — оппортунисты, социал-шовинисты, только разных цветов. И Аксельрод тоже...»⁸⁴

Попытки ревизионистов разных мастей скомпрометировать и подорвать партию изнутри провалились, что объясняется как проведением большевиками марксистской линии в вопросах войны, мира и революции, так и правильной тактикой в сложном водовороте событий. Последовательно разоблачая прислужничество оппортунистов буржуазии и их наглый обман пролетариата, большевики оказывали всемерное содействие сплочению сил интернационалистов в рядах социал-демократии.

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО- ПРОПАГАНДИСТСКИЙ НАЖИМ

**Щупальца зарубежных спецслужб. Сионистские
пособники капитала. Шпионаж противника.
Зондажи сепаратного мира. Роль масонов.
Предательство буржуазных националистов.**

Удерживая Россию в зависимости, Англия и Франция оказывали постоянное влияние на внешнюю и внутреннюю политику партнера посредством многочисленных официальных и прочих средств. Помимо дипломатических каналов (их роль в основном освещена научной литературой) большое значение имели различные операции сложного разведывательно-пропагандистского аппарата союзников. Опираясь главным образом на связи с буржуазно-либеральными кругами, он выполнял специфические задачи. Пальма первенства здесь принадлежала британской разведке. В России появились и так называемые общественные организации. Официально они содействовали сближению страны с державами Антанты в торгово-экономической и политической областях. Действовали многочисленные по составу посольства. В крупных городах функционировала достаточно широкая сеть консульских учреждений, корреспондентские пункты иностранных газет. В Петербурге еще в 1911 г. торжественно открылся специальный Французский институт с расплывчатыми задачами содействия развитию между двумя державами «сношений научного и интеллектуального характера». Из десяти учредителей института четверо являлись видными руководителями масонского центра «Великий Восток Франции». Речь идет о Думере, Леруа-Болье, Форе и Пишоне⁸⁵. Любопытна запись в дневнике Александра Блока 19 октября 1911 г.: «Вот, например, — вчерашнее открытие Французского института; присутствуют Анич-

ков, Иван-Странник *, Философов, Милюков, М. Ковалевский, Кассо. Телеграмма Коковцова. Все — одна бурда. М. Ковалевский, катающийся по кабакам с дядюшкой моим, директором Горного департамента. Евг. Аничков — «представитель от искусства», никогда не воспринявший ни одного художественного образа, слабый, пьяный, гусар по природе... Милюков, который только что лез вперед со свечкой на панихиде по Столыпину (в день открытия Думы). Кому и чему здесь верить? Разве «прекрасному французскому языку» Кассо? Все — круговая порука, одна путаница, в которой сам черт ногу сломит»⁸⁶. С разящим сарказмом поэт обрисовал якшанье буржуазных либералов, масонов Е. В. Аничкова и М. М. Ковалевского, лидера кадетской партии П. Н. Милюкова с мракобесом министром народного просвещения Л. А. Кассо. Несмотря на малочисленный штат, Французский институт являлся одним из филиалов разведывательных органов Третьей республики. Победа Октября положила конец его деятельности. Он был навсегда закрыт органами народной власти социалистической России.

Активно занималась осуществлением аналогичных операций (одновременно с выполнением и прямых функций) Русско-английская торговая палата, основанная в декабре 1908 г. К весне 1914 г. общее число ее членов достигло почти 900 человек, включая видных представителей русской финансовой олигархии Н. С. Авдакова, Э. Л. Нобеля, Б. А. Каменки, представителей английского капитала Вишау, Гартлея, Безанта и многих других. Почетными членами палаты были видные царские сановники В. Н. Коковцов, А. П. Извольский и С. Д. Сазонов, а председательствовал в свое время министр В. И. Тимирязев. Она имела в своем составе шесть специализированных отделов, поддерживала связи с русским отделением Лондонской торговой палаты, с торговыми палатами больших городов обеих стран⁸⁷.

С началом войны правящие круги Запада лихорадочно занялись совершенствованием средств разведки и пропаганды, ориентировав их на обеспечение империалистических целей текущего и перспективного планов. Существовавшие учреждения были функционально расширены, появились новые строго законспирированные службы, координация которых осуществлялась узким кругом бюрократической элиты. В Англии действовали три главных раз-

* Иван-Странник — литературный псевдоним жены ученого-филолога Аничкова, одно время дружившего с Блоком.

ведывательных органа: военная разведка под началом генерал-майора Макдоно, военно-морская во главе с адмиралом Блинкером Холлом и секретная служба Министерства иностранных дел⁸⁸. Контрразведкой ведал специальный отдел полиции Скотленд-Ярда с шефом Б. Томпсоном во главе, созданный еще в 1883 г. «для борьбы с террористами, нигилистами и анархистами»⁸⁹. Все они тесно взаимодействовали друг с другом, хотя сказывалась и ведомственная разобщенность на почве личного соперничества руководителей. Если ранее отдельные службы имели в иностранных государствах представителей в штатах военных атташе, то теперь в союзные страны были направлены многочисленные военные миссии, обретавшиеся на фронтах.

Одновременно в Англии постепенно формировалась разветвленная система специфических пропагандистских органов, которые сотрудничали с разведками. Наряду с ранее существовавшими отделами такого профиля при Форин офис, Адмиралтействе и Военном министерстве возникло несколько «добровольных» общественных организаций, готовивших разнообразные пропагандистские материалы для направления нейтралам, союзникам и даже во вражеские государства. Внимание уделялось также фабрикации и распространению ложных слухов. В частности, в течение всей войны поддерживался слух о высадке целой русской армии в Шотландии для последующей ее переброски во Францию⁹⁰. Одним из наиболее известных «добровольных» учреждений были Комитет национальных патриотических организаций, Комитет прессы нейтральных стран, Парламентский комитет мобилизации, Викторианская лига и Союз демократического контроля. В последний входили ярые социал-шовинисты Э. Брайлсфорд, Дж. Гобсон, Т. Понсонби, Б. Рассел, М. Тревельян, сионист Зангвилл⁹¹.

В начале сентября 1914 г. создается новое учреждение — Бюро военной пропаганды во главе с членом кабинета К. Мастерманом, который руководил и Национальной страховой комиссией. Поскольку это учреждение расположилось в помещении последней в Веллингтон-Хауз, в литературе оно обычно фигурирует под этим названием. Там подвизались такие ученые, как Дж. Хадлем, А. Тоинби, Л. Намир, писатель Э. Хаукинс и др. Комитет готовил определенные пропагандистские материалы для нейтральных и союзных государств, посылал туда специальные миссии и отдельных лиц для изучения взглядов общественности, стремился выработать рекомендации, противо-

действующие распространению антианглийских настроений. В составе учреждения имелся и отдел разведки. Контроль за всей английской пропагандой был возложен в январе 1916 г. на Министерство иностранных дел⁹².

Вот как характеризует размах такой пропаганды осведомленный германский агент Дж. Зильбер: «Телеграфные агентства Рейтер передавали ежемесячно свыше миллиона слов за границу... что соответствует приблизительно содержанию одного большого тома Британской энциклопедии. Еженедельно иностранная пресса получала до 400 статей на всех языках мира... Во всех нейтральных странах Европы появлялись одновременно сотни антигерманских публикаций»⁹³. Многие факты просто фабриковались, другие значительно извращались и подтасовывались.

На Россию (союзницу недостаточно устойчивую) разведывательно-пропагандистские службы обращали особое внимание, их деятельность координировалась в Петрограде послами Бьюкененом (Англия) и Палеологом (Франция), располагавшими тайными информаторами из российских подданных.

В августе 1914 г. в Петроград из Лондона прибыл капитан Симпсон. Официально занимаясь улучшением средств радиосвязи между двумя странами в целях обеспечения обмена военной информацией, он собирал и разведывательные данные. По выезде его на Кавказ для устройства радиостанций в октябре в столице России появился капитан Кемпбелл, возглавивший разведывательную миссию, официально аккредитованную при Главном управлении генерального штаба. 10 мая 1915 г. военное министерство Великобритании сообщало: «Мы располагаем в Петрограде офицером и одним-двумя чиновниками, имеющими доступ в русское военное министерство и работающими в тесном контакте с русскими разведывательными ведомствами. Они передают данные о противнике только в наш отдел секретной службы, информирующий в свою очередь союзные державы». Глава миссии имел прямые каналы шифросвязи с Лондоном и мог вступать в контакты с лицами, с которыми было нежелательно общаться лично военному атташе⁹⁴. В мае 1915 г. Кемпбелла заменил майор Торнхилл, занимавшийся разведкой и пропагандой. Когда примерно через год он стал помощником военного атташе, его место занял разведчик-дилетант, член парламента от консервативной партии С. Хор, ставший в 20-е годы министром и известный оголтелым антисоветизмом.

Официальные цели разведывательной миссии состояли в наблюдении за передвижением германских войск, торговыми операциями России, за поездками английского военного персонала по стране, а также в составлении так называемых черных списков фирм, занимавшихся контрабандой. Однако в основном разведка занималась насаждением своей агентуры в России, внимательно следила за происходившими там политическими событиями и влияла на них. Представителей в России имел и Веллингтон-Хауз. Первым из них являлся небезызвестный славист Б. Пиэрс с громким титулом «официальный корреспондент его величества». Позднее к нему присоединился публицист А. Уолпол, подружившийся в Москве с молодым помощником английского вице-консула Локкартом. Полуофициальная организация Англо-русское бюро информации содействовала лучшему пониманию политики Великобритании и ее «военного вклада», при этом велось соответствующее воздействие на русскую прессу. В бюро подвизалось большинство местных английских корреспондентов и других лиц, включая «обучающегося музыке» П. Дюкса, будущего резидента английской разведки в РСФСР. Сотрудничество Уолпола с Торнхиллом обеспечивало тесную связь «пропаганды и разведки», причем первому помогал секретарь Московского художественного театра М. Ликиардопуло. Локкарт снабжал тенденциозной информацией московские буржуазные газеты и устраивал поездки их корреспондентов в Англию⁹⁵.

Английская пропаганда в России пыталась представить правящие круги держав Антанты оплотами свободы и демократии и, скрывая свои собственные империалистические замыслы, всю ответственность за развязывание войны возлагала на Германию. Параллельно с размахом рекламировался мнимый демократизм парламентского строя Великобритании и ее традиции. На русском языке распространялся во многих тысячах экземпляров журнал «Война в иллюстрациях».

Конкретных фактов «сотрудничества» русских буржуазных деятелей с разведками союзников (а на деле настоящего шпионажа) более чем достаточно. Любопытны признания Локкарта. О московском городском голове и бывшем товарище председателя Государственной думы кадете М. В. Челнокове он пишет: «Хотя он и был на двадцать с лишним лет старше меня, мы стали с ним интимными друзьями. Через него я познакомился с вождами московского политического движения — князем Львовым, Василием Маклаковым, Мануиловым, Кокошкиным

и многими другими. От него я получал копии секретных резолюций московской городской думы, руководимого Львовым земского союза и союза городов, одним из руководителей коего он был. Случалось ему снабжать меня и копиями секретных постановлений кадетской партии или даже документами вроде письма Родзянки к председателю Совета министров, каковые я первый сообщал посольству, — маленькие успехи, создававшие мне репутацию особенно искусной ищейки. Мои связи оказали мне возможность быть полезным даже военному министерству». В квартире Локкарта, превращенной в салон, толклись бок о бок с английскими разведчиками комендант Кремля, губернатор, градоначальник, представители генералитета, не говоря уже о богатых купцах, политических деятелях, артистах и писателях⁹⁶. Конкретизируя выполнявшиеся им обязанности, Локкарт констатирует: «В воспоминаниях с особой отчетливостью встают забастовки, политические выступления, военные поражения, но повседневной пищей являлись заседания с органами английской колонии, принявшими на себя попечение о раненых и беженцах, участие в правительственных комиссиях и комитетах по снабжению армий, огромная шаблонная работа в консульстве, которая уже сама по себе, независимо от политической деятельности, отнимала массу сил и времени»⁹⁷.

Попутно англичанин шпионил за французскими союзниками. Так, ему удалось достать тайно у проезжавшей через Москву французской правительственной миссии доклад маршала По о положении в Румынии, которую Антанта тогда всячески втягивала в войну на своей стороне⁹⁸.

Несколько по-иному строилась работа соответствующих органов Франции. Ее разведка концентрировала все дела по шпионажу во 2-м бюро генерального штаба. Совместно со специальным отделом службы безопасности (Сюртэ женераль) оно ведало и контрразведкой. Филиалами разведывательно-пропагандистских органов Франции в России были многочисленные «благотворительные заведения». Только в Петрограде функционировали: «Французская благотворительная ассоциация», «Общество взаимопомощи французских резидентов», Французский институт, «Альянс франсэз», «Французский дом», франко-русская торговая палата, французский госпиталь, католическая церковь Нотр-Дам де Франс и даже некое «Франко-русское учреждение для сбора сведений». Следы существования столь многочисленных ассоциаций были

обнаружены нами во время работы в Национальном архиве Франции.

До февраля 1917 г. США сохраняли нейтралитет, но явно симпатизировали Антанте. Фактически это был надежный тыл для союзных армий, откуда они черпали немало боевой техники и разного военного снаряжения, что приносило огромные прибыли американским бизнесменам. К тому же США готовились к вступлению в войну. На это обстоятельство специально указывал В. И. Ленин еще в феврале 1916 г.⁹⁹ Должником США оказалась и царская Россия, получавшая оттуда военные и прочие материалы. Не ограничиваясь поставками и торговлей, заокеанские монополии давно зарились на природные богатства нашей страны. Правящие круги США в сущности проводили в отношении России линию, аналогичную союзнической. Американская разведка засылала в Россию своих людей, насаждала агентуру в крупных городах, широко использовала для шпионажа американские посольство, консульства, отделения торговых и банковских фирм, другие организации. Важным источником информации служила Русско-американская торговая палата в Москве с отделениями в Петрограде, Киеве, Одессе, Ташкенте и других городах. В 1917 г. она насчитывала 870 коллективных и индивидуальных членов¹⁰⁰.

Подобная разносторонняя деятельность происходила при содействии царских властей и буржуазно-помещичьих кругов, выступавших фактическими пособниками закабаления нашей страны монополистическим капиталом западных держав. Союзные разведывательно-пропагандистские службы широко использовали в качестве доброты или платных сотрудников многих офицеров, агентов охраны, чиновников, представителей интеллигенции из кадетов, октябристов, прогрессистов, трудовиков. В силу своих классовых интересов они деятельно помогали реализации кабальных планов Антанты, предавая коренные интересы народов России. С этой же целью создавались организации по оказанию так называемой помощи союзникам. В их числе было и «Общество 1914 года», в задачу которого входила борьба с «немецким засильем». Председательствовал в нем генерал-адъютант, начальник Главного управления уделов князь В. С. Кочубей. Членами руководства являлись представители аристократии и крупного купечества, в том числе черносотенцы. В публичных выступлениях они указывали на долг каждого «сплотиться для общей борьбы за народные интересы, предостерегали от увлечений социализмом и интернацио-

нализмом». Через определенное время организация оказалась под контролем трудовиков и эсеров. В начале 1915 г. возник некий «Прогрессивный кружок». Его возглавил прогрессист И. Н. Ефремов, заместителем был кадет, а затем прогрессист С. П. Мансырев. Кружок имел тесные связи с Антантой¹⁰¹.

Известна и верная служба западному империализму Всемирной сионистской организации (ВСО), российский филиал которой активно функционировал. Возникнув в 1897 г. в Вене, она выдвинула в качестве официальной конечной цели создание еврейского государства в Палестине (тогда владение Турции). Сосредоточение всех иудеев на их «исторической родине» должно было проводиться под предлогом избавления от всевозможных преследований со стороны антисемитов. В действительности сплочение иудеев велось на чисто националистической платформе. Сионисты пытались обособить их неимущие слои от других трудящихся России и тем самым внести раскол в революционное движение. В то же время сионисты проникали на ответственные государственные и общественные посты. В результате они выступали верными союзниками буржуазных и соглашательских партий России. Подобная линия первоначально вызывала оппозицию среди других еврейских организаций, что свидетельствовало о недостаточной популярности сионизма до первой мировой войны. Верхушка этого буржуазно-националистического течения дискредитировала себя сделками с царизмом в борьбе с революционным движением, получая взамен согласие властей на беспрепятственную эмиграцию евреев на Запад и в Палестину.

Систематическая борьба партии большевиков против идеологии и практики сионизма способствовала, как отметил В. И. Ленин, «позорному краху сионизма»¹⁰². Это важное замечание содержится в выписках и заметках 1913 г. по поводу книги «Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия». СПб., 1910 (содержащей и статью одного из сионистских лидеров — Д. Пасманика).

В 1915 г. верхушка ВСО, оставив свою штаб-квартиру в Берлине, создала в Копенгагене бюро связи и провозгласила нейтральную позицию, причем влиятельная ее часть из представителей российского филиала (Соколова, Членова, Усышкина, Розова) придерживалась откровенной антантофильской позиции, якобы получив заверение Черчилля в содействии «возрождению еврейства в Палестине». На совещании еврейских деятелей в Петрограде

в конце ноября 1914 г. Членов заявил, что в «оккупации Палестины Англией он видит наискорейшее осуществление сионистских задач»¹⁰³. Одновременно сионистское руководство стремилось укрепить отношения с царскими властями, но другая его часть выступила в поддержку германского империализма. При их прямом содействии в Берлине был образован так называемый Комитет освобождения русских евреев, председателем которого стал известный социолог Ф. Оппенгеймер, вице-председателем М. Боденгеймер. Они изготовили прокламацию к польским евреям, которую австро-германское командование распространяло в виде листовки на временно оккупированных территориях. Все посулы о «победе свободы и справедливости» оказывались на деле сплошным обманом.

В декабре 1914 г. Членов направил в МИД России пространную записку, в которой напоминалось о благосклонном отношении самодержавия к сионизму, начиная с переговоров между основателем ВСО Герцлем и министром внутренних дел Плеве в 1903 г. и кончая контактами сионистов со Столыпиным. А просил он о содействии предоставлению евреям Палестины «права охраненного убежища» в виде особой грамоты держав Еврейскому колониальному банку (наподобие акта Ост-Индской компании). Судя по всему, официального ответа Членов не получил, но сионисты продолжали поддерживать деловые контакты с властями России¹⁰⁴.

Такие отношения объяснялись не только давним сотрудничеством сионистов с самодержавием, но и давлением со стороны международного еврейского капитала, прежде всего английских Ротшильдов и их американских компаньонов. В беседах с русским послом в Лондоне Бенкендорфом Ротшильд требовал «смягчения законов», касающихся положения евреев. Но оказалось, что радетель интересов единоплеменников добивался не проведения реформ в пользу евреев, а лишь сообщений в русской печати о намерении правительства обсудить «еврейский вопрос при возобновлении заседаний» Думы¹⁰⁵. Пытаясь создать видимость защиты евреев, сионистский главарь отнюдь не заботился о них по существу. Эта тактика позволяла лидерам ВСО наживать политический капитал среди приверженцев, нагло одурачивая их. Однако попытки сионистов натолкнулись на твердый отказ самодержавия дать хотя бы туманное обещание насчет отмены позорных антисемитских узаконений.

Сам термин «евреи», которым столь ловко манипулировали сионисты, вуалировал известные классовые реаль-

ности. Кучка богатых евреев, эксплуатировавшая массу бедноты, фактически дискриминации в России не подвергалась. Крещеные евреи занимали видные административные посты не только в гражданском ведомстве, но и в армии и в охранке. Евреи составляли значительную прослойку буржуазной интеллигенции в области литературы, искусства, медицины, юриспруденции¹⁰⁶. Эта их часть полностью смыкалась с верхами русской буржуазной интеллигенции, многие входили, к примеру, в руководство кадетской партии.

Все это учитывалось и карательными органами. Показателен циркуляр Департамента полиции от 12 декабря 1914 г. В нем говорилось: «Чистый сионизм, придерживающийся Базельской программы (т. е. руководимый ВСО.— *Ред.*), не заключает в себе ничего преступного». Циркуляр предписывал «самым тщательным образом» выяснять конкретные обстоятельства, характер деятельности и цели сообществ, стремящихся к учреждению в России демократической республики «путем террора и вооруженного восстания» (Поалей-ццион и сионисты-социалисты)¹⁰⁷. Фактически за время войны охранка чинила мало препятствий сионистам, ограничиваясь лишь слежкой за ними.

По сионистскому каналу проводилось систематическое воздействие правящих кругов Запада на часть еврейского населения России. Агентура сионистов использовалась для подрыва революционного движения, в котором вместе со всеми национальностями страны принимали участие и трудящиеся еврейские слои. Иностранцами установками руководствовались местные сионистские лидеры. Тайно став на службу царизму, они фактически прикрывали органически присущий тому антисемитизм.

Специфические задачи преследовали разведывательно-пропагандистские органы центральных держав. В сложившихся обстоятельствах они прибегали ко многим методам политической мимикрии. Их классовой опорой в России традиционно были германофильски настроенные правые круги буржуазии и помещиков, финансисты, часть придворной камарильи, прибалтийские бароны, немецкие поселенцы*. Начав войну, Берлин и Вена стали активно ориентироваться на некоторые сепаратистские организации национальных окраин, искать союзников среди мел-

* Встречающиеся в иных книгах утверждения о существовании еще в довоенной России влиятельного течения «германофилов» не соответствуют действительности (*Соловьев О. Ф.* Империализм — враг революции в России. М., 1982, с. 201, 221—225).

кобуржуазных партий, находившихся в оппозиции к царизму.

Службы немецкого шпионажа занимались в России не только сбором всевозможных секретных данных и проведением диверсий, но и осуществлением политических подрывных акций. Соответствующие органы Германии являлись составными частями большого генерального штаба в виде разведывательной службы и бюро печати¹⁰⁸. Во главе русского отдела находился полковник Николай, грубо исказивший в воспоминаниях смысл его подлинных занятий. Вопреки фактам он утверждал, например, что Германия располагала исключительно военной разведкой и «заранее отказалась от использования политического положения у своих противников, как и от пропаганды в нейтральных странах»¹⁰⁹. На самом деле немцы прилагали немалые усилия по организации разведки и пропаганды главным образом через нейтральные и другие страны. Этим занимались также по крайней мере 27 официальных, полуофициальных и неофициальных агентств, действия которых координировались Центральным бюро иностранной службы во главе с бывшим германским послом в Японии фон Муммом. В совет директоров входили многие крупные государственные деятели, дипломаты и журналисты. Крупную роль играл лидер католической партии Центра М. Эрцбергер. Они встречались ежедневно в министерстве иностранных дел для обсуждения общего военного положения и выработки директив по пропаганде¹¹⁰. В 1915 г. Эрцбергер создал параллельную военной собственную шпионскую сеть для сбора информации в стане противников центральных держав с резидентурами в Швейцарии, Голландии, Дании и Швеции. К числу важных каналов относились связи с Ватиканом и с представителями масонства¹¹¹. Работа организации распространялась через эмигрантов и на Россию.

Но австро-венгерская разведка в целом действовала недостаточно эффективно, что признают некоторые ее руководители в открытых публикациях и в закрытых материалах. Один из них констатировал с горечью: «Наши службы провалились в России, и это тяжело сказалось с самого начала войны»¹¹². Те же выводы содержались и в справочных материалах разведывательного бюро генерального штаба Австро-Венгрии, составленных накануне краха последней в 1918 г. Достаточно сказать, что его шефам не были достоверно известны руководители русской разведки и контрразведки. Австрийцы, а следовательно, и их союзники немцы мало знали о резидентурах царизма в

нейтральных странах, ограничиваясь общей констатацией работы таких центров¹¹³. Более успешно австрийцы оперировали в прифронтовой зоне в середине войны.

Эти краткие общие факты о происках разведывательных служб центральных держав против России следует, конечно, рассматривать в рамках шпионажа всех воюющих держав. Несмотря на разрекламированные в литературе «подвиги» контрразведок Англии и Франции, они на самом деле не смогли эффективно пресечь подрывную работу германской агентуры. Достаточно сказать, что в почтовой цензуре военного министерства Великобритании с 1914 г. действовал немецкий шпион Зильбер, удостоившийся после ликвидации этого учреждения в 1919 г. благодарственного письма за верную службу от самого директора военной разведки¹¹⁴. Другой немецкий агент подвизался переводчиком во французском военном трибунале, который судил его коллег по грязному ремеслу. Своим шефам в Германии он систематически докладывал существо обвинительных материалов против таких лиц. В свою очередь не оставались в долгу и страны Антанты. Так, в штабе кронпринца Баварского Рупрехта действовал засланный еще до войны английский разведчик в чине майора германской армии, причем ему удалось продержаться почти до заключения перемирия в ноябре 1918 г. Получили известность агенты Тренч, Брендон и др.¹¹⁵

Русская разведка в свою очередь провела немало успешных операций против как Германии, так и особенно Австро-Венгрии. Было собрано немало полезной информации относительно укреплений на балтийском побережье, прежде всего в районах Кенигсберга и Данцига, где находились главные верфи подводных лодок. Когда в начале войны немецкий крейсер «Магдебург» наскочил на мель возле острова Оденгольм, удалось захватить на нем секретные бумаги, включая военно-морской шифр. Он сразу же был передан в английское адмиралтейство, что помогло расшифровывать германские радиопередачи. Активно действовали резиденты царизма в нейтральных странах. Так, полковник П. И. Игнатьев в сотрудничестве с французским 2-м бюро (и какой-то тайной, видимо масонской, организацией Италии) наладил получение сведений о перебросках войск противника на русский фронт¹¹⁶. Но больше всего преуспела русская служба дешифровки, которая в короткий срок подобрала ключи фактически к любому иностранному шифру, включая на восточных языках. Нередко расшифровывалась и переписка союзных держав со своими послами в Петрограде.

Немецкая разведка расширяла шпионские связи через торгово-промышленные фирмы, банки и немецких колонистов в России. Активную роль в этом играло, в частности, известное товарищество по торговле машинами, металлами, изделиями из них и оптическими приборами «К. Шпан и сыновья». К. Шпан, будучи крупным германским предпринимателем, заседал одновременно в правлениях многих акционерных обществ, включая и работавших на оборону. Он располагал широкими связями в буржуазно-дворянских кругах. А юрисконсультom шпионской фирмы состоял не кто иной, как будущий премьер Временного правительства и главковерх А. Ф. Керенский¹¹⁷.

Уже в первые недели войны правители Германии через их разведывательные органы начали тайное зондирование самодержавия на предмет выяснения возможностей для заключения сепаратного мира. Подобные зондажи было бы неверно вырывать из контекста общей политики центральных держав, которые инспирировали по разным каналам многочисленные аналогичные демарши. Анализ всей совокупности документальных материалов, находящихся ныне в распоряжении исследователей, убеждает в том, что Германия и Австро-Венгрия развязали войну ради удовлетворения своих обширных захватнических притязаний. Всерьез не рассчитывая на мирный исход, эти страны стремились лишь внести замешательство в стан противников, использовать противоречия между ними и тем самым подорвать их военные усилия. Необходимо учитывать и наличие различных тактических подходов в правящих сферах Германии. Именно поэтому они вместо «честной игры» остерегались даже полуофициальных зондажей, предпочитая всякие окольные методы, используя подчас безответственных и неавторитетных посредников.

14 ноября 1914 г. В. И. Ленин послал письмо в Стокгольм, в котором прозорливо предупреждал, что «завтра-послезавтра» немецкая буржуазия и особенно оппортунисты подхватят лозунг мира в собственной интерпретации, ведь все шовинисты тоже за мир на своих условиях, «дворы германский и русский тоже (в тайне сегодня, полуоткрыто завтра) за особый мир друг с другом», «все сентиментальные буржуа и обыватели «за мир» с точки зрения антиреволюционной, обывательской, рабской и т. д.»¹¹⁸.

Тайные маневры Германии проводились в отношении как России, так и Франции, поскольку оба государства считались в Берлине наиболее перспективными с точки

зрения подрыва Антанты *. Такое сопоставление позволяет выявить дополнительные, малоизвестные исторические факты.

Разведки центральных держав сделали ставку прежде всего на видного деятеля, в тот период члена Государственного совета графа С. Ю. Витте, опубликовавшего в апреле 1914 г. в одной из германских газет интервью с сочувственным отзывом о попытках Распутина «предотвратить войну». Распутин откликнулся в «Петербургской газете» похвалой в адрес Витте. Июльский кризис застал Витте на курорте в Германии. Он не преминул открыто продемонстрировать в печати свои «миролюбивые» намерения. По возвращении в Петроград Витте продолжал действовать в том же направлении, причиняя немалое беспокойство союзникам. Французский посол Палеолог писал 12 сентября 1914 г., что «Распутин не одобряет войны и предвидит большие несчастья». Посетивший посла в тот же день Витте говорил о войне как о «безумии», навязанном царю политиками, и предрекал пагубность ее для России. На вопрос Палеолога о практических предложениях собеседника последовал ответ: «Надо покончить и поскорее с этой глупой авантюрой»¹¹⁹.

30 октября 1914 г. английский посол в Петрограде Бьюкенен докладывал в Лондон: «Мы знаем из достоверных источников, что граф Витте ведет широкую пропаганду против целей и политики российского правительства, союзника британского правительства в этой войне. Сазонов старается прекратить эти выступления, обратив на них внимание императора»¹²⁰. Палеолог даже пожаловался на деятельность Витте Сазонову, который сообщил, что не раз говорил об этом царю. Тот возмущался, но никаких мер не предпринимал. Французский посол позднее объяснял поведение Николая II — пасует перед Витте, опасаясь его ума, высокомерия, остроумия и интриг. Между ними, мол, имеются тайны, раскрытие ко-

* В историческом очерке И. А. Дьяконовой данный вопрос трактуется главным образом на основании давно известных германских документов, опубликованных Шерером и Грюнвальдом. Эти документы уже неоднократно использовались нашими учеными, между которыми выявились различия в подходах, о чем И. А. Дьяконова не упоминает. В ее очерке не дается и указаний на работы Е. Д. Черменского и В. С. Васюкова, в которых эта проблема затрагивается специально на аналогичных материалах. Отсылка на известную работу К. Ф. Шацилло (Вопросы истории, 1970, № 9) носит формальный характер (И. А. Дьяконова. Сепаратные контакты царской России и кайзеровской Германии в первую мировую войну. — Вопросы истории, 1984, № 8).

торых нанесло бы ущерб императорской чете¹²¹. Витте тогда прилагал немалые усилия для возвращения к активной государственной деятельности, в частности он попытался выступить посредником в деле заключения крупного займа в США, но безуспешно¹²².

После поражения немцев в битве на Марне выявилась перспектива затяжной войны. Новый немецкий главнокомандующий Фалькенгайн в письме канцлеру Бетман-Гольвегу 19 ноября 1914 г. (н. ст.) предложил попытаться прекратить военные действия с Францией либо с Россией, но предпочтительнее с последней. 25 декабря 1914 г. канцлер запрашивал директора паровой линии «Гамбург — Америка» Баллина, не может ли он доставить Витте «голубя с оливковой ветвью». По словам Баллина, он находится в сношениях с Витте через Ж. Мельника, который «уже много лет оплачивается нами»¹²³. 26 декабря известный германский банкир Р. Мендельсон направил государственному секретарю Ягову проект письма Витте с предложением выступить с пропагандой мира. 6 января 1915 г. Бетман-Гольвег сообщил в германский МИД, что выход России из коалиции Антанты был бы для Германии самым желательным¹²⁴. Очевидно, речь шла о продолжении тайных контактов немцев с Витте через Баллина. Параллельно были предприняты и другие аналогичные действия. 11 ноября 1914 г. Ягов запросил бывшего германского посла в России Пурталеса, не знает ли он лиц, способных информировать о настроениях в придворных кругах и в случае необходимости оказывать на них влияние. Пурталес ответил утвердительно, но сослался на трудности вступления с ними в контакт¹²⁵. Очевидно, «трудности» удалось преодолеть, ибо 9 февраля 1915 г. Департамент полиции России докладывал: «Получены сведения, что принадлежащие к русским придворным сферам немцы при участии Распутина стремятся оказать давление на правые фракции Государственной думы в смысле понуждения последних к активной агитации в пользу прекращения военных действий при содействии также и члена Думы Пуришкевича. С этой целью должна создаться какая-то новая политическая организация, которая выпустит соответствующие воззвания». О такой организации нам ничего не известно, но германофильские настроения в высшем обществе России явно усиливались. 6 января 1915 г. итальянский посол в Петрограде Карлотти сообщил в Рим (со ссылкой на информацию лица, принадлежащего к тесному кругу друзей графа Витте, «под условием сохранения тайны») о со-

ставлении им в согласии с единомышленниками памятной записки, касающейся территориальных требований к Турции. Взамен царизм, дескать, мог отказаться от очищения занятых немцами районов Польши, от всякого рода притязаний к Германии и даже содействовать присоединению к ней нескольких австрийских провинций, имеющих почти исключительно немецкое население. Что же касается Австро-Венгрии, то она должна быть разделена на различные государства, включая Венгрию, Богемию и Югославию, а часть ее территорий отошла бы к Сербии, Италии, России. Австрия вместе с Веной сохранила бы лишь 6 млн. жителей. Германия понесет «некоторые жертвы» в Эльзасе в обмен на возвращение ее колоний. В завуалированном виде излагалась старая концепция совпадения интересов Германии, Франции и России, противоположных устремлениям Великобритании. В заключение телеграммы говорилось, что «идея графа Витте о мире не находит сочувствия в России и одобряется лишь небольшим числом лиц, посещающих его превосходительство и, по видимому, надеющихся на новое восхождение его звезды». Однако дело было гораздо серьезнее, поскольку такие позиции разделялись влиятельными придворными кругами. Во время беседы с министром финансов Барком президент Франции Пуанкаре 20 января 1915 г. «долго говорил» о трех заботящих его вопросах. Второй в порядке очередности формулировался так: «Президента смущают различные выступления и заявления графа Витте и нахождение его во главе Комитета финансов»¹²⁶.

Очевидно, определенными отголосками отмеченных событий были следующие факты. Ссылаясь на информацию болгарского военного агента в Петрограде, австро-венгерский посланник в Софии Тарновский писал своему министру иностранных дел 6 января 1915 г.: «Русские войска якобы понесли большие потери; недостаток в офицерах, снарядах, артиллерии сказывается по всему фронту. Солдат не больше чем от трех до трех с половиной миллионов. Русский император желает мира, великий князь, наоборот, — продления войны. Нежелательного движения не наблюдается, но все же царит общее недовольство». 8 января 1915 г. посланник в Швеции А. В. Неклюдов телеграфировал из Стокгольма о циркулирующих слухах о «возможности сепаратного мира между Россией и Германией и между Францией и Германией». Эти газетные и общественные толки имели своей целью ободрить Швецию по отношению к Великобритании и обострить шведско-английские недоразумения из-за блокады, а также

«возобновить надежды на конечное торжество Германии»¹²⁷.

Через некоторое время шведский король Густав V доверительно сообщает русскому царю (3 февраля 1915 г.), что его «мысли направлены на изыскание возможного способа положить скорейший конец этой ужасной бойне», в связи с чем он предлагает свои услуги и просит сообщить мнение по данному вопросу. Ответа Николая II обнаружить не удалось. Как сообщал Неклюдов 12 февраля 1915 г., «за последнее время чувствуется сильная германская интрига; дабы побудить скандинавские страны, особенно же Швецию и ее короля, взять почин мирных переговоров между Германией и Россией»¹²⁸. Однако немцы предпочли вести свои зондажи в отношении датского короля Христиана X.

16 февраля 1915 г. Мендельсон довел до сведения Ягова о получении им двух писем Витте, считающего возможным установление мира путем откровенного личного объяснения Николая II с кайзером. Это предложение о встрече двух императоров он выдвигал еще до войны. В письме Витте от 7 февраля говорилось: «Принято решение о том, чтобы, когда наступит момент мирной конференции, просить меня принять в ней участие в качестве делегата. Я не смогу принять это назначение до тех пор, пока любой и каждый будет иметь возможность критиковать мои пацифистские взгляды, говоря, что мое поведение объясняется личной заинтересованностью». Далее Витте просил о переводе денежных вкладов в какой-либо первоклассный банк Копенгагена или Стокгольма. Естественно, немцы не замедлили пойти навстречу этому пожеланию¹²⁹. Но через несколько дней Витте внезапно умирает, что было воспринято с большим облегчением в Лондоне и Париже. Не без удовлетворения отнесся к этому известию и Николай II¹³⁰.

Изложенные планы и действия Германии проводились в тесной увязке с акциями в отношении Франции. Буржуазные ученые почему-то окрестили их «моральным наступлением». На самом деле немцы предприняли небезуспешные попытки установления связей с пораженчески настроенной частью влиятельной радикал-социалистической партии, в том числе и по масонской линии. Так, после письма Бетман-Гольвега от 19 ноября 1914 г. на имя заместителя министра иностранных дел Циммермана последовало указание заняться поисками сепаратного мира и с Францией. 27 ноября были установлены или скорее продолжены контакты немцев с видным французским

журналистом, директором газеты «Эклер» Эрнестом Жюде, сторонником политики сближения с Германией в довоенный период. Разрабатывались меры содействия приходу к власти во Франции «партии мира», склонной к принятию условий Берлина*. При этом выяснилось, что если Фалькенгайн и канцлер отдавали приоритет поискам соглашения с Россией, то влиятельный Циммерман, пользующийся доверием кайзера, ратовал за предпочтительность сепаратной сделки с Францией¹³¹. В известных работах западногерманского историка Ф. Фишера и французского ученого Г. Педропчини названная область действий германских секретных служб замалчивается, а упор делается на поисках ими сепаратного мира только с Россией¹³².

Между тем с декабря 1914 г. дипломатические миссии Германии в Берне, Вене, Гааге, Мадриде, Константинополе и Вашингтоне, не говоря уже о тайной агентуре, ориентируются и на французское направление, по которому в немецком МИДе ведутся специальные досье. Весной 1915 г. руководитель католической партии Центра Эрцбергер с помощью своей агентурной сети пытается начать широкие пропагандистские мероприятия во Франции посредством связанной с ним группы итальянских деятелей во главе с банкиром Каваллини, маркизом Адда и политиком Джиолитти, а также низложенного англичанами за германофильство бывшего хедива Египта Аббаса II Хилми, членов его кабинета и советника, авантюриста Поля Боло, которые проживали в Швейцарии. Конкретно немцы ставят перед ними задачи покупки влиятельных газет и приобретения сторонников в оппозиции, с тем чтобы настроить общественное мнение Франции против Англии и президента Пуанкаре. Вскоре Жюде заявил своим хозяевам, будто ему удалось даже организовать комитет из видных социалистов, включая Тома, Реноделя и Самба. Вынашивал он и идею приезда в Берн для встречи с Ромбергом нескольких французских парламентариев, что сделать не удалось. На расходы Жюде получил в декабре 1914 г. 2 млн. франков, а в 1915 г.

* Здесь и дальше немецкие зондажи с Францией изложены по статьям французских историков А. Купфермана и Ж. Барьети, основанных на цитированном уже издании немецких архивных документов с привлечением первым автором и неопубликованных материалов (*Kupferman A. Les débuts de l'offensive morale allemande contre la France (décembre 1914 — décembre 1915).* — *Revue historique*, 1973, janvier—mars; *Bariéty J. L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la première guerre mondiale.* — *Revue historique*, 1965, avril—juin).

еще 2,1 млн. марок¹³³. Одновременно названные итальянские агенты немцев стремятся установить связи с министром морского флота, известным масоном Оганьером для обсуждения проекта сепаратного мира между Францией и Германией в случае «приемлемых предложений» с немецкой стороны¹³⁴.

При всей кажущейся незначительности результатов первых зондажей немцами определенных сфер России и Франции на предмет заключения сепаратных сделок это все же позволило выяснить политические настроения по другую сторону фронта. Кроме того, зондажи с порога не отвергались, приобретая фактически двусторонний характер. Они в чем-то были даже обнадеживающими, поощряя Берлин на новые демарши с привлечением самых различных эмиссаров.

Характер масонского ордена неоднократно освещался в работах советских историков¹³⁵.

Традиционно масонство занимало в целом либеральные позиции, отмежевываясь от крайней реакции. Католическая церковь с самого начала видела в нем опасного конкурента и долгие годы вела против него борьбу как против вредной секты. В период капитализма масонство превращается в одно из орудий либеральной буржуазии. Подъем рабочего движения под знаменем марксизма сопровождался первыми попытками ордена принять участие в расколе этого движения под прикрытием буржуазных лозунгов свободы, равенства и братства, светского образования, пацифизма. «...Капиталисты, — писал Маркс, — обнаруживая столь мало братских чувств при взаимной конкуренции друг с другом, составляют в то же время поистине масонское братство в борьбе с рабочим классом как целым»¹³⁶.

К началу первой мировой войны усилилось размежевание между тяготевшими к активному участию в политической жизни масонскими организациями Франции, Италии, Испании и Бельгии и более консервативным англосаксонским, немецким и австро-венгерским масонством. Стремясь поставить себя выше политики, масоны занимались открыто преимущественно религиозно-нравственными проблемами и филантропией, а тайно обделывали и различные темные дела.

В начале войны масоны вместе со всеми буржуазными группировками поддерживали свои правительства. Масонский центр «Великий Восток Франции» имел тогда в правительстве семерых представителей во главе с премьер-министром Вивиани. Главнокомандующим стал масон

Жоффри. Итальянские масоны многое сделали для вступления своей страны в войну на стороне Антанты. К ордену принадлежали и видные члены американской администрации, включая президента Вильсона. Вместе с тем в масонстве стран Антанты существовало и пацифистское крыло, на которое стремились опереться германские империалисты в деле реализации своих тайных замыслов. О подобных расчетах завуалированно писал в мемуарах Эрцбергер. «В течение многих лет я знал о крупном политическом значении этого учреждения, — сообщает этот истый католик. — Я воспользовался представившейся возможностью, чтобы получить глубокую и серьезную информацию на сей счет»¹³⁷. Но дело, понятно, не ограничилось только одним сбором информации, какую бы ценность она ни представляла. Внедрив свою агентуру в масонский центр «Великий Восток Италии», Эрцбергер получил возможность оказывать соответствующее влияние и на руководство французских масонов, тесно сотрудничавших с итальянскими «вольными каменщиками» и даже их субсидировавших.

Что же касается России, то масонство, занесенное туда из Великобритании, с небольшими перерывами функционировало легально в период 1730—1822 гг. Особым рескриптом 1822 г. Александр I запретил деятельность масонских лож и тайных политических организаций. О существовании единичных секретных российских лож в последующее время сохранились лишь отрывочные сведения. В то же время известны факты участия ряда видных представителей дворянства во французских масонских ложах. Две тайные малочисленные ложи в Москве и Петербурге (1906—1908 гг.) организовали кадеты и трудовики. Поскольку перспективы на легализацию масонства отсутствовали, их прежние лидеры при участии отдельных меньшевиков-ликвидаторов и эсеров создали узкое закрытое политическое общество, подлинное название которого точно не установлено¹³⁸. Вступивший туда в 1912 г. А. Ф. Керенский считал его «неправильной масонской организацией» вследствие отказа от канонов и ритуалов ордена, за исключением обязательства о строгом соблюдении дисциплины. В качестве целей выдвигались чисто буржуазные требования «установления в России демократии, основанной на широких социальных реформах и началах государственной федерации»¹³⁹.

Английские и французские масоны отрицают вообще наличие в России того периода братств подобного ордена¹⁴⁰. По данным Эрцбергера, в октябре 1914 г. «Вели-

кий Восток Франции» запросил родственный ему итальянский масонский центр о наличии у него путей прямого влияния на некоторые важные круги России. При этом французы сообщали об отсутствии у них каких бы то ни было связей по масонской линии. Итальянцы дали отрицательный ответ, но указали, что писатель А. В. Амфитеатров мог бы служить посредником между масонами двух стран и упомянутыми русскими кругами. Амфитеатров получил известность резким антицарским памфлетом «Господа Обмановы» и длительное время жил в эмиграции. В литературе широко распространено мнение о его принадлежности к иностранным масонам. Однако писатель не добился ничего существенного. Общий вывод Эрцбергера сводился к констатации полного отсутствия русского масонства¹⁴¹. По данным официального масонского историографа Тикстоуна, в тот период в России было несколько тайных мистических так называемых мартинистских лож, связанных с центром мартинизма в Париже, который пользовался в международном масонстве полной автономией. Что же касается подпольной организации Керенского, именуемой автором «Масонством думы», то она имела якобы 24 ложки во главе с неким «Великим Востоком России». Ее цели были исключительно политическими с «революционными тенденциями», и она являлась совершенно незаконной системой, не представлявшей никакого интереса для масонской истории¹⁴². Следовательно, русского масонства в полном смысле этого понятия фактически не существовало.

Другой определенной линией германской разведки в России, внутренне связанной с повторяющимися мирными зондажами, хотя это и не столь очевидно, была ставка на сепаратистские группировки ряда национальных окраин нашей страны левого политического спектра. Еще до войны германский империализм пытался бросить туда семена буржуазного национализма. Постепенно расчищалась почва для провоцирования в случае войны различных внутренних трудностей с последующей дестабилизацией всего государственного устройства соперника.

В Закавказье немцы стремились развернуть широкую подрывную активность, начиная от сбора сведений военного, экономического и политического характера до создания диверсионно-повстанческих групп из сепаратистских элементов, включая немецких колонистов. Руководство осуществлялось тифлисской и эрзерумской резидентурами. Первую возглавлял молодой дипломат, впоследствии гитлеровский посол в Москве граф Ф. Шу-

ленбург. Однако эти усилия не дали особых результатов, поскольку в Закавказье не оказалось влиятельных групп, готовых служить немецким интересам. В 1913 г. многие германские агенты были арестованы и осуждены, а сам Шуленбург с персоналом консульства в Тифлисе был выдворен за пределы Российской империи. Тогда же германская разведка привлекла на службу незначительную эмигрантскую группу, отколовшуюся от партии грузинской национальной буржуазии и дворянства, — социал-федералистов, выступавших с верноподданнических позиций за автономию Грузии. Вместе с некоторыми другими эмигрантами упомянутая группа образовала так называемый Комитет независимости Грузии, который в конце 1914 г. обосновался в Стамбуле. Наиболее активными членами комитета являлись М. Церетели, В. Черкезишвили, Г. Мачабели и Л. Кереселидзе. В Турции подвизалась и прогерманская группа эмигрантов из Азербайджана (А. Агеев, А. Гусейнзаде и др.)¹⁴³.

Без видимого успеха германская разведка сотрудничала с буржуазной партией финских активистов, с украинскими сепаратистами — «мазепинцами» (Д. Донцов, В. Дорошенко, М. Меленевский, А. Скоропись-Иолтуховский, И. Зализняк, А. Жук), с антирусскими группировками Царства Польского, Прибалтики, Белоруссии. Некоторые из перечисленных и других их членов ранее подвизались среди меньшевиков и эсеров, с которыми они сохраняли связи, снабжая немцев зачастую фантастическими данными о революционном движении в России.

Подробные инструкции по усилению подрывной деятельности против России были направлены в начале войны германским посланникам в Стокгольме, Берне, Вене и Константинополе¹⁴⁴. Одновременно немцы стремились консолидировать буржуазно-националистические сепаратистские группы, которые с помощью значительных субсидий должны были перейти к проведению крупных диверсионно-подрывных акций главным образом в Закавказье, Финляндии и на Украине, включая организацию мятежей, выведение из строя военных объектов, разложение войск. В основном из жителей Турции был сколочен «грузинский легион» в составе около 300 человек, который участвовал в наступлении турецких войск на Батумском направлении и был полностью разгромлен.

Аналогичные задачи ставились и перед немецкой агентурой в Финляндии. В июле 1914 г. германский посланник в Стокгольме Райхенау получил указание рейхсканцлера связаться с ведущими политическими деятелями

Финляндии, «создать там прогерманские настроения и при возможности вызвать антирусское восстание, за что обещать в случае благоприятного исхода войны широкую автономию»¹⁴⁵. Партия активистов, отражавшая интересы наиболее экстремистски настроенных антирусских кругов финской буржуазии, пошла на широкое сотрудничество с немцами, получая от них крупные субсидии. Кроме того, в Германию тайно переправлялись и готовились будущие вооруженные силы местного капитала — пресловутые егеря.

В целом, однако, буржуазия Финляндии не помышляла тогда о независимости, а надеялась лишь добиться сохранения и расширения своих особых прав в пределах Российской империи. Многие буржуазные лидеры сотрудничали с царизмом. Так, один из будущих столпов Финляндии, Маннергейм, был кадровым офицером русской армии. Почти всю войну он провел на фронте, командуя кавалерийской дивизией, и даже был удостоен чина генерала царской свиты. Вспоминая на склоне лет о почти тридцатилетней военной службе, Маннергейм писал: «Моя карьера делалась в условиях, послуживших расширению кругозора, чего я не мог бы достичь в Финляндии»¹⁴⁶.

Буржуазно-националистские эмигрантские группы украинцев первоначально сосредоточились в Вене, перебиваясь подачками австро-венгерских властей. По своим политическим взглядам их члены были близки к некоторым меньшевистским и эсеровским организациям Украины. Они и обратились 25 августа 1914 г. с листовкой на немецком языке «К общественному мнению Европы», в которой ратовали за «освобождение Украины». Россия изображалась ответственной за мировую катастрофу, какой «история еще не знала». Ничтожная горстка сепаратистов нагло заявляла о создании «Союза освобождения Украины», дабы употребить все силы «для окончательного расчета с Россией». Протаскивая ложную версию о том, что Украина всегда была врагом России в своих «освободительных стремлениях», они искали помощи у Запада, особенно у немцев. Столь же авантюристично-беспочвенны были воззвания к турецкому, болгарскому и румынскому народам с призывами к «разгрому России», оставшиеся почти не замеченными в соответствующих странах¹⁴⁷.

Публичная деятельность сепаратистов прикрывала их интенсивную закулисную активность. Пытаясь набить себе цену у иностранных хозяев, они стремились получить необходимые субсидии. Один из главных германских най-

митов, Скоропись-Иолтуховский, в 1904 г. отправился в Берлин для «изучения» социологии и экономики. Окончательно став эмигрантом в 1910 г., он обосновался в Мюнхене. Война застала его во Львове, тогда принадлежавшем Австро-Венгрии, где он принял участие в составлении «манифеста к украинскому народу», переданного через австрийского консула по телефону на одобрение в Вену. Вскоре «Союз освобождения Украины» получил в качестве безвозмездной субсидии 100 тыс. австрийских крон. Союз этот считался организацией беспартийной, поскольку в его состав входили и откровенно правые деятели.

Видимо, по указке своих иностранных хозяев один из руководителей пресловутого союза, Басок (М. И. Меленевский) (в прошлом меньшевик, участник антипартийной августовской конференции в Вене 1912 г., на которой он представлял украинскую социал-демократическую организацию «Спилка»), отправил 28 декабря 1914 г. из Константинополя В. И. Ленину письмо. Положительно оценивая антимилиитаристскую линию большевиков, члены этой организации пытались склонить их к взаимному сотрудничеству и поддержке. Своей целью они ставили «захват власти на Украине и проведение тех реформ, за которые массы народные боролись все время». Организация представлялась «как ядро будущего украинского правительства», стягивавшее «к себе все живые силы» в борьбе с собственной украинской реакцией. РСДРП рекомендовалось поставить перед собой «аналогичные задачи вплоть до стремления и подготовки захвата власти в русской части России»¹⁴⁸. Расписывая «чрезвычайный национально-революционный подъем», якобы царящий среди жителей Галиции и украинцев США, откуда в союз идут крупные пожертвования, Басок сообщал, что в случае достижения с большевиками соглашения о совместных действиях им была бы оказана всякая материальная и иная помощь. При желании «вступить немедленно в официальные переговоры» давался адрес для телеграмм в Константинополе и Софии. В качестве агента для связи рекомендовался некий Триа (В. Д. Мгеладзе — меньшевик, участник того же августовского антипартийного блока)¹⁴⁹. По некоторым данным, Меленевский на одном из собраний русских эмигрантов в Константинополе при изложении программы деятельности своего союза говорил о «необходимости превращения Украины в новую конституционную монархию с одним из германских принцев во главе»¹⁵⁰.

В. И. Ленин, конечно, знал о характере пресловутого союза и его подлинных хозяевах. Политическая физиономия и самого Баска не внушала никакого доверия. Полностью предательским, авантюристичным был его план, который предусматривал отторжение Украины от России с помощью Германии и Австро-Венгрии. 12 января 1915 г. В. И. Ленин дал резкую отповедь отщепенцам украинского народа. В письме, переданном через того же Триа, говорилось: «Вы явно ошибаетесь: мы стоим на точке зрения интернациональной революционной социал-демократии, а Вы — на точке зрения национально-буржуазной. Мы работаем за сближение *рабочих* разных (и особенно *воюющих*) стран, а Вы, видимо, сближаетесь с буржуазией и правительством «своей» нации. Нам не по дороге»¹⁵¹.

В августе 1917 г. Временное правительство и буржуазная печать развязали гнусную антибольшевистскую кампанию. В. И. Ленин возвратился к изложенному эпизоду в статье «О клеветниках», которая была опубликована в газете «Рабочий». Он писал: «Осенью 1914 или в начале 1915 года, когда я жил в Берне, ко мне на квартиру зашел известный кавказский меньшевик Триа, приехавший из Константинополя. Триа рассказал мне про участие Баска в «Союзе освобождения Украины» и про связь этого Союза с немецким правительством. Триа передал мне при этом письмо Баска ко мне, в этом письме Басок выразил мне сочувствие и надежду на сближение наших взглядов. Я был так возмущен, что немедленно, в присутствии Триа, написал ответ Баску и отдал письмо тому же Триа для передачи, ибо Триа собирался еще раз побывать в Константинополе». Далее сообщалось содержание приведенного письма. Одновременно подчеркивалось, что тем и ограничились какие-либо «отношения» к Союзу¹⁵².

При всем разнообразии методов, средств и приемов специальных органов обеих враждующих коалиций в «русском вопросе» они имели и точки соприкосновения, отражая соответствующие империалистические планы. С разных сторон и руководствуясь собственными захватническими целями, те и другие в сущности стремились к поддержке самодержавия и антинародного строя, который оно олицетворяло. В осуществлении своих задач и Антанта, и Тройственный союз опирались на буржуазные и мелкобуржуазные партии, группировки, течения, одновременно выступая непосредственно и содействуя их усилиям по разложению революционного движения с его руководящей

силой — большевистской партией. Эти намерения сразу были раскрыты ленинским ЦК РСДРП, который развернул против них широкую разоблачительную деятельность, что и способствовало провалу враждебных происков.

Классовая борьба, усиливавшаяся в тылу фронтов мировой войны, подготавливала необходимые предпосылки для социалистической революции, прежде всего в центре международного рабочего движения — России. Такому неумолимому ходу исторического развития были бессильны помешать империалисты Запада, заключившие с царизмом фактически контрреволюционный союз. Трудящиеся массы и в тылу и на фронте все больше убеждались в необходимости добиваться прекращения позорной бойни народов, развязанной империалистами.

ГЛАВА II

МЕЖДУ ЦАРИЗМОМ И БУРЖУАЗИЕЙ

НАЧАЛО ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

**Большевистский курс на революцию. Трения
в правящем лагере. Масонствующие политики.
Антисемитизм сионистов. Союзники
и контрнаступление реакции.**

Рабочее движение в воюющих странах, несмотря на неисчислимые трудности и препятствия, чинимые международным империализмом, ширилось и развивалось. В. И. Ленин, партия разворачивали идейную и организационную борьбу с противниками как во всемирном масштабе, так и на родине. Велась огромная разъяснительная работа в гуще рабочих и всех трудящихся. Непреходящее значение в деле формирования пролетарского сознания масс на революционных традициях приобретали решения большевистских организаций, теоретические и политические выступления, многогранная деятельность Ленина.

На конференции заграничных секций РСДРП в Берне 14—19 февраля 1915 г., имевшей общепартийное значение, выступил Ленин. Он развил применительно к обозначившимся сдвигам в мировой обстановке стратегию и тактику рабочего класса по осуществлению его ближайших и конечных целей. Конференция приняла ленинские резолюции по всем обсуждавшимся вопросам, обязав заграничные организации РСДРП оказывать всяческое содействие «центральных учреждениям партии в деле объединения за границей всех, стоящих на точке зрения ЦО, в деле доставления им всевозможных сведений о настроении не только русских рабочих, но и рабочих тех стран, где имеются секции заграничной организации, в деле нахождения связей с Россией, приходя на помощь центральным учреждениям денежными взносами и устраивая для этого вечера, рефераты, специальные сборы и т. д.». Конферен-

ция рекомендовала секциям «информировать товарищей заграничных социалистических партий о настроении русских рабочих, о положении дел в РСДРП и т. д., для чего члены секций должны вступать в местные социалистические коллективы»¹.

Анализируя ход мировой войны, В. И. Ленин вскрыл ее влияние на обострение классовой борьбы в международном масштабе. В работе «Крах II Интернационала» (май — июнь 1915 г.) он обосновывает новое теоретическое положение о наличии в воюющих странах политического кризиса. «...Ни одно из правительств не уверено в завтрашнем дне, ни одно не свободно от опасности финансового краха, отнятия территории, изгнания из своей страны (как изгнали правительство из Бельгии). Все правительства живут на вулкане, все апеллируют сами к самодеятельности и героизму масс. ...Революционная ситуация в большинстве передовых стран и великих держав Европы — налицо»². В. И. Ленин в брошюре «Социализм и война (Отношение РСДРП к войне)» (июль — август 1915 г.) писал: «В настоящее время в России явно растет революционное настроение в массах»³. В статье «Поражение России и революционный кризис» раскрывалось существо трений между буржуазией и царизмом на базе различия их устремлений, проецировавшихся и на область внешней политики. «Перед нами ясная позиция монархии и крепостников-помещиков: «не отдать» России либеральной буржуазии; скорее сделка с монархией немецкой. Так же ясна позиция либеральной буржуазии: воспользоваться поражением и растущей революцией, чтобы добиться у испуганной монархии уступок и дележа власти с буржуазией». А задача пролетариата заключалась в стремлении «довести революцию до конца, используя колебания и затруднения правительства и буржуазии»⁴.

По мере продолжения войны отмеченная ранее зависимость России от Англии и Франции усиливалась по многим важным позициям. Союзники при разрешении крупных проблем все менее считались с царизмом. Прежде всего это проявлялось в военном сотрудничестве. Российские сановники неоднократно сетовали, что их партнеры решительно уклонялись от содействия наступательными операциями на Западе. 21 марта 1915 г. начальник штаба верховного главнокомандующего Н. Н. Янушкевич писал С. Д. Сазонову: «За истекший период войны Россией принесено очень много жертв ради общей пользы союзников и проявлено немало самопожертвования ради

облегчения Франции на ее восточном фронте... Всего было переброшено немцами с их западного фронта на восточный 14 пехотных и 6 кавалерийских дивизий. Кроме того, из числа вновь сформированных немцами дивизий за время войны были перевезены против России 8 дивизий. В то же время «до сих пор не было ни одного случая, чтобы германская часть, появившаяся на нашем фронте, была переброшена на западный». Россия «притянула на себя всю австро-венгерскую армию силою, не считая ландштурма, до 46 пехотных дивизий, облегчив этим ведение переговоров с Италией и Румынией и отстранив новый удар против Сербии». Она нанесла грозный удар Турции на Кавказе под Сарыкамышем, она отвлекла свыше 200 батальонов турецкой армии, облегчая борьбу союзников в районе Дарданелл, в Египте и Месопотамии. Подчиненное положение России ярко проявилось при переговорах об условиях вступления в войну на стороне Антанты Италии и Румынии⁵.

Постоянно срывались поставки военного снаряжения. Характерна справка «о заказах предметов вооружения в Англии и Франции, предложенных правительствами этих государств» от 22 мая 1915 г. за подписью начальника хозяйственного отдела главного артиллерийского управления генерал-лейтенанта Смысловского. Оказывается, еще в декабре 1914 г. на предложение правительства Франции поставить вооружение русская сторона запросила пушечные трехдюймовые патроны, винтовки и конные пушки. В изготовлении винтовок было отказано, патронов было обещано произвести 2 300 000 штук с началом поставки в апреле 1915 г. Но на момент составления справки русские еще ничего не получили. Определенного ответа о конных пушках тоже не поступило. С ведома правительства Англии были сделаны заказы у фирмы «Виккерс» на изготовление 2 млн. пушечных патронов и 1 млн. дистанционных трубок. По обоим заказам ничего поставлено не было. В Канаде заказали 5 млн. пушечных патронов, но и их поставка не началась⁶.

Правящие круги Англии и Франции с позиций главных партнеров не только навязывали царизму свою волю, но и систематически вмешивались во внутренние дела России, исходя из собственных интересов и чисто классовых соображений, совпадающих в основном с целями российской буржуазии. Так, в 1915 г. произошел незначительный на первый взгляд, но характерный случай, связанный с личностью В. Л. Бурцева (впоследствии стяжавшего незавидную славу клеветника и фальсифика-

тора истории большевизма). Еще в конце XIX в. он за принадлежность к одному из народовольческих кружков подвергся ссылке, откуда бежал на Запад. В феврале 1898 г. английский суд, инкриминировав Бурцеву «возбуждение» к убийству царя, приговорил его к полутора годам тюремного заключения, которые тот сполна и отбыл. Близкий к эсерам, но формально не входивший в их партию, Бурцев переселился в Париж, где занялся выслеживанием провокаторов. Ему удалось во многом содействовать разоблачению известного Азефа, а также заведующего заграничным сыском, бывшего провокатора Гартинга. 20 января 1915 г. особое присутствие Петроградской судебной палаты приговорило его к ссылке на поселение в Сибирь по обвинению в публикации статей, «оскорбительных для государя»⁷. Но вскоре ему на выручку поспешили лидеры Антанты. Английский посол Бьюкенен получил в феврале 1915 г. из Лондона указание вступить за «хорошо известного революционера, который по возвращении в Россию... подвергся аресту и ссылке в Сибирь». По ходатайству посла сам министр иностранных дел Сазонов просил царя помиловать Бурцева. Обещав это сделать, Николай II одновременно заметил, что англичане и французы проявляют к внутренним делам России на много больший интерес, чем делают русские в отношении союзных государств⁸. Примерно тогда же премьер-министр Франции Вивиани сообщил Палеологу о нежелательном впечатлении, произведенном на местных социалистов фактом осуждения Бурцева, и предписал добиваться его амнистирования. Вскоре посол получил уведомление об известном решении Николая II, который якобы поинтересовался, были ли случаи обращений посла России в Париже с просьбами о помиловании французских политических заключенных⁹. Это робкое замечание лишь укрепило иностранных послов в мысли, что с императором можно не церемониться. И они еще не раз обращали его внимание на разные стороны внутривнутриполитической жизни России, что давало иногда положительные для них результаты.

Поражения царской армии весной 1915 г. в Польше и в Галиции снова продемонстрировали неспособность аппарата управления справиться с серьезнейшими проблемами продолжения войны. Власть имущим становилось все яснее, что при таком положении одержать победу над сильными противниками вряд ли удастся. Буржуазия и помещики с нескрываемой тревогой наблюдали за тревожившим их внутренним положением страны. Серьез-

ность обстановки осознавали в какой-то степени даже сам царь и его камарилья. В целом они были готовы к новому компромиссу с буржуазией, но, конечно, за счет мелких уступок, а не за счет удовлетворения ее главных требований о предоставлении большей доли участия в управлении страной, что привело бы в конечном счете к превращению самодержавия в конституционную монархию.

По разнообразным каналам усиливалось влияние разветвленной сети дипломатических и разведывательно-пропагандистских служб Антанты на крупную буржуазию и ее организации, включая политические партии. Возрастала активность в этом отношении английского консульства в Москве при участии известного Локкарта. Вообще иностранные империалисты придавали серьезное значение такой направленной работе. В орбиту их внимания входила группа предпринимателей Рябушинского — Коновалова, а также связанная с ними часть верхушки кадетов и прогрессистов, представители которой постоянно проживали во второй столице империи. О «лучших» по сравнению с петроградскими условиях деятельности там откровенно высказывался Бьюкенен в своих воспоминаниях¹⁰.

В ходе сложного политического маневрирования группировок лагеря эксплуататоров обнаружилось отсутствие единства в каждой из них. При наличии общих контрреволюционных целей выявилось различие в тактике осуществления. Многочисленные разногласия сохранялись не только между партиями кадетов, прогрессистов и октябристов, но и внутри их, где выделились «левые» течения, выступавшие за усиление давления на самодержавие для понуждения его к более радикальным уступкам. На этой почве летом 1915 г. в России возник политический кризис. Буржуазия добилась созыва очередной сессии Государственной думы, которой предшествовала отставка крайне правых министров Н. А. Маклакова, И. Г. Щегловитова, В. А. Сухомлинова и В. К. Саблера. Они были заменены двумя прямыми ставленниками царя — Н. Б. Щербатовым (министр внутренних дел) и А. А. Хвостовым (министр юстиции), которым противостояли два новых члена правительства — угодные буржуазии военный министр А. А. Поливанов и обер-прокурор Синода А. Д. Самарин. Некоторое касательство к этому имел и Бьюкенен. Встретившись с царем через несколько дней после отставки Маклакова, посол постарался побудить его пойти дальше в направлении таких

отставок, высказав мнение, что новая коалиция, которая включит «всех лучших людей страны... наиболее надежный путь обеспечения успешного продолжения войны». Николай II якобы согласился с правильностью такого подхода»¹¹. Выступления буржуазной оппозиции царизму, особенно в Москве, велись в тесном контакте с английскими и французскими представителями. Очевидно, не случайно решение начать кампанию за созыв Думы принимается 22 мая 1915 г., во время торжественного открытия в Москве Общества сближения с Англией, на котором присутствовали лидеры кадетов и прогрессистов. Вскоре последовало выдвижение этого требования и IX съездом представителей промышленности и торговли. Съезд постановил также создать районные комитеты для перевода предприятий на военное производство, что открывало путь и для Центрального военно-промышленного комитета¹².

11 и 12 августа 1915 г. на совещаниях членов Думы и Государственного совета с участием лидеров основных буржуазно-помещичьих фракций было положено начало так называемому прогрессивному блоку. В его основе «лежал компромисс между полуфеодальными, умеренно правыми (прогрессивные националисты и партия Центра) и буржуазными (октябристы, кадеты и прогрессисты) элементами с равнением на самые умеренные — фракцию русских националистов». «Умерив себя», кадеты и прогрессисты подтянулись к черносотенцам. Временно к политической консолидации разномастных фракций Думы привела «тревожность момента, неотступный страх перед революцией»¹³. Программа блока включала в себя требования, направленные на смягчение политического кризиса в стране: создание правительства, пользующегося доверием общества и опирающегося на Думу, обновление состава местных органов власти, реформы в национальном и вероисповедальном вопросах, освобождение некоторых категорий политических заключенных и административно высланных. На высших государственных постах менялись лица, «пользующиеся доверием общества», т. е. видные представители буржуазии и помещиков. Печать принялась сразу же обсуждать конкретные кандидатуры, называла известных лидеров кадетов, октябристов и прогрессистов Г. Е. Львова, П. Н. Милюкова, А. И. Гучкова, А. И. Коновалова, А. И. Шингарева, М. В. Родзянко. В бумагах Николая II сохранился листок с тремя списками кандидатов в такое министерство, включая и названных лиц¹⁴. Эти кандидатуры вошли впоследствии (кроме Родзянко) в первый состав Временного правительства.

Одновременно в Думе сформировалось неустойчивое большинство, которое высказывалось за отставку кабинета Горемыкина, о чем сами министры довели до сведения самодержца. В общем же буржуазия по-прежнему стремилась к сделке с царизмом и даже переговоры вела, однако они окончились провалом. 2 сентября 1915 г. Николай II прервал сессию Думы. Подобная мера была в конечном счете вызвана не трениями в верхах, а глубинными причинами обострения классовой борьбы. ««Разгон» IV Думы, — писал В. И. Ленин, — как ответ на образование оппозиционного блока в ней из либералов, октябристов и националистов, — вот одно из самых рельефных проявлений революционного кризиса в России. Поражение армий царской монархии — рост стачечного и революционного движения в пролетариате — брожение в широких массах — либерально-октябристский блок для соглашения с царем на программе реформ и мобилизации промышленности для победы над Германией. Такова последовательность и связь событий в конце первого года войны»¹⁵.

В начале сентября 1915 г. в Петрограде и Москве прошли общегородские забастовки с экономическими и политическими требованиями. И в других промышленных центрах ширились недовольство рабочих, их антивоенные протесты, происходили схватки с вооруженной полицией. В авангарде классовой борьбы шел питерский пролетариат, революционный натиск которого усиливал кризис верхов¹⁶.

Страх перед революцией являлся определяющим мотивом поведения буржуазии, среди которой усиливались стремления к сговору с монархией. Французский посол Палеолог писал 3 сентября 1915 г. в дневнике: «Сегодня забастовка распространяется почти на все заводы Петрограда, но не отмечается никаких беспорядков». Как сообщил ему один из местных информаторов, и на сей раз еще нечего было опасаться. «Это лишь генеральная репетиция... идеи Ленина и его пропаганда «поражения» получают значительное распространение среди просвещенных элементов рабочего класса». Несколько позднее посол объяснит ненависть рабочих к войне их «революционным вирусом»¹⁷. А московское охранное отделение отметило в записке от 3 октября 1915 г., что «рабочие не склонны следовать за лидерами буржуазной революции и продолжают держаться своей непримиримой классовой позиции, стремясь использовать возможную политическую революцию в своих классовых интересах и для последующего захвата власти пролетариатом». Это связывалось с пре-

обладанием в рабочих кружках «большевистских течений»¹⁸. Того же мнения придерживался и вел. кн. Николай Михайлович, писавший своему другу крупному французскому историку Ф. Массону 1 октября 1915 г.: «Я предвижу много внутренних беспорядков, которые могут перейти в революцию намного более опасную, чем революция 1905 г.»¹⁹.

Об усилении влияния и престижа ленинской партии среди трудящихся охранка неоднократно оповещала высшие сферы, что приводило ко все новым жестоким репрессиям, всецело одобрявшимся союзниками. С другой стороны, крупный капитал пытался добиться дальнейшего укрепления позиций как в экономике, так и в политике, в том числе и посредством углубления сотрудничества с рабочей аристократией и верхушкой соглашательских партий. Большие надежды возлагались на спешно созданную сеть военно-промышленных комитетов во главе с центральным ВПК, официальная цель которого состояла в мобилизации промышленности на военные нужды с помощью огромных правительственных субсидий. Председателем ЦВПК стал Гучков, а его заместителем Коновалов.

Активизировалась и деятельность буржуазных верхов, объединенных в тайной политической организации масонского типа. Верховодили здесь левые кадеты, октябристы, прогрессисты, поддерживая контакты с представителями мелкобуржуазного лагеря, в том числе с Керенским. Полиция обнаружила, что эта организация скрывалась под вывесками «Информационного бюро», «Всероссийского союза русской интеллигенции» с отделениями в нескольких городах. Поскольку она носила буржуазный оттенок, добиваясь преимущественно реформ, власти пришли к мнению, что серьезной опасности это течение не представляет. Охранка ограничилась в данном случае (как и в аналогичных других) наблюдением за действиями подозревавшихся лиц и их связями. Жандармов прежде всего интересовали Керенский и Гучков.

Весной и летом 1915 г. во время боев на польских землях царский генералитет и шефы охранки прибегли к давнему испытанному средству — антисемитизму. Воспользовавшись арестом нескольких местных евреев по обвинению в шпионаже, они выдвинули абсурдную мысль о причастности к разведывательной деятельности в пользу центральных держав еврейского населения западных областей России. И немедленно с благословения верховного главнокомандующего была начата их поголовная высылка из прифронтовой полосы. Как же реагировала на вопию-

щий произвол сионистская верхушка? Всегда проявлявшие пренебрежение к насущным интересам еврейских трудящихся, сионисты и на сей раз остались верны себе. Состоявшийся в конце мая 1915 г. съезд так называемого большого комитета в Копенгагене с участием представителей сионистов от России занимался в основном выяснением «отношения к воюющим сторонам в связи с настоящим и будущим Палестины». Поскольку голоса присутствующих разделились почти поровну между сторонниками враждующих коалиций, то постановили не принимать никакого решения²⁰. В июне 1915 г. посла России в Англии Бенкендорфа посетил Леопольд Ротшильд. На ложь дипломата, будто еврейское население играло «явную и прискорбную роль шпионов», маститый сионист ничего не возразил, признав, что меры, принятые во время войны в зоне военных действий, «не подлежат обсуждению». Посетовал он лишь на то, что «массовая высылка евреев вместе с женами и детьми вызывает большие затруднения при передвижении и пребывании в империи», и просил о «самых действительных по возможности» мерах помощи. В ответ на «возбуждение» и «жалобы» английских единоверцев преследуемых евреев правительство Великобритании, как отмечал Бенкендорф, «категорически отказалось от вмешательства в русские внутренние дела»²¹. Не удивительно, что обращение Ротшильда к Бенкендорфу не возымело действия.

Лидеры российского сионизма, всецело озабоченные положением собственной организации, в очередной раз обратились к товарищу министра внутренних дел Джунковскому. Маститый сионист Членов убеждал его «в лояльном характере деятельности сионистов», которая всегда приводила к желательному как для правительства, так и для сионистов результату. Сионистская организация, продолжал он, «вполне лояльна, уважает законы страны и работает открыто, никогда не уходя в подполье»²².

Этот и другие демарши²³ возымели свое действие. Так, благодаря ходатайству чиновника особых поручений Министерства финансов князя Е. Д. Львова Джунковский отменил решение о высылке из Петрограда известного сиониста Розова, являвшегося членом правлений многих крупных компаний, представителем в России ряда английских торговых фирм и по совместительству директором Еврейского колониального банка в Лондоне. Департамент полиции поспешил составить справку, в которой говорилось: «Коммерческая деятельность Розова известна с самой лучшей стороны широкому кругу видных деятелей и

крупных коммерческих сфер»²⁴. Вес сионистов в глазах самодержавия возрос и потому, что они получили известность в качестве доверенных лиц английского кабинета. 13 июля 1915 г. Г. Сэмюэль через Членова сообщил в МИД России, что он и другие наиболее влиятельные английские министры «за последнее время серьезно изучали сионистский вопрос» и высказали полное сочувствие «к обоснованию в Палестине евреев на широких началах самоуправления». Однако обсуждение подробностей вопроса было сочтено преждевременным²⁵.

11 августа 1915 г. другой не менее известный сионист, Жаботинский, препроводил, согласно обещанию, директору второго политического отдела МИД К. Н. Гулькевичу «две памятные заметки», очевидно, по той же проблеме и выразил в особом письме желание подготовить «на всякий случай более подробный доклад», для чего сообщал свой домашний адрес и телефон. Напоминал он и о предстоящем своем посещении данного учреждения за «открытым листом» для выезда за границу. Письмо завершалось раболепным: «С совершенным уважением и искренней признательностью». В «открытом листе» от 15 августа 1915 г. говорилось: «Предъявитель сего сотрудник «Русских ведомостей» русский подданный Владимир Жаботинский отправляется в Англию, Францию, Швейцарию, Италию, Грецию и Болгарию». Цель поездки, сформулированная в проекте ответа, но не вошедшая в окончательный текст, предусматривала организацию отряда «из евреев для борьбы в рядах союзников»²⁶.

Сионистская верхушка, эта воинствующая агентура еврейского крупного капитала, продолжала тесное сотрудничество с царскими властями, даже не помышляя о борьбе с антисемитизмом черносотенцев. Не менее активно сионисты сотрудничали и с буржуазными партиями, особенно с кадетами, поддерживали контакты с эсеро-меньшевиками. Главной их задачей по-прежнему было основание еврейского государства в Палестине как главного оплота западных империалистических государств.

Державы Антанты не только внимательно наблюдали за ходом политического кризиса в России, но и пытались оказать на него воздействие в желаемых направлениях. Прежде всего внимание их представителей привлекали потаенные происки германофилов, инспирировавших выступления правой печати с критикой действий союзников, что приписывалось внушениям Распутина²⁷. 13 июня 1915 г. Извольский сообщал в Петроград, что «французские правительственные и военные круги озабочены из-

вестиями о неблагоприятном по отношению к Франции настроении русского общественного мнения, обвиняющего французскую армию в бездействии в минуту, когда энергичное ее наступление могло бы облегчить тяжелое положение наших сил в Галиции. Настроение это, несмотря на военную цензуру, проявляется в нашей печати»²⁸.

Особое недовольство союзников вызвало решение Николая II сместить вел. кн. Николая Николаевича с поста верховного главнокомандующего и самому встать во главе вооруженных сил. Узнав об этом, послы союзных держав не преминули предпринять некоторые контрмеры. 18 августа 1915 г. Бьюкенен телеграфировал в Лондон: «Было бы, конечно, самым лучшим исходом, если бы великого князя убедили остаться верховным главнокомандующим с генералом Алексеевым в качестве начальника штаба, но я очень затрудняюсь советовать пустить в ход наше влияние для воздействия в этом смысле на решение императора», хотя тот, видимо, «теряет популярность». Возвращение Распутина в Петроград, его влияние при дворе породило много толков²⁹. В свою очередь в донесении в Париж Палеолог указывал на вероятное ослабление устоев царизма. «До последних дней полагали, — писал он, — что не произойдет революционных беспорядков до окончания войны. Теперь же не берусь этого утверждать. Встает вопрос о том, чтобы знать, будет ли еще Россия способна в более или менее отдаленной перспективе сыграть свою эффективную роль союзника. Как бы ни далека была такая эвентуальность, она отныне должна присутствовать в планах правительства Республики и в расчетах генерала Жоффра»³⁰.

Вместе с тем дипломаты Антанты активизировали связи с лидерами буржуазно-помещичьих партий.

В начале сентября 1915 г. Палеолог встречался с видными кадетами и пришел к выводу, что они не являются революционерами, ибо «весь их политический идеал сводится к конституционной монархии». «Поскольку это зависит от нас, — вещал Милюков, — во время войны революция не произойдет... Но, — делал он оговорку, — возможно, вскоре это от нас уже не будет зависеть»³¹. 8 сентября 1915 г. Бьюкенен сообщал в Лондон, что на завтраке у матери царя Марии Федоровны он высказал свои возражения в связи с принятием императором верховного командования, что затрудняло якобы управление страной. Далее, сославшись «на выражаемое со всех сторон желание», посол высказался за смещение Горемыкина с поста главы правительства, но услышал в ответ, «что

императрица Александра поддерживает Горемыкина и желает сохранить его и... что влияние последней может одержать верх»³². Вновь поползли слухи о стремлении царизма выйти из войны. Такого рода информация поступала по разным каналам в Лондон.

Вскоре английский король Георг V принял царского посла Бенкендорфа. Главная цель аудиенции заключалась в выяснении позиции России к сепаратному миру с Германией в связи с внутренним положением в стране. Посол делал вывод: «Главным образом надо противодействовать впечатлению, что внутренние события могли бы нас заставить заключить мир, — опасение, которое начинается в самое последнее время сказываться». 10 сентября 1915 г. царь сделал на документе пометку: «Крепкими мерами внутренний порядок в России будет поддержан»³³. В тот же день Бенкендорфу пошла из Петрограда очередная телеграмма. «При оценке нашего внутреннего положения, — наставлял Сазонов, — надлежит прежде всего иметь в виду господство умеренных течений в стране. Оно нашло себе яркое выражение в Думе при определении отношения ее к роспуску и ныне на земском и городском съездах в Москве... Подавляющим большинством как в Думе, так и на московских съездах ясно выражена недопустимость внутренних потрясений перед лицом врага. Прогрессивными партиями (к ним Сазонов относил кадетов и октябристов) принимаются все меры для противодействия агитации крайних партий и попыткам их вызвать забастовки. Объединяющее всю Россию сознание необходимости прежде всего бороться с внешним врагом дает уверенность, что внутреннее положение при всей его напряженности не повлияет на ход военных действий. Бывшие случаи забастовок не получили распространения. Они были очень кратковременными и ныне прекратились». Последние рассуждения, конечно, были далеки от действительности. Впрочем, министр опирался, возможно, лишь на информацию Департамента полиции, заинтересованного в приукрашивании истинной обстановки в стране. Заканчивалась же телеграмма весьма оптимистично: «Что же касается до опасения о возможности заключения Россией сепаратного мира под давлением внутренних осложнений, то для таковых нет оснований уже потому, что как правительство, так и все партии одинаково и прежде всего стремятся к победоносному завершению войны»³⁴.

Империалисты были вынуждены все более опасаться роста революционного движения. Активно выдвигались ле-

нинские антивоенные лозунги. Так, в Петрограде на общегородском собрании уполномоченных-выборщиков в военно-промышленные комитеты (ВПК) 27 сентября 1915 г. была принята внесенная партией резолюция о принципиальной недопустимости участия «представителей пролетариата в организациях, каким-либо образом способствующих данной войне»³⁵. Но, вступив в прямой сговор с буржуазией, меньшевики добились на повторных выборах незаконной отмены данной резолюции. В целом выборы показали, что большинство рабочего класса решительно отвергло реакционный лозунг защиты отечества в империалистической войне и отказалось содействовать шовинизму буржуазии. С трудом рабочие группы были созданы лишь в 58 из 244 ВПК³⁶.

Политический кризис 1915 г. в России завершился контрнаступлением царизма, который воспользовался определенной стабилизацией положения на фронте, переходом кое-где русской армии к активным боевым операциям. Разброд в лагере буржуазии, ее готовность к сделке с монархией были на руку правителям держав Антанты. Англия и Франция содействовали компромиссу в верхах, сколь бы непрочным он ни был. О подобных расчетах Палеолог откровенно поведал своему знакомому, ультра-реакционеру кн. Вяземскому: «Я горячо желаю видеть Россию приспособившейся мало-помалу к условиям представительного правительства в очень широкой мере...» Но при этом посол союзной державы не менее горячо желал, чтобы подобная попытка реформ была отложена до подписания мира, ибо самодержавие «в настоящее время является наивысшим национальным выражением России и ее самой мощной силой»³⁷.

Поскольку отныне царь большую часть времени находился в Ставке, переведенной из Барановичей в Могилев, реальная власть наконец оказалась в руках камарильи во главе с императрицей. И сразу же начались удаления из правительства министров, которых считали недостаточно энергичными проводниками реакционного курса: избавились от Щербатова и Самарина, через месяц от Кривошеина, затем от Поливанова и ряда других. Видимо, из «уважения» к союзникам царь не решился тогда расстаться с их креатурой Сазоновым. Вместо Н. Б. Щербатова министром внутренних дел в сентябре 1915 г. стал А. Н. Хвостов, занимавший некогда посты вологодского и нижегородского губернаторов, а потом ставший главой фракции правых в Думе. Назначение это произошло по настоянию императрицы и Распутина. Хвостов пытался

сочетать укрепление правительственной власти с ограничением деятельности буржуазных общественных организаций при соблюдении видимости благосклонного к ним отношения. Стремясь ослабить остроту нападков правых на Думу, он тем самым хотел парализовать влияние Горемыкина. Осуществил Хвостов и кое-какие меры, призванные создать ему популярность в стране. Среди них упомянем освобождение по докладу царю В. Л. Бурцева, которому было предложено либо выехать за границу, либо остаться в России в течение пяти лет под гласным надзором полиции с местожительством по выбору, кроме обеих столиц, университетских городов, губерний столичных или смежных с районами военных действий³⁸. Бурцев обосновался в Твери, но частенько наведывался беспрепятственно в Петроград и Москву.

17 сентября 1915 г. Бьюкенен телеграфировал в Англию о своей беседе с Сазоновым, только что вернувшимся из Ставки. Тот «был очень взволнован переговорами о внутренних вопросах на заседании, которое состоялось под председательством императора». Оказывается, «все министры выразили свое мнение очень откровенно, и произошло прямое выступление против председателя совета министров». Сазонов приподнято сообщил, «что последний не долго останется на своем посту»³⁹.

В поденной записи МИД от 22 октября 1915 г. отмечается, что Бьюкенен был принят в Царском Селе Николаем II. В этом документе говорится: «Усилившиеся за последнее время в России трения на почве внутренней политики и внесенный ими разлад, как между правительством и обществом, так и в среде самого правительства, вызвали во Франции и особенно в Англии известные опасения, как бы означенные обстоятельства не отразились на внешней мощи России. Не желая вмешиваться во внутренние дела союзного государства, великобританское правительство тем не менее поручило своему послу в Петрограде весьма осторожно и дружественно довести до сведения государя императора об этих опасениях». Посол якобы долго не решался исполнить данное поручение, но, «когда распространился слух о предстоящем уходе Сазонова и в связи с этим о возможном повороте русской политики в сторону Германии, английское правительство, сильно этим обеспокоенное, вновь подтвердило своему послу преподанные ему указания». После продолжительной беседы с царем по вопросам внешней политики Бьюкенен решил изложить «надежды Великобритании» видеть в России «сильную правительственную власть».

По словам англичанина, «государь... согласился с его доводами»⁴⁰.

Итак, страны Антанты оказывали разными путями значительное воздействие на ход и исход политического кризиса в России летом 1915 г., опираясь на буржуазно-помещичьи и соглашательские партии. В свою очередь немалое влияние (закулисными средствами) в рамках прежней линии в «русском вопросе» оказывалось и центральными державами.

МАНЕВРЫ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ

**Конфликтующие замыслы. Фрейлина
Васильчикова, великий герцог Гессенский,
делец Андерсен и др. Думбадзе в Берлине.
Провал полицейской авантюры. Эсеровские
пособники рейха. Подходы к Франции.**

Если в первые месяцы войны все буржуазно-помещичьи организации и партии Германии, а также социал-демократия поддерживали захватнические планы своего империализма, но предпочитали их не афишировать, то постепенно положение менялось. Ставший очевидным затяжной характер всемирного вооруженного конфликта, огромные людские потери, неясность конечного исхода приводили к росту недовольства трудящихся политикой правительства, усилению классовой борьбы. Первыми ее симптомами были волнения среди населения Берлина и других городов, женская демонстрация перед рейхстагом в марте 1915 г.⁴¹

Тогда же против военных кредитов вместе с Карлом Либкнехтом голосовал в рейхстаге и член СДПГ Отто Рюле. Германские левые консолидировались в группу «Интернационал», которая выпустила в Дюссельдорфе один номер одноименного журнала, конфискованного властями. В составе группы находились К. Либкнехт, Р. Люксембург, В. Пик, Ф. Меринг, К. Цеткин, Ю. Карский, К. Дункер и др. Реакция отправила Либкнехта рядовым на Восточный фронт и заточила в тюрьму Р. Люксембург на один год за подстрекательство солдат к «неповиновению»⁴². Верховка СДПГ, приняв дисциплинарные меры в отношении левых социалистов, не могла не учитывать их антивоенных взглядов, хотя и недостаточно последовательно выраженных. Товарищ министра внутренних дел Джунковский сделал в дневнике 20 января 1915 г. запись о том, что из Германии прибыл один из офицеров корпу-

са жандармов, фамилия которого ему не запомнилась. Благодаря отличному знанию немецкого языка и «удивительной находчивости» он пробыл около двух месяцев в тылу германской армии и вынес такие впечатления: «Народ изнурен и опечален. Чуть ли не каждая семья в трауре... Народ желает мира. Общее настроение не высокой температуры. Говорить о мире воспрещается»⁴³.

Растущие день ото дня трудности и многочисленные осложнения все чаще приводили к раздорам и столкновениям различных группировок правящих лагерей Германии и Австро-Венгрии по поводу дальнейших способов реализации их захватнических целей, что проявлялось в плоскости конфликтов текущих и долгосрочных планов. В этой связи обычно выделяют две главные немецкие группировки: восточную и западную, притом открытых и скрытых аннексионистов. К первым принадлежали крупный капитал и юнкерство, интересы которых выражал Пангерманский союз и большинство буржуазных партий, опиравшихся также на придворную клику, Генеральный штаб, Адмиралтейство, на значительные слои средней и мелкой буржуазии. Все они единодушно считали главным врагом Великобританию и выдвигали широкую программу территориальных захватов под видом «немецкого мира». Однако в тактической области между ними не было полного согласия. Сторонники континентального, или восточного, направления считали, что в данной войне Германии не удастся сломить могущество Англии. Поэтому сначала следует, мол, сокрушить Россию и Францию и только потом, значительно укрепившись, бросить вызов основному противнику. Надо добиваться соглашения с английским империализмом, сосредоточив все силы против России. Главными представителями из политиков здесь были канцлер Бетман-Гольвег и статс-секретарь финансов Гельферих⁴⁴.

Скрытые аннексионисты были представлены верхушкой социал-демократии, отчасти партиями Центра и «прогрессистов». Отмежевываясь на словах от пангерманцев, они выступали против аннексий и требовали заключения некоего «мира по соглашению», т. е. размеры захватов территорий подлежали определению на будущей мирной конференции в зависимости от военно-стратегического положения Германии к исходу войны. Подобная линия разделялась широкими кругами средней и мелкой буржуазии, интеллигенцией и рабочей аристократией. Будучи вынужденными учитывать антимилиитаристские настроения немецкого рабочего класса, лидеры социал-демократии уси-

ленно маневрировали. Это нашло отражение в резолюции объединенного заседания правления и фракции СДПГ и рейхстага в августе 1915 г. под демагогическим названием «Тезисы по вопросу о мире». Они были разосланы в качестве директивы местным организациям партии ⁴⁵.

Нужно отметить, что исследователи скрупулезно проанализировали захватнические планы империалистов, но при этом почти не останавливались на возможных способах их осуществления в отношении России. Изучение вопросов о сепаратном мире и подрывных операциях спецслужб противника на окраинах России велось бессистемно, причем зачастую абстрагировалось от конфликтующих целей различных группировок правящего лагеря центральных держав, а также от внутренних сдвигов в России. Сделаем попытку хотя бы частично восполнить отмеченные пробелы.

Главная линия немецких зондажей, как уже говорилось, была нацелена на контакты с германофильской частью придворной камарилы и правых кругов, рупором которых являлся граф Витте. После его смерти (весной 1915 г.) аналогичные подходы делались с параллельным использованием сразу нескольких эмиссаров. Одним стала известная фрейлина М. А. Васильчикова, постоянно проживавшая в своем имении под Веной и не вернувшаяся на родину после начала войны. Она была лично хорошо известна Романовым и соединена родственными узами с крупными представителями русской и австрийской аристократии. Именно ее Берлин и решил использовать. Васильчикова явно под диктовку составила и направила три письма царю и одно, не обнаруженное в архивах, императрице. В первом, от 25 февраля 1915 г., рассказывалось, как к ней приехали два немца и австриец, «более или менее влиятельные люди», которые, дескать, просили Николая II взять на себя выступление с инициативой мира, поскольку ни в Австрии, ни в Германии нет никакой ненависти против России и «большая партия» стоит «за прочный мир с Россией». Нет ожесточенности и в отношении Франции и Японии, но существует «ненависть огромная к Англии». Васильчикова высказывала в заключение мысль о желательности направления царем своего «близкого лица» в одно из нейтральных государств для встречи с упомянутыми тремя иностранцами ⁴⁶.

В. П. Семенников, детально описавший историю с Васильчиковой ⁴⁷ (как, впрочем, и некоторые ученые*),

* Н. П. Евдокимова упускает из виду ряд любопытных моментов, связанных с демаршем Васильчиковой, особенно аргумента-

не упоминает ответный документ (так и не отправленный Васильчиковой), написанный рукой начальника канцелярии Сазонова М. Ф. Шиллинга. В нем заявлялось, что для переговоров с Германией «время, по-видимому, еще не настало». Вместе с тем выражалось согласие обсудить с Австро-Венгрией «вопрос о заключении отдельного мира, к которому примкнули бы и союзницы России». На сей предмет даже предлагалось вступить в переговоры в случае обращения Австро-Венгрии к России, носившего бы «более определенный и официальный характер, нежели то, которое вы передали в письме к государю императору»⁴⁸. Как известно, Александра Федоровна, пересылая письмо Васильчиковой царю в Ставку, сообщала: «Посылаю тебе письмо от Маши (из Австрии), которое ее просили тебе написать в пользу мира. Я, конечно, более не отвечаю на ее письма»⁴⁹. Как правильно замечает В. П. Семенников, императрица и ранее переписывалась с Васильчиковой, что и определило непосредственное обращение к Николаю II⁵⁰. Не получив ответа, Васильчикова 17 марта 1915 г. направила другое письмо непосредственно на имя царя. Антианглийский выпад в нем, очевидно, был рассчитан на усиление недоверия Романовых к политике Великобритании. «Меня просят довести до сведения вашего величества, что из секретнейшего источника известно, что Англия намерена себе оставить Константинополь и создать на Дарданеллах новый Гибралтар и что теперь ведутся тайные переговоры Англии с Японией, чтобы отдать последней Маньчжурию». Далее опять выражалось пожелание о присылке в одно из нейтральных государств доверенного лица. Это письмо было доставлено Сазонову шведским посланником в Петрограде 7 апреля 1915 г. и в тот же день передано Николаю II. На докладной записке Сазонова самодержец написал: «Содержание его прежнее»⁵¹. Тем не менее по иным каналам (скорее всего через Швецию) немцы, очевидно, получили сигнал о желательности подготовить конкретные условия для возможного сепаратного мира.

Вот тут на сцене и появился родной брат русской императрицы, генерал немецкой армии, великий герцог Гессенский Эрнст-Людвиг. Очевидно, это произошло после обращения сына Вильгельма II германского кронпринца с просьбой передать императрице в Петроград, что «нам совершенно необходимо заключить с Россией мир». И да-

цию третьего письма, которое было отправлено с ведома Вильгельма II (*Евдокимова Н. П. Между Востоком и Западом. Л., 1985, с. 55—58*).

лее: «Не можешь ли ты связаться с Ники (царем. — *О. С.*) и посоветовать ему столкнуться с нами по хорошему?.. Только пусть он вышвырнет вон это дерьмо — Николая Николаевича»⁵². Следовательно, в Берлине были недовольны просоюзническими симпатиями верховного главнокомандующего и желали его смещения, что свидетельствует о некоторой причастности немцев к известному решению царя, вызвавшему возмущение со стороны буржуазии и Антанты.

17 апреля 1915 г. царица уведомляла мужа: «Я получила длинное, милое письмо от Эрни... Он стремится найти выход из этой дилеммы и полагает, что кто-нибудь должен был бы начать строить мост для переговоров. У него возник план послать частным образом доверенное лицо в Стокгольм, которое встретилось бы там с человеком, посланным от тебя (частным образом), и они могли бы помочь уладить многие временные затруднения. План его основан на том, что в Германии нет настоящей ненависти к России. Эрни послал уже туда к 28-му (два дня тому назад, а я узнала об этом только сегодня) одно лицо, которое может пробыть там только неделю. Я немедленно написала ответ (все через Дэзи) и послала этому господину, сказав ему, что ты еще не возвращался и чтобы он не ждал, и что хотя все и жаждут мира, но время еще не настало... В., конечно, ничего абсолютно об этом не знает»⁵³.

Уже сам по себе приведенный факт симптоматичен. Во-первых, он свидетельствует, что за демаршем Васильчиковой стояли придворные сферы и Эрнст-Людвиг, поскольку два важных момента его письма полностью совпадали с рассуждениями Васильчиковой об отсутствии в Германии «ненависти» к России и о посылке русского эmissара в одну из Скандинавских стран. Во-вторых, императрица, отнюдь не возмущившись подобным шагом, предупредительно и в несвойственной ей манере снизошла до ответа с ясным намеком на определенную возможность мира в будущем, как и в проекте ответа на первое письмо Васильчиковой. Очевидно, имелись в виду и намечаемые изменения в высших сферах власти. В-третьих, по всей вероятности, «длинное, милое письмо» было посвящено не одним семейным сюжетам, а изложению давно ожидавшихся в Петрограде условий мира главного противника. Лишь для маскировки утверждалось, будто бы «В» (кайзер Вильгельм II) был совершенно не в курсе дела. Поскольку переписка брата с сестрой происходила через Дэзи — наследную шведскую принцессу, англичанку Мар-

гариту, — она, видимо, и стала источником разглашения переписки. Напомним также, что сразу после Февральской революции свергнутый самодержец и его супруга усиленно занимались уничтожением компрометирующих их документов. В обследованных нами семейных архивах императорской четы не сохранилось ни малейшего намека на изложенный эпизод.

14 мая 1915 г. Васильчикова отправила третье, наиболее подробное письмо царю. Она сообщала, что находится в Берлине «с ведома императора Вильгельма», ее несколько раз посещал министр иностранных дел Германии Ягов, по желанию которого она, дескать, и передает его точку зрения. Сопоставив приведенные выше данные, можно предположить, что письмо это было составлено по просьбе императрицы, ибо она, разумеется, не могла предъявить в правительственные инстанции послание своего брата из опасения быть скомпрометированной в глазах общественного мнения. Иное дело почти официальные соображения Ягова, прямо заявившего, что «мир между Германией и Россией является жизненным вопросом для обеих стран, которые объединяет столько коммерческих интересов и которые в действительности не разделяют никакие политические разногласия». Германия признает первостепенную важность для России вопроса о Дарданеллах, причем подчеркивалось стремление Англии добиться «преобладающего влияния в Константинополе», которая, несмотря на все свои обещания, никогда не позволит России удовлетворить соответствующие притязания. Немцы «не помышляют о создании нового Польского королевства, которое явилось бы источником раздоров». Существенным было и такое заявление: «В Германии нуждаются в мощной и монархической России, и оба соседние царствующие дома должны поддерживать исконные монархические и дружественные традиции. Затычка войны признается опасной для династии. Здесь прекрасно понимают, что Россия не хочет бросить Францию на произвол судьбы, но и тут Германия отдает себе отчет в том, чего требует честь России, и не будет чинить никаких препятствий к справедливому соглашению»⁵⁴.

Фактически предлагалось заключение контрреволюционной сделки во имя сохранения дома Романовых. Вторгаясь уже в чисто внутривнутриполитическую область, немцы ясно намекали, что в отличие от Антанты, все сильнее заигрывавшей с буржуазией, они предпочитают ставку на самодержавие с его опорой на самые консервативные силы. При этом отмечалось, что вел. кн. Николай Нико-

лаевич делает «ошибку за ошибкой» и «совсем не жалеет солдат». Заслуживают внимания утверждение германского министра иностранных дел, что «для обеспечения Европы от желтой расы необходима могущественная Россия», и его тирада: «Из достоверных источников известно, что война ведется Италией на английские деньги, а политические вожаки — масоны, радикалы и все им подобные, целью которых служит ниспровержение престолов, — получили несколько миллионов лир»⁵⁵. Письмо заключалось сообщением о встрече с Эрнстом Гессенским, по его желанию, во Франкфурте. «Лишнее говорить, с какой любовью он говорил про вас и императрицу и как искренно он желает мира и как радовался, что фон Ягов решился со мной высказаться». Васильчикова просила прислать ответ для передачи последнему и направить доверенное лицо «для первых переговоров», выражала готовность приехать и в Царское Село, чтобы лично передать все слышанное и виденное в Германии⁵⁶.

На обращение Васильчиковой официального ответа вновь не последовало, что отнюдь еще не означало отсутствия всякой реакции со стороны царизма. Как полагает французский ученый Педрончини, «эти маневры натолкнулись в третий раз на русский отказ»⁵⁷. Историки должны попытаться ответить на самоочевидный вопрос, почему немцы с их прекрасной агентурной сетью в России продолжали непрерывно стучаться в «закрытую дверь»? Да и сама дверь оказывалась всегда открытой для новых демаршей противника. Ведь было не трудно и наглухо ее захлопнуть, естественно, при желании. Но такового не выказывали ни камарилья, ни правые круги. С другой стороны, в главе книги того же Педрончини под заглавием «Робкие мирные зондажи с 1914 по 1916 г.» первый раздел назван «Мирные зондажи с Россией», а второй «Другие мирные зондажи», где речь идет в основном о Франции и не указано ни одной попытки подобных заходов в отношении Великобритании. Именно там все двери для сепаратных переговоров были тогда наглухо закрыты, делая совершенно излишними аналогичные демарши (несмотря на существование в Германии влиятельных кругов, предпочитающих заключить мир сперва с англичанами).

Одновременно немцы использовали и совершенно другой канал. В конце февраля 1915 г. канцлер Бетман-Гольвег телеграфировал посланнику в Копенгагене Брокдорфу-Ранцау, что согласно конфиденциальной информации царь якобы готов пойти на переговоры с Германией, но

опасается натолкнуться на ее жесткую позицию. Он дал указание сообщить датскому министру иностранных дел Скавениусу о согласии германского правительства удовлетвориться небольшими исправлениями границы, а также заключением финансового и торгового соглашений. Это имело прямое касательство к зондажу немцами позиции России через влиятельного уполномоченного датского короля Христиана X, директора крупного «Восточно-азиатского пароходства» Ганса-Нильса Андерсена, лично известного Вильгельму II. По поручению короля бизнесмен направился в Берлин. Здесь он встречался с кайзером и Бетман-Гольвегом. Еще в конце 1914 г. датский король направил царю письмо, где сообщал о намерении послать Андерсена в Петроград, в случае если это могло бы способствовать восстановлению мира. В середине января Николай II выразил согласие принять Андерсена через месяц⁵⁸.

Содержание своих разговоров в Берлине датчанин изложил в «Резюме бесед с императором и с рейхсканцлером», которое он передал царю, как и записку кайзера относительно людских потерь, понесенных воюющими сторонами с начала войны по 1 февраля (н. ст.) 1915 г. Бетман-Гольвег развивал известный тезис германского империализма о вынужденном вступлении в войну «без всякого намерения расширить свои границы, но единственно ради обеспечения длительного мира и мирного развития своей мировой торговли». Однако последующий ход событий, дескать, показал, что немецкий народ «вряд ли удовлетворится миром, который не даст Германии компенсаций за принесенные ею великие жертвы». Вильгельм II выразил уверенность, что «лучшая дорога к миру пролегает через сердце царя». Далее в сугубо общей форме кайзер проявлял склонность выслушать всякое предложение противников. Но грядущий мир должен быть длительным, заключенным «на базисе, достойном германского народа и принесенных им жертв»⁵⁹.

Андерсен, посетивший Петроград в конце февраля 1915 г., виделся с царем, Сазоновым, императрицей-матерью и даже с Бьюкененом и Палеологом. Общий вывод «посланца» сводился к тому, что все русские официальные инстанции отвергли мысль о сепаратном мире, такой же позиции придерживались и финансовые круги. Царь выразил мнение, что до мира «еще очень далеко» и что «он никогда не оставит союзников в беде». Еще более категорично против сепаратного мира высказывался Сазонов. Но, как сообщал в МИД Германии Брокдорф-Ран-

цау 10 марта 1915 г., миссия Андерсена была небезуспешной в плане «подготовки почвы» для мира и привлечения на свою сторону довольно влиятельной в царской семье императрицы-матери, которая заявила о «твердой решимости работать на пользу мира». Да и царь проявил желание «беседовать с королем Дании» через принца Вольдемара, его двоюродного брата, к которому он собирался даже послать своего представителя, но отклонил любое другое посредничество. Император попросил Андерсена через шесть недель снова пожаловать в Петроград⁶⁰. Итак, Николай II первый и единственный из руководителей союзных держав принял немецкого эmissара и даже захотел встретиться с ним вновь*.

В данном и в других случаях речь шла не об официальных переговорах, невозможных в условиях войны, но о контактах тайных с прощупыванием обоюдных намерений при тщательном взвешивании возможных результатов. Немцы ориентировались, разумеется, не на дипломатическое и военное ведомства России, просоюзнические симпатии коих им были хорошо известны. Они рассчитывали на содействие придворной камарильи и правых германофильских кругов, которые в свою очередь готовились к захвату ключевых постов (первым шагом к этому была отставка вел. кн. Николая Николаевича). На наш взгляд, подобные изменения и имел в виду царь, назначая Андерсену следующую встречу. Вместе с тем он был разочарован отказом немцев предложить сколько-нибудь приемлемые условия. Явно рассчитывая на получение в дальнейшем таких условий, Николай II не собирался проявлять поспешность. Существо вопроса не раскрывает Е. Д. Черменский. В его беглом пересказе «проблемы сепаратного мира с Германией» сводятся к серии зондажей с ее стороны, всегда встречавших категорический отказ царизма⁶¹. В подкрепление своих взглядов он и некоторые ученые** ссылаются на отсутствие встречных демаршей с русской стороны, хотя один зондаж все же был выявлен.

* Н. П. Евдокимова не обращает внимания на эти существенные аспекты (*Евдокимова Н. П. Между Востоком и Западом*. Л., 1985, с. 59—60).

** Аналогичных взглядов придерживается и В. С. Дякин, неправильно утверждающий, что «попытки» немцев, связанные с «зондирующими переговорами о сепаратном мире», подробно описаны в книгах В. П. Семенникова (*Дякин В. С. Указ. соч.*, с. 279). На деле же исследователь упустил ряд важных моментов в тогда известных зондажах и не коснулся двух визитов Андерсена в Петроград, поскольку о них еще не было данных.

В начале марта 1915 г. великосветский авантюрист В. Д. Думбадзе, являвшийся родным дядей градоначальника Ялты, верного приближенного царя И. А. Думбадзе, прибыл в Стокгольм со своим старым знакомым, грузинским сепаратистом Г. В. Мачабели, водившим в начале войны дружбу с германскими разведчиками в Константинополе и известным Парвусом. Там он свел его с «друзьями» — немецким посланником Люциусом и секретарем посольства фон Фрейсом. После разговора с ними Думбадзе вернулся в Петроград и повидался с военным министром В. А. Сухомлиновым, выразив желание поехать через Стокгольм, где ему был приготовлен дипломатический паспорт, в Германию. С согласия Николая II Думбадзе в конце мая сел в поезд, идущий в Гельсингфорс, причем он якобы получил какой-то пакет от начальника канцелярии министерства императорского двора А. А. Мосолова. Как явствует из письменного отчета Думбадзе начальнику Главного управления генерального штаба России М. А. Беляеву, он с Мачабели прибыли в Берлин, где имели встречи с Циммерманом, Пурталесом и секретарем МИД Везендонгом. Затем побывали у начальника генерального штаба и «специалистов по России». С немецкой стороны выражалась готовность пойти с ней на мир и даже уплатить 9 млрд. марок за «причиненное экономическое расстройство и разорение занятых германскими войсками местностей». Далее Думбадзе, по его словам, рассматривал вопрос о положении военнопленных в плане более гуманного отношения к ним с обеих сторон. На этом миссия завершилась, и он возвратился в Петроград в надежде лично доложить царю о выполненном им «важном государственном деле». Но в середине июня 1915 г. был смещен военный министр Сухомлинов, обвиненный не только в совершении должностных преступлений, но и в сношениях с иностранными агентами, главным из которых считали жандармского полковника С. Н. Мясоедова. Аресту подверглась и группа лиц, близких к Сухомлинову. Заодно прихватили Думбадзе, умолчав о его поездке с разрешения Николая II и начальника генерального штаба. Военный суд приговорил Думбадзе за передачу секретных сведений немцам к смертной казни, которую царь заменил двадцатью годами каторги*. Е. Д. Черменский, со ссылкой на заключение комиссии офицеров генераль-

* Все приведенные факты даются по статье К. Ф. Шацилло «К попыткам сепаратных переговоров во время первой мировой войны (март — май 1915 г.)». — Вопросы истории, 1970, № 9, с. 105—112.

ного штаба, знакомившихся с отчетом Думбадзе, безапелляционно утверждает, что тот являлся «шпионом-осведомителем германского правительства», даже «матерым шпионом», которого, мол, Шацилло превратил в дик-кюрьера, пытавшегося весной 1915 г. «установить непосредственные контакты между царской Россией и кайзеровской Германией»⁶². Оставляя в стороне тон историка, несовместимый с принципом доказательности в любой научной дискуссии, позволим заметить прежде всего некритическое отношение к упомянутому источнику. Следовало по крайней мере упомянуть, кто входил в комиссию, и дать анализ документов, которыми та оперировала, а главное — по чьему поручению он действовал и ездил в Берлин. Ведь во время войны получить на это разрешение было весьма сложно. Далее встает вопрос: почему Думбадзе направил письменный отчет генералу Беляеву и собирался встретиться с царем? И наконец, разве не наводит на размышление решение царя отменить высшую меру наказания государственному преступнику? Мы уже не говорим о том, что и разведчик также мог выполнять определенные политические задания. Ирония упомянутого автора здесь неуместна.

Нам удалось обнаружить несколько документов, касающихся пребывания Думбадзе под стражей. 14 октября 1915 г. комендант Петропавловской крепости докладывал директору Департамента полиции, что по его распоряжению «доставлен во вверенную мне крепость и заключен в отдельную камеру Трубецкого бастиона для дальнейшего содержания под стражей политический арестованный дворянин Василий Давидович Думбадзе». В тот же день комендант направил об этом «всепоподданнейшее донесение государю императору». Из этого видно, что тогда Думбадзе перешел в ведение охраны, которой камарилья доверяла гораздо больше, нежели военной контрразведке. В другом документе говорилось, что он находился в заключении «по обвинению в государственной измене» и числился за штабом главнокомандующего армией Юго-Западного фронта⁶³. Однако это не подкреплялось никакими ссылками на соответствующие статьи Уголовного уложения, что позволяет высказать предположение об отсутствии необходимых улик. Не было ли все дело преднамеренной фабрикацией контрразведки, как случилось и с небезызвестным С. Н. Мясоедовым, которого поторопились казнить без достаточных улик по личному указанию верховного главнокомандующего Николая Николаевича. Факт непричастности Мясоедова к шпионажу в

пользу немцев довольно убедительно доказал К. Ф. Шацилло⁶⁴. Только 10 февраля 1916 г. согласно предписанию начальника штаба командующего армиями Юго-Западного фронта и директора Департамента полиции Думбадзе был отправлен под стражей из Петропавловской крепости в Бердичев в распоряжение коменданта главной квартиры названного фронта, о чем снова было доложено царю⁶⁵. На сем нами теряются следы авантюриста, несомненно пользовавшегося доверием верховной власти и выполнявшего щекотливые поручения последней.

Но исчерпывались ли этим неофициальные тайные зондажи русской стороной немцев? Очевидно, нет. Ведь между двумя странами сохранялись в течение почти всей войны связи по линии организаций Красного Креста и торгово-финансовых сфер. К первой такой связи непосредственное касательство имела сама царица, занимавшаяся вопросами военнопленных. Летом 1915 г. в Копенгагене состоялось «частное совещание» между представителями Московского комитета помощи военнопленным и деятелями аналогичного общества Гамбурга при посредничестве Красного Креста Дании и Швеции⁶⁶. Небезынтересно, что как бы по следам Думбадзе с его заботой о положении русских военнопленных в Германии туда 24 августа 1915 г. направились три сестры милосердия. Три другие сестры милосердия были посланы в Австро-Венгрию для осмотра тамошних лагерей для военнопленных. П. А. Казем-Бек оставила подробный отчет о состоянии помещений нескольких лагерей в Германии, в котором зафиксировала многочисленные случаи жестокого обращения с пленными со стороны немецкого персонала: использование их на буквально каторжных работах, включая и рытье окопов, в нарушение соответствующих международных конвенций. Мало того, в офицерских лагерях Бурга, Магдебурга и Галле пленным предлагалось в той или иной форме изменить родине, чем занимались «провокаторы или шпионы, переодетые русскими офицерами». Военнопленных группировали по национальностям для чтения лекций об отторжении от России Закавказья и Украины. Пребывание сестер милосердия в Германии освещалось в местной печати, их приняла императрица и чины военного министерства⁶⁷. При таком отношении, вероятно, они могли при случае передать высокопоставленным лицам какое-либо послание из Петрограда. Немецкие сестры милосердия в свою очередь получили доступ в ряд лагерей для военнопленных центральных держав в России. Словом, подобный канал можно было в

любое время использовать, не привлекая внимания общественности. По всей вероятности, так оно и было. Документальных свидетельств пока нет, но найти их, видимо, нетрудно в архивах немецкой родни Александры Федоровны, до сих пор остающихся закрытыми. Еще сложнее обстоит дело с контактами между финансистами обеих стран, коммерческие и прочие тайны которых тщательно оберегаются.

В июне 1915 г., когда царь пошел на некоторые уступки буржуазной оппозиции и удалил из состава правительства наиболее реакционных министров, он, казалось, охладел к немецким авансам. Во всяком случае Николай II довел до сведения датского короля об отказе прислать доверенное лицо в Копенгаген, как им было обещано при встрече с Андерсеном в марте. Но уже через месяц императрица-мать уведомила принца Вольдемара о радости по поводу нового приезда Андерсена в Петроград и выразила личную склонность к миру, но с согласия союзников⁶⁸. Вскоре Андерсен там появился. Датчанин дважды встречался с царем, несколько раз с его матерью, беседовал и с Сазоновым, причем констатировал «решительное изменение настроений в отношении Германии». Против нее отсутствует, мол, раздражение, признаются недвусмысленно боевые успехи немецкого оружия, но разгром русских армий отрицается, поражения в Польше считаются преходящими. В качестве специального фактора обсуждалось и революционное движение. Оно, по мнению Николая II, «кажется, не достигло особого подъема» и, пока не перекинулось на армию, его, дескать, можно сдерживать. Царь якобы «очень хотел наступления мира», со слезами на глазах рассказывал собеседнику, как накануне войны пытался встретиться с кайзером на Балтийском море для урегулирования спорных проблем. На прямой вопрос датчанина, не может ли царь заключить сепаратный мир, ибо в конечном счете кто-то должен сделать первый шаг и тем самым проложить дорогу союзникам, тот ответил немыслимостью нарушить данное им слово своему двоюродному брату английскому королю. По мнению Андерсена, это объяснялось в основном давлением на Николая II «военной партии». В свою очередь императрица-мать сообщила о стремлении по возможности быстрее добиться мира, но препятствия возникают со стороны военных, сторонников вел. кн. Николая Николаевича, находящихся в окружении царя. У последнего нет сил противостоять и Сазонову, идущему на поводу у лорда Грея. К удивлению датчанина, министр иностранных дел Рос-

сии встретил его без предвзятости и даже подчеркнул всегдашнее «полное доверие» к Германии в довоенный период. Андерсен полагал, будто ни английский, ни французский послы в Петрограде не посвящались в смысл их беседы, что не соответствовало действительности⁶⁹. Видимо, Сазонов просто попытался внешне поддержать самодержца, несколько не меняя сущности своей последовательной антантофильской линии.

17 июля 1915 г. Бетман-Гольвег сообщал Фалькенгайну, что уже ряд месяцев он зондирует Россию насчет сепаратного мира, но все время наталкивается на отрицательный ответ. И высказывал предположение о возможности России пойти на мир, когда она потеряет надежду на Дарданеллы. Не исключал также, что успехи немцев и рост внутренних затруднений приведут к изменению позиции Государственной думы⁷⁰. Таким образом, в цитированном документе главным были соображения канцлера о будущем развитии событий, но не констатация отклонения царизмом их повторяющихся демаршей. В своей книге Е. Д. Черменский, к сожалению, опускает и существенные подробности бесед Андерсена в Петрограде, ограничиваясь общими рассуждениями об отсутствии там склонности к сепаратному миру⁷¹.

Между тем Николай II опять вел двойственную линию. Хотя он и отклонил мысль о заключении сепаратного мира в тот момент, но одновременно своим поведением и ходом рассуждений делал определенные намеки насчет будущего. Здесь вновь выпукло проявилась тактика самодержавия оставлять каналы открытыми для ведения диалога и обмена мнениями с немцами, чтобы в подходящий момент выйти из войны. Германские правящие круги прекрасно понимали такую тактику, продолжая свои маневры, которые в противном случае потеряли бы всякий смысл. Верные себе, они и на сей раз решили продублировать демарш Андерсена через директора Немецкого банка Монкевица, прибывшего почти одновременно с датчанином, но в Стокгольм. 7 июля 1915 г. посланник России в Швеции А. В. Неклюдов телеграфировал в Петроград: «В разговоре с одним русским, коему, очевидно, поручено было мне это передать, директор упомянутого банка высказал горячее желание берлинских правительственных кругов добиваться отдельного мира с Россией. Во всей Германии чувствуется-де беспечность борьбы с восточной соседкой, против которой якобы не питают никакой злобы; Германия готова была бы предложить России для замирения то, что издавна со-

ставляло историческую нашу цель, а именно Константинополь и Проливы, вознаградить Турцию Египтом; кроме того, можно было бы разграничиться удобнее, отдав Германии Восточную часть (...сувки)*, а России — часть восточной Галиции». Посланник резонно заключал, что в «Берлине сильно озабочены дальнейшим течением войны и конечными ее последствиями»⁷². Речь теперь шла о согласии на удовлетворение существенных притязаний российского империализма, от чего немцы ранее тщательно уклонялись.

Из последующих телеграмм Неклюдова видно, что он фактически вступил с контрагентом Монкевица в разговор, имеющий уже характер «прямого предложения». Помимо обозначенных территориальных уступок Германии оно касалось еще при заключении сепаратного мира обеспечения ею России займа на сумму от 5 до 10 млрд. марок, которые «пойдут на развитие русских богатств», т. е. предусматривалась эксплуатация экономики России германским капиталом. Монкевиц предложил как можно скорее и самым секретным образом начать «негласные переговоры» в Мальме или Копенгагене. С германской стороны в них участвовали бы финансисты Бедельсон или Варбург, а с русской стороны — «выдающийся финансист», чтобы не компрометировать официальную дипломатию обеих стран. Неклюдов ответил собеседнику Монкевица, состоятельному русско-польскому коммерсанту, что «едва ли из планов Монкевица что-либо выйдет»⁷³.

18 июля 1915 г. Неклюдов отправил Сазонову в дополнение к своим телеграммам еще «частное и весьма доверительное» письмо, начинавшееся ссылкой на «предложения замирения, которые делаются нам с германской стороны». Справедливо отмечая, что они «носят довольно серьезный отпечаток, ибо такое лицо, как директор «Немецкого банка» Монкевиц, не стало бы действовать по собственному почину», дипломат отмечал неплохой момент, избранный немцами для «заманивающих предложений», поскольку войска Антанты с начала летней кампании потерпели ряд неудач. Посланник даже отважился порассуждать о возможности заключения на таких условиях мира «не только почетного, но до известной степени выгодного». Правда, тогда возникала опасность потерять навсегда своих союзников, что привело бы либо к вынужденному и окончательному порабощению России Германией, либо к новому, теперь уже гибельному для России

* Так в тексте документа.

нападению немцев. Неклюдов высказал и почти еретическую в тех условиях точку зрения о предпочтительности не начинать в 1914 г. войну в неблагоприятных для России условиях, пойдя на известные уступки Австро-Венгрии через посредство Берлина. Но основной вывод сводился к тому, что «иного исхода, как продолжение борьбы, перед нами нет и быть не может»⁷⁴.

В поденной записи МИД от 7 августа 1915 г. сказано, что к директору канцелярии МИД Шиллингу явился с весьма горячим рекомендательным письмом от посланника в Швеции Неклюдова некто Кюльбергер, шведский банкир, уже неоднократно приезжавший в Петроград для переговоров с министром финансов Барком. На сей раз он прямо заговорил насчет распространившихся слухов о «возможности мирных переговоров между Россией и Германией». Неклюдову якобы были даже сделаны через банковских деятелей некоторые предложения. Швед заинтересовался у Шиллинга, не думает ли он, что «самым подходящим способом наладить подобные переговоры было бы обсуждение возможных мирных условий банковскими деятелями с обеих сторон, съехавшимися в нейтральной стране». Шиллинг ответил: «Ни о каком отдельном мире между Россией и Германией речи быть не может». Когда в Германии «сочтут время наступившим для мирных переговоров, необходимо будет обратиться с таковыми ко всем союзникам зараз». И добавил: «Во всяком случае почин серьезных предложений должен был бы исходить от Германии»⁷⁵.

Сведения о маневрах немцев быстро сделались достоянием гласности и проникли в печать. Возможно, к этому приложили руку и спецслужбы союзников с целью компрометации таких заходов. 7 июля 1915 г. посол в Париже Извольский телеграфировал в МИД России, что влиятельная швейцарская газета «Журналь де Женев» (кстати, выходящая и поныне) сообщила 28 июня, будто великий герцог Гессенский посетил Петроград. Посол просил разрешения опровергнуть это «известие, вызывающее здесь некоторую тревогу». На следующий же день ему было предписано «категорически опровергнуть ложное известие о гессенском визите»⁷⁶. Та же версия фигурирует и в дневнике английского посла в Париже Берти, который записал 1 июля 1915 г.: «Сплетня, рассказанная мне сегодня одним русским, утверждает, будто герцог Гессенский отправился в Россию: предполагают, что он намерен сделать попытку отвлечь своего шурина (царя. — О. С.) от франко-британского согласия, что дало бы возможность

заклучить мир между Германией и Россией»⁷⁷. Представляется, что это не было просто сплетней. Такой визит мог действительно готовиться, конечно, втайне, состоялся же он, на наш взгляд, летом 1916 г. Через несколько дней Берти делает такую запись: «Имеются сведения о том, что движение в пользу мира растет в России; здесь, несомненно, есть беспокойство о судьбе русской армии на фронте, а также о событиях внутри России, где, как предполагают, разрастается революционное настроение». А вот запись 14 августа: «Из Петербурга приходят плохие вести о внутреннем положении в России. Германская клика при дворе настаивает на мире. Дума и публика хотели бы покончить с этой кликой. Москва и провинция настроены решительно, Петербург же пессимистичен»⁷⁸.

Тогда союзники стали оказывать на царизм значительный нажим. 8 августа 1915 г. Извольский сообщил, что министр иностранных дел Делькассе сказал ему со ссылкой на «различные весьма серьезные источники» о предстоящем истощении Германии людьми. Данными обстоятельствами «объясняются повторные попытки со стороны Германии возбудить вопрос о мире, в особенности перед нейтральными государствами», причем ее правительство «пользуется различными международными финансистами, агенты коих ведут деятельную пропаганду также и во Франции». Некоторые из них были там арестованы⁷⁹.

В дальнейшем имел развитие и эпизод с Васильчиковой, что указывает на его несомненное значение с точки зрения подходов Берлина и Вены. Не дождавшись официального ответа на письменные обращения к царю, она лично отправилась в Россию, вероятно получив какие-то уведомления о возможности этого.

Из донесения начальника штаба Северного фронта генерала М. Д. Бонч-Бруевича начальнику штаба верховного главнокомандующего М. В. Алексееву 6 декабря 1915 г. видно, что «15/2 декабря в штаб VI армии явилась для допроса прибывшая из Австрии» фрейлина императрицы М. А. Васильчикова. «Получивши из России известие о смерти матери, Васильчикова добилась, при содействии великого герцога Гессенского и за его поручательством, разрешения выехать в Россию сроком на три недели с тем, что в случае, если она не вернется, то ее имение будет конфисковано». Генерал просил указаний, надлежит ли допустить Васильчикову в дальнейшем выехать за границу и, в утвердительном случае, можно ли ее подвергнуть при выезде самому тщательному опросу и досмотру. Резолюция Алексеева гласила: «Пропустить

можно. Опрос учинить можно, а досмотр только при сомнениях. Нет надобности напосить лишнее унижение»⁸⁰, т. е. высшие военные сферы отнеслись к ней с большой предупредительностью.

Хотя и неохотно, Сазонов все же принял 5 декабря 1915 г. Васильчикову. Та пространно изложила все, что писала раньше и сообщала знакомым, кого видела здесь. Смысл ее рассуждений сводился к тому, что «немцы и австрийцы не питают к русским никакой вражды», а «наш главный и общий враг — Англия». Васильчикова просила вручить царю записку, составленную ею на основании разговора с великим герцогом Гессенским, от которого она имеет письма к императору и императрице. Министр иностранных дел высказал мнение: «Прочный мир возможен лишь на таких условиях, которые в настоящую минуту Германия едва ли примет, а потому здесь твердо намерены довести борьбу до конца»⁸¹.

Записка Васильчиковой на французском языке начиналась так: «В Дармштадте великий герцог Гессенский очень интимно говорил со мной о том, что происходит, и о точке зрения Берлина. Хотя в настоящее время ее войска занимают значительную часть России, Германия желает мира, и в первую очередь с Россией». Кайзер питает «сильную личную симпатию к русскому императору» и был бы «счастлив найти малейшую зацепку для окончания войны, и прежде всего с Россией», ибо «уже две-три недели как Англия делает очень большие авансы для заключения сепаратного мира с Германией». Затем подробно развивалась антианглийская тематика в плане коренной враждебности Великобритании к России. Половина текста содержала описание способов завязывания контактов. Неофициальный путь предполагал посылку кого-либо с целью определения возможных условий для «начала мирных переговоров». Великий герцог Гессенский хотел бы видеть в этом человеке директора департамента МИД Фан-дер-Флита, с которым тот готов встретиться в Дармштадте или в другом месте на германской территории. Если же согласия на переговоры не поступит, то «с германской стороны будут осуществлены новые планы против России. Если бы только его величество соблаговолил понять то, что было между строк письма, посланного из Берлина в мае месяце 1915 г.! Не хотели наступать до получения ответа — но за неполучением ответа начали наступление»⁸².

В кратком письме Эрпста Гессенского к царю от 22 ноября 1915 г. содержалась просьба облегчить Васильчи-

ковой возвращение домой. «Она, — писал адресат, — сможет рассказать тебе много интересных фактов, о которых мы с ней вместе говорили и которые, я уверен, ты с удовольствием выслушаешь». Затем передавались наилучшие пожелания и поцелуй императрице. И подпись: «Твой, любящий тебя брат Эрни»⁸³. Письмо Эрнста сестре в архивах не сохранилось.

О демарше Васильчиковой Сазонов, разумеется, поставил в известность английского посла Бьюкенена. Тот в ответном «частном и доверительном» письме от 9 декабря 1915 г. уведомил, что он уже сообщил «об обращении из Берлина по поводу мира» министру иностранных дел Грею, который выразил Сазонову «свою самую горячую благодарность за осведомление его об этом инциденте». Злостные и безосновательные измышления «относительно каких-либо пожеланий или предложений мира со стороны правительства его величества» являлись, по мнению Грея, разновидностью «некрасивых и беззастенчивых методов, применяемых немцами для сеяния раздоров между союзниками»⁸⁴.

Но 18 декабря 1915 г. министр внутренних дел Хвостов, согласно полученным указаниям, распорядился выслать Васильчикову в Черниговскую губернию с обязательством пребывать там в имении ее сестры Милорадович. При обыске у Васильчиковой в числе бумаг обнаружили список лиц, которые могли быть полезны в России при осуществлении возложенных на нее поручений⁸⁵.

Курс германских империалистов, направленный на достижение тайных договоренностей с придворной камарильей и реакционными кругами буржуазно-дворянского лагеря, осуществлялся параллельно с развитием установленных ранее тесных контактов с левыми сепаратистскими элементами национальных окраин России, в первую очередь Украины, непосредственно примыкавшей к театру военных действий. Особое внимание уделялось «Союзу освобождения Украины» (местопребывание в Вене). Как быстро установила охранка, первоначально в него входила группа из персонально известных ей 60 человек. Вскоре оттуда вышли украинские эсеры-сепаратисты во главе с Зализняком и публицист Д. Донцов. Трескучая, но малоэффективная деятельность в области публикации двух еженедельников и различных обращений вызывала недовольство австрийских властей, и члены союза переметнулись на службу к немцам. В итоге закулисных переговоров организация переходит в их ведение, получив от

Австро-Венгрии отступные 100 тыс. крон и еще столько же от правительства Германии. Но резиденция союза осталась в Вене. В Берлин весной 1915 г. был отправлен лишь его «полномочный представитель» Скоропись-Иолтуховский. Союз якобы, как свидетельствует «этот представитель», своим «первым и главным заданием» считал «культурно-просветительную работу среди военнопленных украинцев» и только потом «политическое представительство идеи суверенитета Украины и агитацию в этом направлении среди немецких граждан». По его словам, МИД Германии относился отрицательно к «украинскому делу», и потому союзу пришлось опираться на общество «внутренней колонизации» во Франкфурте-на-Одере, которое возглавлялось правительственным президентом фон Швериним, и на отдел военнопленных военного министерства Пруссии под начальством полковника Фридриха. На протяжении 1915 г. в кассу союза от «посреднической» организации во Франкфурте поступило 83 421 марка, в среднем же «на ведение национально-просветительной работы» тратилось ежемесячно 25 тыс. марок. Откуда брались остальные немалые суммы, не поясняется⁸⁶. Деньги, без сомнения, шли из немецких источников. Самостийники вовсе старались угодить хозяевам. Так, они приветствовали кайзера и «победную немецкую армию» со взятием Холма, старинного украинского города, и выражали беспочвенную надежду на «окончательный разгром смертельного врага украинского народа» — России⁸⁷. В брошюре «Украина и война», напечатанной в Мюнхене, союз, взывая к немецкому кайзеру и народу, излагал цели сепаратистов: «...освободить нас от нашей длительной неволи и гнета и осуществить нам государственную независимость». В обмен на создание «самостоятельного королевства Украины» самостийники-мазепинцы обещали «обратиться к немецкой интеллигенции и к немецкому капиталу, которые оба найдут в ней богато вознаграждающее поле деятельности»⁸⁸. Но украинский народ решительно отвергал подобные домогательства, он прекрасно разобрался в зловещих планах новоявленных спасителей. Скоропись-Иолтуховский сквозь зубы цедит: «Подходящих для посылки на Украину людей мы не имели, от родины были полностью отрезаны. С Украины к нам за все время войны приезжал дважды только один человек. Все, что мы говорили, делали и организовывали в лагерях, имело временный, переходный характер, все представляло собой только подготовку к действительной творческой работе на месте, на Украине»⁸⁹. Аналогичные выводы содержатся

и в пространной записке Департамента полиции «Об украинском движении за 1914—1916 годы с кратким очерком истории этого движения, как сепаратистско-революционного течения среди населения Малороссии». По данным охранки, союз сносился с украинскими организациями Киева и Петрограда, располагая там своими агентами. В то же время наблюдалось усиление «мазепинского движения» в юго-западном крае, идейным руководителем которого был известный профессор М. С. Грушевский, формально в «Союз освобождения» не входивший и арестованный в Киеве еще в ноябре 1914 г. Незначительные группы сепаратистов, главным образом из мелкобуржуазного студенчества и интеллигенции, действовали в ряде украинских губерний⁹⁰.

Попытки лидеров союза обратиться за содействием к революционной эмиграции были разоблачены и отвергнуты сначала большевиками, затем грузинскими социал-демократами и Украинской социал-демократической рабочей партией, орган которой «Боротьба» (№ 4, 1915) в открытом письме редакции правильно расценил союз как «агентурную организацию правительств центральных государств», питающих надежду на создание ими «Королевства Украины»⁹¹.

Поневоле самостийникам пришлось ограничиться агитацией среди военнопленных и подготовкой отдельных лиц для выполнения шпионских заданий на Украине. Первую такую группу в составе всего трех человек Скоропись-Иолтуховский лично сопровождал на фронт в феврале 1916 г., другая группа из 27 человек переходила фронт в районе Ковеля в январе 1917 г.⁹² Разумеется, немецкий наймит клянется и божится, будто его люди не брали никаких политических и тем более разведывательных заданий от хозяев, что рассчитано на крайне наивных людей. Не из альтруизма заботливо опекали немцы украинских сепаратистов, которые являлись столь же послушными им платными агентами, как и другие буржуазные националисты.

Безуспешными были и попытки немцев организовать «освободительное движение» в Закавказье, где этим усиленно занимался Шуленбург. Созданный им небольшой грузинский отряд в составе турецких частей фактически бездействовал, как и специальная агентура. Через Стокгольм в Закавказье поступила значительная сумма денег для финансирования «повстанцев». Но установить, кому она пошла, оказалось невозможным. «Ничего похожего на диверсионные акты или мятежи, — отмечает Г. В. Пи-

пия, — в Грузии или в других районах Закавказья не происходило. Напрасно в течение 1915—1916 гг. к берегам Грузии систематически подходили немецкие подводные лодки У-38 и У-14, груженные оружием для повстанцев. Ни разу никто не попытался выйти к ним на связь. Было совершенно очевидно, что дело, в которое было вложено столько средств, с которым были связаны такие надежды, лишено всякой перспективы»⁹³.

Не удалось немцам достичь желаемых результатов также в Прибалтике и в Финляндии. В то же время их разведывательные организации добывали довольно ценную информацию о положении в России, провели они и несколько диверсионных актов на военных объектах. Вернемся к аванюре сотрудников охраны Долина и Литвина*. По заданию шефов они дважды посетили германского военного агента в Швейцарии Бисмарка, являвшегося одновременно руководителем разведывательной сети своей страны. Долин назвался «Лепиным», что впоследствии буржуазные фальсификаторы использовали в качестве повода для абсурдных обвинений вождя пролетариата. Когда провокаторы нагло заявили об осуществлении ими взрывов на Охтенском оружейном заводе в Петрограде, Бисмарк отнесся к этому скептически, заметив, что уже от многих слышал то же самое. Докладывая о результатах этих встреч, заведующий заграничной агентурой Красильников писал 20 мая 1915 г. в Департамент полиции: «Благоволите телеграфировать, нельзя ли на Охтенском заводе поместить служащим наше лицо, на коего можно было бы указать немцам как на революционера-сообщника, будто бы организовавшего первый взрыв и могущего организовать такой вновь, предложив немцам поставить в прямые сношения с таким лицом имеющих у них в России агентов». Но из Петрограда вскоре пришел отрицательный ответ.

Между тем Долин и Литвин встретились на частной квартире Бисмарка с неким Джакомини, судя по всему, кадровым разведчиком. Он задал несколько вопросов о взрыве, изъявил желание познакомиться с работающим на заводе их сообщником «из революционеров», поручил также произвести взрыв на квартире министра иностранных дел С. Д. Сазонова, на Путиловском заводе и на одной из шахт в Донбассе. Джакомини вынул из кармана двухстраничный перечень заводов и фабрик России, из-

* Как и ранее, приводимые факты заимствованы из «Коллекции ЦГАОР».

готовящих предметы военного снаряжения; против каждого из них стояла цифра вознаграждения за уничтожение или повреждение. На прямой вопрос, где лучше устроить взрыв, немец разъяснил, что «надо раньше выяснить, есть ли на том или другом заводе какие-либо революционные рабочие организации, и принять во внимание их настроения». Русские агенты ответили, что могут говорить только о взрыве на Обуховском заводе в Петрограде, где они якобы установили связи с некоторыми «интеллигентными работниками», ставшими «на точку зрения скорейшего прекращения войны». Среди их единомышленников находится один человек, врач по образованию, к нему и можно дать явку. Это произвело выгодное впечатление на Джакомини. Бывая в России неоднократно, он вновь туда собирался «по делам». Охранка любезно предложила для встречи квартиру своего сотрудника под фамилией Ляховский (Невский проспект, д. 55). Департамент полиции разрешил только приезд Долина, видимо заранее предвкушая легкую поимку германского шпиона. Но дело обернулось по-иному. Джакомини так и не появился в Петрограде, Долину же пришлось возвратиться в Цюрих.

Тогда охранка предприняла новый маневр, инспирировав публикацию во французской печати заметок о покушении на Сазонова 9 августа 1915 г., когда какой-то неизвестный силой ворвался в его кабинет, но был обезврежен полицией, а также о взрыве, разрушившем одну из крупных угольных шахт Донбасса. Конечно, все это было шито белыми нитками, и немцам при наличии в России обширной агентурной сети ничего не стоило обнаружить подделку. К такому же выводу пришли и незадачливые охранники. В одном из их документов говорилось: «Факт неявки Джакомини показал, что немцы не доверяют, иначе они бы сами пришли к нам».

Однако в последовавших затем контактах с Долиным германские разведчики, к немалому его удивлению, внезапно предложили принять участие в «распространении среди населения России революционной пропаганды, дабы создать брожение в стране». Департамент полиции сразу же этим заинтересовался, ибо такое предложение соответствовало общей линии охранки, направленной против подлинных революционеров. В январе 1916 г. немцы напрямик спросили Долина, не может ли он «организовать в России основательную революционную пропаганду». Тот ответил согласием при условии разрыва контр-агентами связи со «всеми прочими революционными эле-

ментами» и ведений дел только с ним. Хотя его предложение и не было принято, он получал от немцев немалые деньги на такие цели.

Перемена тактики была, видимо, вызвана новым появлением на сцене Парвуса. Еще в начале 1915 г. он выдвинул обширный план разжигания в России «революции», для чего сперва требовалось созвать совещание руководителей большевиков и меньшевиков, возможно в Женеве. Одновременно правительству кайзера давался совет осуществить в качестве вознаграждения социал-демократов за их «патриотическую позицию» ряд реформ, касавшихся начальных школ и продолжительности рабочей недели⁹⁴.

Уже одно это обстоятельство указывает на тесные связи Парвуса с верхушкой СДПГ*. Да и весь замысел был в сущности перелицовкой ранних ее демаршей.

Империалисты центральных держав хорошо знали об огромном размахе рабочего движения в России перед войной, о международной роли большевизма. Поэтому не удивительны их намерения попытаться использовать РСДРП, благо такой совет давал и Парвус. Министерство иностранных дел Германии вызвало того в Берлин и в марте 1915 г. получило из казначейства 2 млн. марок для «пропаганды» в России, из которых Парвусу перепал миллион. 9 июля на ту же цель было отпущено еще 5 млн. марок⁹⁵. Вопрос заключается в том, как и кем были использованы столь крупные суммы. Очевидно, они были прикарманены Парвусом и другими авантюристами. По назначению они использованы не были**. Во всяком случае потуги буржуазных лжеученых установить, что хотя бы часть таких средств попала к большевикам, оказались тщетными. Так же несостоятельны все уловки реакционных историков выдать попытки немцев «прощупать» большевиков за сотрудничество с ними.

Немалые суммы затрачивал Парвус на издаваемый с сентября 1915 г. шовинистический листок «Колокол» и на пресловутый институт в Копенгагене. Эта желтая газетенка отстаивала циничные взгляды, развивавшиеся Парвусом в секретных записках немецким правителям.

* По имеющимся данным, Парвус в течение всей войны был «доверенным советником» Эберта и Шейдемана (*Schurer H. Alexander Helphand-Parvus — Russian Revolutionary and German Patriot. — Russian Review, October 1959, p. 324*).

** Фактически это доказано французским историком Ж. Бонпеном (*Bonnin G. Les bolchéviks et l'argent allemand pendant la première guerre mondiale. — Revue historique, 1965, janvier—mars*).

В ноябре 1915 г. большевистский «Социал-Демократ» опубликовал статью В. И. Ленина «У последней черты», в которой резко клеймилось поведение Парвуса. «Он защищает немецких оппортунистов с невероятно наглым и самодовольным видом. Он сжег все, чему поклонялся; он «забыл» о борьбе революционного и оппортунистического течений и об их истории в международной социал-демократии... Он лижет сапоги Гинденбургу, уверяя читателей, что «немецкий генеральный штаб выступил за революцию в России»... Сплошная клоака немецкого шовинизма, прикрытая разухабисто намалеванной вывеской: во имя будто бы интересов русской революции!»⁹⁶ И в дальнейшем В. И. Ленин также убедительно разоблачал действия ренегата и прямого агента германского империализма.

Подхода к большевикам искал и посланник Германии в Берне Ромберг. 30 сентября 1915 г. он доложил в Берлин, что его тайному агенту эстонскому буржуазному националисту Кескюле удалось узнать условия, на которых русские революционеры «были бы готовы заключить мир с нами в случае успешной революции». Ссылаясь на взгляды «хорошо известного революционера Ленина», Кескюла приводил следующие пункты: учреждение республик, конфискация крупных помещичьих имений, 8-часовой рабочий день, полная автономия всем нациям, мирное предложение, совершенно не принимая во внимание Францию, но при условии, что Германия откажется от всех аннексий и репараций, русские армии немедленно выводятся из Турции, что означает отказ от притязаний на Константинополь и Дарданеллы, и, наконец, русские войска вводятся в Индию⁹⁷. Ромберг предлагал использовать эту фантазмагорическую «программу» по тайным каналам, прежде всего для пропаганды во Франции.

Нам довелось установить, что Кескюла выдал за какой-то секретный план искаженную им официальную позицию большевиков⁹⁸, как она изложена в ленинских статьях, приправив их собственными измышлениями. В. И. Ленин писал в начале сентября 1915 г.: «Не учредительное собрание, а низвержение монархии, республика, конфискация помещичьей земли и 8-часовой рабочий день, — таковы будут по-прежнему лозунги социал-демократического пролетариата, лозунги нашей партии. И в неразрывной связи с этим... наша партия будет по-прежнему ставить лозунг превращения империалистской войны в войну гражданскую, т. е. лозунг социалистической революции на Западе». Вместе с тем он отмечал, что

«революционный кризис в России, в обстановке империалистской войны, не мог не толкнуть мысль к идее о единственном спасении народов, к идее о «восстании в тылу» германской армии, т. е. к идее о гражданской войне во *всех* воюющих странах»⁹⁹. Но такая постановка вопроса в корне расходилась с планами немцев, и Кескюла извратил эти положения в угоду своим шефам.

А вот ленинская статья «Несколько тезисов», помещенная в качестве редакционной в «Социал-Демократе» 13 октября 1915 г.: «На вопрос, что бы сделала партия пролетариата, если бы революция поставила ее у власти в теперешней войне, мы отвечаем: мы предложили бы мир *всем* воюющим на условии освобождения колоний и *всех* зависимых, угнетенных и неполноправных народов. Ни Германия, ни Англия с Францией не приняли бы, при теперешних правительствах их, этого условия. Тогда мы должны были бы подготовить и повести революционную войну...» Речь шла о том, чтобы поднимать на восстание «социалистический пролетариат Европы против его правительства и вопреки его социал-шовинистам»¹⁰⁰. В статье «О германском и не германском шовинизме» В. И. Ленин едко высмеивал восторженные отклики в немецких газетах об освободительном движении в Индии, называя потуги Германии улучшить свое военное положение разжиганием «недовольства и движения в Индии против Англии» глупенькими надеждами¹⁰¹. Аналогичные взгляды последовательно высказываются и в переписке В. И. Ленина со своими соратниками, не предназначавшейся для публикации. Достаточно сослаться на его письмо от 23 августа 1915 г., где затрагиваются рассматриваемые вопросы¹⁰².

Умышленно фальсифицируя позицию большевиков в духе, который устраивал бы немцев, Кескюла тем самым дезинформировал германских представителей. Сначала те отнеслись к подобным басням с известным доверием, но вскоре разуверились в сообщениях своего тайного агента.

Германские спецслужбы завязывали контакты и с группировками эсеровского толка, на что в литературе обычно не обращается внимание. И здесь нужно вернуться к деятельности А. Ф. Керенского. Наряду с участием в буржуазной организации масонского типа этот деятель стремился, по данным охранки, еще и «объединить все радикальные интеллигентные силы» вокруг левонароднических журналов «Заветы» и «Русское богатство». После их закрытия в конце 1914 г. он и его сторонники пыта-

лись работать «во всех общественных легальных возможностях, отказавшись от революционных выступлений против войны, так как эти выступления признавались несвоевременными и нецелесообразными»¹⁰³. Недаром он состоял юрисконсультom немецкой фирмы в России «Шпан и сыновья». 26 января 1916 г. товарищ министра внутренних дел С. П. Белецкий сообщил дворцовому коменданту В. Н. Воейкову, что бойкий адвокат располагает значительными средствами. «Ввиду сего, — констатировал Белецкий, — и имеющихся точных указаний на полное отсутствие денежных средств у русских революционных организаций, действующих как внутри страны, так и за границей, было произведено тщательное обследование личного материального положения Керенского в целях исследования источника, дающего ему возможность располагать весьма значительными средствами». Со ссылкой на ряд косвенных, но довольно веских обстоятельств высказывалось предположение о получении им крупных сумм от «внешних врагов» для организации «революционного движения в пределах империи»¹⁰⁴. Но революцией здесь и не пахло.

Выступая на собраниях местной подпольной организации, Керенский именовал себя эсером, но в то же время принимал участие в работе других группировок, вплоть до оппозиционно-буржуазных, видимо, «прогрессистских», причем тщательно скрывал причастность к ним. Он отстаивал лозунг «государственного переворота во имя обороны страны»¹⁰⁵. Оказывается, Керенский первым получал в Петрограде «германские воззвания о мире», фабрикуемые в Копенгагене и Стокгольме. На одном из совещаний единомышленников Керенский заявил о наличии у него документа, доказывающего, что истинным виновником войны является не Германия, а Россия. По его признанию, он получил копию письма царя на имя Вильгельма II с просьбой о заключении сепаратного мира во имя обоюдных интересов двух династий, стоящих перед угрозой революции. При этом Белецкий просил Воейкова хранить его письмо не в канцелярии, а в «условиях исключительной конспирации»¹⁰⁶. Эти факты достаточно откровенно обнажают деятельность Керенского, типичного политического авантюриста. Однако охранка и военная контрразведка ограничились лишь негласным наблюдением за ним.

Контакты с видными эсерами-эмигрантами центральные державы установили и за рубежом. Так, германский посланник в Швейцарии Ромберг сообщил 24 августа

1916 г. канцлеру Бетман-Гольвегу, что примерно годом ранее австрийский консул в Давосе познакомился с эсером Цевиным, принимавшим участие в русской революции 1905—1907 гг. Поддерживая хорошие отношения с лидерами партии социалистов-революционеров (ПСР) В. М. Черновым и Бобровым (М. А. Натансоном), Цевин согласился начать «революционную и пацифистскую пропаганду» среди русских военнопленных в Австро-Венгрии, а также в самой России¹⁰⁷. В частности, была организована публикация «манифестов» и их широкое распространение, особенно через эсеровскую военную организацию. Цевин передал австрийскому посланнику в Берне барону Хеннету несколько таких манифестов, регулярно информировал его о деятельности ПСР и положении в России. При этом он утверждал, что некоторые из террористических актов были осуществлены его людьми. За свою «службу» Цевин получил от Австро-Венгрии 140 тыс. франков. Но затем платежи прекратились, и он обратился с предложением аналогичных грязных услуг к немцам, обещая Ромбергу довольствоваться на первый месяц 25 тыс. франков. Всячески расписывая возможности агента и рекомендуя своим шефам использовать его, по крайней мере с испытательным сроком, Ромберг заключал: «Выгоды от контактов с Цевиным вытекают из того, что он является активным членом русской партии, которая не подозревается в поддержании отношений с нами»¹⁰⁸. Это было действительно так.

Уже 30 августа 1916 г. из Берлина поступило согласие на выдачу Цевину 25 тыс. франков, в 1916 г. ему было предоставлено тремя долями еще 75 тыс. франков, выплаты продолжались и в 1917 г.¹⁰⁹

Подобные связи были не единичны. Посланник России в Берне Бахерахт начиная с декабря 1915 г. передавал не раз в Петроград сведения о сотрудничестве с немцами другого эсера М. М. Зайонца, связанного с лидерами ПСР Б. Д. Кацем (Камковым) и Черновым. Зайонц получил от секретаря германского консульства в Женеве предложение организовать в Петрограде или Москве подпольный печатный орган эсеров. 31 января 1916 г. Бахерахт телеграфировал в МИД России: «Некто Цевин, находящийся в Давосе, и Натансон в Лозанне предполагают постараться проехать в Россию»¹¹⁰. Департамент полиции сразу же попытался установить личность Цевина по своей обширной картотеке, но в ней не оказалось подходящих данных. 4 февраля 1916 г. Красильников телеграфировал из Парижа в Петроград, что, по сообщениям его тайной

агентуры, Зайонц «посещает места сборищ русской публики, проявляя большой интерес к внутренней жизни России, куда предполагает вернуться с фальшивым паспортом»¹¹¹. Тем не менее о его революционной деятельности и связях с австрийским консулом ничего узнать не удалось. Согласно документу Департамента полиции от 27 февраля 1916 г., Зайонц является ближайшим помощником австрийского консула Пелка «по ведению агитации в среде русских революционеров в Женеве за подготовку революционных выступлений в России». Он находится в сношениях с эсерами Кацем, Цевиным, Черновым и Натансоном. А из генерального штаба сообщили в охранку 31 марта 1916 г. следующее. Бывший австрийский консул во Флоренции «Пелька» имеет «постоянные сношения с находящимися в Швейцарии русскими революционерами, подлежащими призыву или желающими ехать в Россию в целях ведения пропаганды в войсках». Во главе группы лиц, имеющих сношения с австрийцами, стоит эсер Зайонц. С ним же поддерживают сношения Чернов, «Цывин», Натансон¹¹².

Сошлемся на другой любопытный источник, приводимый в воспоминаниях начальника контрразведки Петроградского военного округа при Временном правительстве полковника Б. В. Никитина. Как он утверждает, «в секретном справочнике» английской разведки на 1916 г. упоминалось, что бывший австрийский консул во Флоренции Пельке фон Норденшталь занимался в Швейцарии вербовкой политических эмигрантов для шпионажа. Среди привлеченных им для такого рода деятельности эсеры В. М. Чернов, М. А. Натансон, Б. Д. Камков, М. М. Зайонц, Диккер, Шаншелевич получали германские субсидии¹¹³.

Таким образом, приведенные материалы устанавливают прямую причастность ряда эсеровских лидеров к контактам с разведывательными органами центральных держав и получение от них денежных подачек. Выявляются каналы и размеры некоторых сумм. К числу прямых национальных предателей следует отнести и ряд представителей верхушки партии эсеров.

Как отмечалось, в целом неправильно считать царизм принципиальным противником сепаратного мира на основании лишь одного отклонения немецких авансов. Анализ всей совокупности материалов подтверждает правильность ленинской характеристики позиции царизма и крепостников-помещиков, предпочитавших передаче власти либеральной буржуазии в России «сделку с монархией немец-

кой»¹¹⁴. Антантофильский курс и буржуазии и высших официальных учреждений, особенно военного ведомства и Министерства иностранных дел, приходил в столкновение с намерениями правящей династии, которая желала осуществить собственные установки. Кризис верхов того периода во внешнеполитической области проявлялся здесь в полной мере.

Позиция центральных держав была направлена на укрепление в России самых реакционных сил, служила вдохновляющим стимулом для этой части лагеря контрреволюции. А поддержка буржуазных националистов левого толка и эсеровских лидеров преследовала цель разложить революционное движение, чтобы обвинить отдельные отряды трудящихся в получении германских субсидий; подтасовывались факты и стряпались грязные фальшивки. С разных сторон и неоднозначно две воюющие коалиции продолжали выступать против пролетариата России. Большевики оказывали этому всевозрастающий отпор.

УСИЛЕНИЕ НАПОРА АНТАНТЫ

Циммервальдский почин. Спекуляции на немецком золоте. Сенатор Думер ищет пушечное мясо. Дискриминация в военных вопросах. Неприемлемость Штюмера.

Важной линией международной деятельности В. И. Ленина и партии было сплочение левых элементов социал-демократии для всемерной активизации борьбы пролетариата против империализма под знаменем социалистической революции. Спецслужбы и другие органы как стран Антанты, так и центральных держав стремились воспрепятствовать активности большевиков в этом направлении. Поскольку социал-шовинисты были доказательно разоблачены перед массами, на сцене появились центристы и буржуазные пацифисты. Они выступали с абстрактной проповедью мира, против любых войн, и прежде всего классовой борьбы с эксплуататорами, сея смятение и путаницу.

Большевики делали все возможное для осуществления решений Бернской конференции заграничных секций РСДРП. На первой международной социалистической конференции (август 1915 г.) в маленьком селении Циммервальде, неподалеку от Берна, собрались нелегально 38 де-

легатов от одиннадцати стран. Как известно, здесь развернулась острая идеологическая борьба между революционными интернационалистами и каутскианским центристским большинством, которое представляли лидеры немецкой социал-демократии Лидебур, Гримм, а также Троцкий. Группа левых делегатов внесла свои проекты резолюции и манифеста, которые центристы отклонили. Конференция единогласно приняла манифест «К пролетариям Европы», содержащий ряд марксистских положений. Вместе с тем документ отличался непоследовательностью. Разоблачая измену лидеров II Интернационала рабочему классу, его составители не требовали полного разрыва с оппортунистами и не выдвигали четкой программы борьбы за мир, против империализма. Конференция одобрила совместное заявление французской и немецкой делегаций, приняла резолюцию о «симпатии жертвам войны и преследуемым»: Жану Жоресу, сосланному в Сибирь большевистским депутатам Думы, Либкнехту, Монатту, Люксембург, Цеткин. Делегаты создали в Берне «Международную социалистическую комиссию» (МСК)¹¹⁵.

Циммервальдская левая в составе восьми человек, представлявшая организации и отдельных лиц, избрала собственное бюро во главе с В. И. Лениным, которое сосредоточило усилия на дальнейшей организации и сплочении интернационалистов Европы и Америки, создании III Интернационала. Подводя итоги международной социалистической конференции, Ленин назвал ее манифест «шагом вперед» к действительной борьбе с оппортунизмом и разрыву с ним¹¹⁶.

Циммервальдская конференция и особенно создание на ней левой, революционной социал-демократии, руководимой большевиками, вызвали буквально взрыв классовой ненависти у правящих кругов обеих воюющих коалиций и их реформистской агентуры. Участники конференции подверглись преследованию социал-шовинистов и властей Германии, генеральный штаб которой пустил провокационную ложь о поддержке делегатов денежными средствами со стороны «английского посольства»¹¹⁷. А пропаганда держав Антанты изображала циммервальдцев немецкими ставленниками. Не дремала и охранка. Большевикам стало известно, что у агента полиции находится документ со сведениями о собрании интернационалистов под председательством В. И. Ленина. Министерство внутренних дел России в конце декабря 1915 г. разослало секретный циркуляр с указанием о пересылке в страну редакцией «Социал-Демократа» брошюры В. И. Ленина «Социализм

и война». Предписывались не только меры к недопущению ее распространения, но конфискация и уничтожение при обнаружении¹¹⁸.

Рабочее движение в России с его мощным революционным потенциалом превратилось в важный международный фактор, роль которого возрастала. Это признавалось и правящими кругами стран Антанты, и руководителями центральных держав. Если первые настойчиво стремились к его подавлению и дезорганизации самыми различными способами, то вторые искали пути использования для подрыва военных усилий царизма, в том числе через Парвуса и эсеровских лидеров, отпуская на это довольно крупные средства. Нынешние фальсификаторы истории, взявшие на вооружение беспочвенную версию бывшего белоэмигранта Г. Каткова, басням которого не верят и мало-мальски серьезные буржуазные ученые, пытаются делать, избегая существа вопроса, всякие умозрительные домыслы об использовании этих сумм. Так, английский профессор Вествуд заключает без доказательств, что через Парвуса и других немецкие субсидии «были направлены через Скандинавию к русским революционерам, организующим пропаганду и стачки»¹¹⁹. Но какие же субсидии, революционеры и стачки имеются в виду, автор не поясняет, ибо ему самому это неизвестно. Даже ярый антисоветчик Улам не мог не признать, что несколько крупных стачек не были делом рук «вражеских агентов», но при этом он вопреки истине утверждает, будто главной линией даже радикальных элементов рабочего класса была «оборонческая»¹²⁰.

Особенно много спекуляций по поводу стачки в Николаеве (январь — февраль 1916 г.), которая была якобы организована на немецкие деньги. Игнорируя конкретные факты, авторы оперируют псевдологическими рассуждениями на основе лживых интерпретаций антивоенных взглядов большевиков и других революционеров. Между тем данный вопрос подробно изучен в свете многочисленных документов советскими исследователями, показавшими экономический характер этого крупного выступления рабочего класса. Забастовка возникла вследствие крайне тяжелых условий труда и мизерной его оплаты. Хотя в стачечный комитет и входили большевики, они не имели там решающего влияния. Значительное распространение получили мелкобуржуазные настроения. Рабочие наиболее высокооплачиваемого снарядного отделения на протяжении всей забастовки продолжали трудиться, никаких попыток привлечения их к участию в ней сдела-

но не было. Требования стачечников сводились исключительно к повышению заработной платы. Представляются правильными основные выводы К. Ф. Шацилло, внимательно изучившего вопрос. Действительно, хотя забастовка была экономической, она, естественно, имела и большое политическое значение, поскольку в течение двух месяцев не работало одно из крупнейших предприятий военной промышленности ¹²¹. Исследователи не выявили какой-либо причастности к стачке германской агентуры.

Несмотря на все происки самодержавия, буржуазии и реакционных сил, им не удавалось даже затормозить ширившееся рабочее движение в России. С мыслью о неизбежности революции почти свыклись и внутри страны, и на Западе. Мнения расходились лишь относительно сроков ее начала. Большинство буржуазных наблюдателей, включая иностранцев, считали, что она произойдет лишь после окончания войны. Значительную тревогу в Париже и Лондоне вызывала информация о благосклонности царизма и правых организаций к немецким зондажам относительно заключения с Россией сепаратного мира. Французский президент Пуанкаре в дневнике сделал 20 ноября 1915 г. такую запись: «Думер отправляется в Россию для ознакомления с вопросами об отправке солдат в обмен на наши ружья. Перед отъездом он пришел побеседовать со мной» ¹²². С циничной откровенностью глава союзного России государства предлагал совершение постыдной сделки по обмену русского пушечного мяса на французские винтовки. Добавим, что бывший министр и председатель палаты депутатов Думер являлся сенатором от радикал-социалистской партии. О его мнении после прибытия в Петроград французский посол Палеолог сообщал: «Чтобы мы могли восстановить наши силы, Россия должна нам позволить черпать из ее огромных резервуаров; она легко может дать нам 400 тыс. солдат, и я приехал сюда просить об этом. Отправка должна начаться 10 января 1916 г.» Даже Палеологу такое требование показалось невыполнимым, но лишь из-за трудностей транспортировки столь крупных соединений через замерзающее в зимний период Белое море ¹²³. Думер был дважды принят Николаем II и добился в принципе его согласия на отправку русских войск во Францию. Царское командование сочло возможным первоначально послать туда одну бригаду пехоты численностью 10 тыс. штыков «в виде опыта». В 1916 г. во Францию прибыли четыре бригады в 44,2 тыс. человек, причем каждая такая часть усиленного состава была равноценна одной французской дивизии.

Союзники всячески пытались умалить значение участия этих частей в боевых операциях. Было отказано в выделении русского сектора на французском фронте, в равноправии русских частей с французскими в отношении вооружения и снабжения. «Царское правительство вынуждено было пойти на уступки Франции, которые вряд ли были бы возможны, если бы Россия не испытывала уже к концу первого года войны определенной финансовой и военно-технической зависимости от своих западных союзников»¹²⁴. И такая зависимость сказывалась все тяжелее, притом во многих областях. Так, в важном деле общестратегической координации лидеры Антанты мало считались с мнением русской Ставки, делая упор на реализацию собственных интересов. Разработанная французским штабом программа работ межсоюзнической конференции в Шантильи (декабрь 1915 г.) даже не включала предложенный Россией стратегический план. На самой конференции союзники зачастую игнорировали соображения, которые выдвигались русским военным представителем генералом Я. Г. Жилинским¹²⁵.

Подобный подход нашел конкретное проявление при решении важных практических вопросов военно-оперативного сотрудничества. 18 декабря 1915 г. в самый разгар подготовки наступления русских армий Юго-Западного фронта Жилинский сообщил в Ставку о результатах вторичной беседы с французским главнокомандующим Жоффром о содействии этому наступлению. Беседе тот придавал «очень неприятный характер», заявив в присутствии начальника своего штаба Пелле, что «войну ведет одна только Франция и что все остальные только просят у нее содействия». Ни о каком наступлении на Западе не может быть и речи, никакого содействия русскому наступлению французская армия не окажет. Только после настоятельных просьб Жилинскому удалось добиться обещания Жоффра о проведении трех частных атак. Общее наступление армий Антанты планировалось лишь на март 1916 г.¹²⁶

Однако, понав в затруднительное положение в ходе обороны Вердена, французы стали бомбардировать царское правительство требованиями о переходе в наступление «всеми свободными силами». И вновь Ставка пошла навстречу этим настояниям, начав наступление в Галиции досрочно и без достаточной подготовки¹²⁷. Нельзя не согласиться в этой связи с общим выводом В. А. Емеца о «неравноправности партнерства России с ее союзниками по Антанте» и о определенной ее зависимости от них.

«После отступления русской армии от границ Германии и Австро-Венгрии союзники перестали рассматривать русскую армию как активную военную силу в разгроме германской коалиции, отводя ей по существу второстепенную задачу ведения войны на изматывание и «истощение» войск противника»¹²⁸.

Аналогичная картина наблюдалась и в области снабжения русской армии необходимым ей военным снаряжением. Несмотря на уплату огромных валютных средств, поставки по-прежнему осуществлялись с большим запозданием, причем оружие зачастую поступало устаревших образцов или с заводским браком. Стремясь прежде всего соблюсти собственные интересы, союзники пренебрегали неотложными нуждами России. Достаточно сказать, что Антанта всячески тянула с поставками остро необходимых винтовок русской армии, пыталась переложить это то на японцев, то на итальянцев. Даже «горячий призыв» царя в ноябре 1915 г. о предоставлении русским винтовок не был «услышан» английским правительством. Посол Бьюкенен сослался на невозможность англичан произвести поставки¹²⁹.

Характерна в этой связи межсоюзническая конференция в Париже в марте 1916 г. Как отметил генерал Жилинский, «Россия испытывает большую пужду в материальной части и в снарядах», но более всего ей необходима тяжелая артиллерия. А «к трудностям производства и снабжения через Францию и Англию прибавляются трудности транспорта». Французские пушки еще не прибыли к месту назначения. Не хватает патронов и некоторых металлов. В ответ министр военного снабжения А. Тома отделался пустыми обещаниями. В то же время французы продолжали настаивать на выдвинутом ими ранее требовании о направлении к ним русских рабочих на военные заводы или по крайней мере военнопленных. Но на сей раз они натолкнулись на твердый отказ¹³⁰.

Рассматривая международные аспекты внутривосточной эволюции России, следует отметить в качестве немаловажного события с точки зрения трений между буржуазией и царизмом смещение с поста 20 января 1916 г. председателя Совета министров престарелого и негибкого реакционного сановника И. Л. Горемыкина. Причины отставки кроются в его обостренных отношениях с Государственной думой и большинством министров. На смену пришел еще более реакционный, но сравнительно мало известный в стране и тем более за рубежом член Государственного совета Б. В. Штюмер. Ранее он зани-

мал посты новгородского и ярославского губернаторов, являлся одно время директором Департамента общих дел МВД. Его хорошо знали Распутин и императрица, которая постепенно склонила царя к назначению этой кандидатуры на высший государственный пост.

Уже первые шаги нового главы правительства выявили намерение самодержавия добиться путем мелких поправок компромисса с буржуазным прогрессивным блоком, а в решающих вопросах продолжать прежний реакционный курс. Штюрмер, вступив в закулисные переговоры с лидерами блока, демонстративно их обхаживал и в качестве «широкого» жеста согласился на созыв в феврале 1916 г. сессии Думы, от чего всячески уклонялся Горемыкин. На открытие сессии пожаловал царь, произнесший пустую, трафаретную речь, с восторгом встреченную правыми и буржуазными депутатами.

Правящие круги держав Антанты отнеслись к назначению Штюрмера настороженно, опасаясь активизации попыток к заключению сепаратного мира с немцами. Дотошный французский посол Палеолог после трехдневного сбора информации из различных источников записал в дневнике: «Эта шестидесятисемилетняя личность ниже среднего уровня с ограниченным интеллектом, посредственным умом, низким характером и сомнительной честности не имеет совершенно никакого опыта в крупных вопросах при наличии, однако, довольно хитрого и льстивого дара. Он немецкого происхождения, о чем свидетельствует и его фамилия, являясь дальним племянником барона Штюрмера, который был комиссаром австрийского правительства при охране Наполеона на острове Святой Елены». Далее дипломат справедливо отмечал, что своему выбору на высокий пост Штюрмер обязан «камарилье императрицы и протекции Распутина перед царем, с которым он тесно связан»¹³¹.

Несколько в ином плане действовал английский посол Бьюкенен, посетивший Штюрмера 24 января 1916 г. и выразивший ему «удовлетворение» по поводу заявления в беседе с представителями печати о желании сотрудничать с Думой. Тот оказал дипломату «весьма дружеский прием», заверив, что не намеревается ограничивать права Думы. Бьюкенен сообщал своему правительству, что на Штюрмера возлагались «большие надежды» в плане проведения более либеральной и примирительной политики¹³². Со своей стороны царский посол в Лондоне Бенкендорф телеграфировал 25 января 1916 г. в МИД России о «большом беспокойстве в Англии по поводу внутренних

русских дел», ибо общественное мнение задается, дескать, вопросом, «не могут ли крайние затруднения (момента) вынудить Россию пойти на сепаратный мир»¹³³. Сазонов поспешил через Бенкендорфа заверить союзника: «С назначением нового председателя совета министров нарушенное при его предшественнике взаимное доверие между правительством и членами законодательных палат вновь восстанавливается. Общественные круги, как о том свидетельствуют многочисленные обращения земских учреждений, встречают Штюрмера сочувственно... Благоволите поэтому приложить старания к успокоению англичан. Что же касается предположений о возможности заключения Россией отдельного мира, то после принятых нами на себя перед союзниками обязательств и ввиду неоднократно уже заявленного твердого намерения как императорского правительства, так и русского общества довести войну до благоприятного нам окончания означенные предположения представляются мне смешными и требуют с вашей стороны самого решительного отпора»¹³⁴.

Все же опасения лидеров Антанты не были вполне рассеяны, и они продолжали с тревогой наблюдать за внутренним положением в России, усиливая попытки надлежащего воздействия. Не этими ли мотивами объяснялась, в частности, реорганизация военной миссии Франции в России, когда в марте 1916 г. помощником начальника генерала По был назначен генерал Жанен, а бывший военный агент генерал Лагиш стал «лично» состоять при царе. Итак, отряжалось сразу три генерала, тогда как к французской главной квартире был прикомандирован один генерал Жилинский. Увеличивался и военный персонал Франции в Петрограде, причем генерал Жанен, как и новый военный агент майор Лавернь, знал русский язык¹³⁵. Усиливались и подкреплялись английские службы в России.

В целом позиция Англии и Франции в интересующих нас аспектах «русского вопроса» характеризовалась мерами по усилению всесторонней зависимости от них России при полном пренебрежении к ее действительным национальным потребностям. Подчиненность союзникам и неравноправность страны в коалиции Антанты все более возрастали, ложась в первую очередь тяжелым бременем на массы трудящихся в тылу и на фронте. Однако господствующие классы и их партии не только содействовали, но и углубляли такое сотрудничество, рассчитывая, что оно явится серьезным тормозом развития классовой борьбы, расчищавшей дорогу социальной революции.

Лавирование в разных, но пересекающихся плоскостях Антанты и центральных держав между царизмом и буржуазией было направлено на укрепление позиций контрреволюции, сохранение самодержавной власти и подрыв рабочего движения. Одновременно иностранные империалисты независимо от их воли и желания содействовали уяснению массами антинародной природы войны и полной несовместимости целей правящей клики с их коренными интересами. Под влиянием широкой разъяснительной работы большевиков трудящиеся все более проникались сознанием необходимости свержения царизма, чтобы расчистить путь к социализму.

ГЛАВА III

ПРУЖИНЫ ДВОРЦОВОГО ПЕРЕВОРОТА

ИНОСТРАННАЯ ПОМОЩЬ РЕАКЦИИ

Кинталь. Под прессом преследований и репрессий. Делегация Думы на Западе. Вивиани и Тома в России. Просоюзнические симпатии буржуазии. Экспансия США.

На второй год войны все рельефнее обозначается поворот правящих клик к империалистическому миру. Усиленно маневрируя, они выдвигают на авансцену свою реформистскую агентуру, практикуют широкий обман масс с помощью муссирования идеи «демократического мира». Такой тактике в той или иной степени придерживались все господствующие слои. Хотя война и шла еще с некоторым перевесом в пользу центральных держав, но и они постепенно утрачивали надежду на полную победу, множились попытки путем раскола рядов противника достигнуть компромиссного примирения.

Партия большевиков, все подлиннее интернационалисты, углубляя свой революционный курс, остро разоблачали политику монополистического капитала. Обнаружив наметившийся поворот в мировой политике, Ленин раскрыл его коварную суть, угрожавшую борьбе трудящихся во главе с рабочим классом. В связи с этим он развенчивал буржуазно-пацифистские иллюзии социал-шовинистов и каутскианцев. Мировая война в условиях сохранения капитализма, предупреждал В. И. Ленин, может «вести только к империалистскому миру», означаящему укрепление, расширение и усиление угнетения «слабых наций и стран финансовым капиталом»¹.

11 апреля 1916 г. в Берне (Швейцария) открылась вторая международная социалистическая конференция, последующие заседания которой проходили в деревушке

Кипталь. 43 делегата * конференции представляли социалистические организации России, Польши, Германии, Италии, Франции, Швейцарии, Австрии, Сербии, Португалии, Интернациональную социалистическую комиссию (ИСК), Интернационал молодежи. Число сторонников Циммервальдской левой выросло до 12 человек, что отражало растущее проникновение большевистских идей в среду социалистов западноевропейских стран. По некоторым данным, эту группу поддерживало еще семь делегатов². В целом же состав конференции был центристским и даже склонявшимся к социал-шовинизму (Гримм, Балабанова, Мартов, Аксельрод, эсер Натансон — эти имена говорят сами за себя).

В. И. Ленин и большевики приняли деятельное, конструктивное участие в работе конференции. Вождь пролетариата провел ряд совещаний для сплочения левых циммервальдцев, беседовал со многими делегатами. По свидетельству участницы конференции из Германии А. Шуберт, он хотел узнать, как обстоят дела в Берлине, какое настроение у рабочих и как они ведут борьбу против войны. От имени ЦК РСДРП Ленин подписал внесенный Циммервальдской левой проект резолюции об отношении социал-демократии к вопросам мира. Конференция выработала манифест «Обращение к разоряемым и умерщвляемым народам», учитывавший в значительной степени позицию левых³. Давая общую оценку итогам Кипталя, В. И. Ленин писал: «В общем принят манифест — шаг вперед... Принята резолюция с критикой пацифизма и резолюция о Международном Социалистическом Бюро с резкой критикой его. В общем, это *все же*, несмотря на тьму недостатков, шаг к разрыву с социал-патриотами. Левая была сильнее на этот раз...»⁴

Киптальские документы привели в ярость правящие круги обеих воюющих коалиций. Их социал-шовинистическая агентура поместила свои злобные отклики на страницах буржуазной печати. Ужесточилось преследование революционеров. В Германии за распространение документов конференции среди фронтовиков было расстреляно 32 солдата и 3 офицера⁵. Правительства Антанты стремились поставить прочный заслон перед ЦК РСДРП, который добился значительного укрепления своих зарубежных позиций. Французский посол в Петрограде, отметив, что кон-

* В различных источниках содержатся неодинаковые сведения о составе делегатов. Эти данные сопоставляются в монографии Я. Г. Темкина «Ленин и международная социал-демократия 1914—1917» (М., 1968, с. 387—388).

гресс социалистов в Кинтале подтвердил ранее принятое решение в Циммервальде, констатировал: «В ходе этих дискуссий престиж Ленина сильно возрос; его роль во многом стала решающей»⁶.

Деятельность заграничного центра партии во главе с В. И. Лениным на международной арене органически сочеталась с руководством классовыми выступлениями пролетариата России посредством поддержания тесных контактов с восстановленным Русским бюро ЦК и местными организациями. Через Стокгольм Ленин вел переписку с большевиками Петрограда, Москвы, Кавказа, Прибалтики, Украины, крупных промышленных городов. До Цюриха доходили письма товарищей даже из далекой сибирской ссылки, Ленину писали С. С. Спандарян, И. В. Сталин и др.⁷ На основе правильных решений удавалось наносить ощутимые удары по самодержавию и его классовым союзникам. Роль большевистского фактора все сильнее сказывалась на развитии классовой борьбы. Ленинские лозунги превращения империалистической войны в гражданскую проникали глубже и глубже в народные толщи, пугая буржуазно-помещичьи круги.

На успехи партии как внутри страны, так и за рубежом империалистические круги Запада реагировали усилением взаимодействия с царской охранкой. Из Франции в Швейцарию был выслан за антиимпериалистическую пропаганду Г. И. Сафаров, французская цензура конфисковала несколько ленинских писем к А. М. Коллонтай. Шведские власти арестовали в Стокгольме группу русских социал-демократов и освободили их только после настойчивых требований социал-демократии этой страны⁸. 1 апреля 1916 г. большевики извещали одного из ее лидеров, Брантинга: «Мы имеем свидетелей, что, несмотря на большой шум, который делает шведская полиция по русским делам, — эта самая полиция сотрудничает с русскими жандармами»⁹.

Правители Антанты с беспокойством воспринимали теоретическую работу В. И. Ленина, стремились воспрепятствовать распространению его произведений. Французские военные власти конфисковали в июне 1916 г. рукопись труда «Империализм, как высшая стадия капитализма», посланную в Париж М. Н. Покровскому из Цюриха для последующей отправки в Россию, о чем местное почтовое ведомство удосужилось уведомить лишь в конце декабря того же года. Владимир Ильич решил тогда при содействии большевика Г. Л. Шкловского упаковать новый экземпляр работы в переплеты двух французских

книг и послать ее через Женеву в Париж, причем не заказной, а простой бандеролью. На сей раз она исправно дошла до адресата и оттуда проследовала в Петроград. 13 ноября 1916 г. А. И. Ульянова-Елизарова сообщила Ленину: «Рукопись об империализме получена»¹⁰.

Продолжали «интересоваться» большевиками и спецслужбы центральных держав, усиленно следя за ними через резидентуры немецкого генштаба в Стокгольме и в Берне. По свидетельству Шляпникова, большевики изображались в столице Швеции «агентами русского генерального штаба»¹¹. Немецкие эмиссары, пытаясь найти подходы к членам партии, прибегали к услугам своих наемников. Так, переброшенный в Стокгольм из Швейцарии уже упоминавшийся эстонский буржуазный националист Кескюла завязал связи с секретарем социал-демократической группы Я. Богровским, которого в 1916 г. исключили из партии за растрату денежных средств из партийной кассы и за нарушение правил конспирации. Как установило расследование, он получал подачки от Кескюлы в личных целях. Из германских документов видно, что эстонец иногда передавал своим хозяевам в Берлин и весточки, поступавшие к В. И. Ленину с родины. Источником «утечки» мог быть только Богровский, на что Кескюла прозрачно намекал в одном из писем представителю германской военной разведки Стейнваху: «Я заполучил нового идеального сотрудника и через него возможность работать как во всей Скандинавии, так и в России»¹². Но бдительность партии разрушила эти далеко идущие планы. Другой немецкий тайный эмиссар, датский социалист Крузе, вращался среди политических эмигрантов и через них добывал связи в России. Появившись там под предлогом ведения дел какой-то торговой фирмы, он посещал социал-демократов якобы по заданию заграничных революционных организаций и отдельных лиц. Осенью 1915 г. и в феврале 1916 г., навещая в Москве жену Бухарина, он сослался на поручение ЦК РСДРП о доставке нелегальной литературы. Выразив удивление, что «революционные организации не готовят восстания», он уверял, что «оружие могло бы быть доставлено из-за границы». Бухарина вскоре получила несколько писем Крузе с поручениями личного характера — о высылке ему в Данию ряда книг. В одном из писем содержалась даже просьба передать привет Кескюлы некоему «латышу»¹³. В Петрограде Крузе встретился в начале февраля 1916 г. со Шляпниковым, которому этот приезд показался весьма неуместным. Путаные объяснения дат-

Чайина только усилили подозрения. Получив от Бухариной сведения о Крузе, а также письмо на английском языке «чрезвычайно странного характера»¹⁴, большевики начисто отмежевались от Крузе, прервав с ним всякие связи.

Полиция все более ужесточала преследования большевиков. Охранка неизменно прибегала к захвату и уничтожению пропагандистской литературы, особенно ленинских трудов. Так было при арестах партийцев в Златоусте, Москве, Павловском Посаде (Московской губ.), Самаре, Ревеле, Петрограде и в других городах. Примечательно, что наряду с конфискацией новейших произведений В. И. Ленина — «Социализм и война», «Война и российская социал-демократия» — изымались и ранние работы, что подчеркивало их непреходящую актуальность¹⁵.

Карательные меры наносили ощутимый ущерб борьбе партии, в сильной степени препятствовали развертыванию ее организационной и пропагандистской деятельности среди трудящихся. Однако благодаря широким связям с массами и постоянной опоре на них, строжайшему соблюдению правил конспирации, высокой политической бдительности РСДРП продолжала в неимоверно тяжелых условиях проводить последовательный марксистско-ленинский курс по подготовке пролетариата и его союзников к переходу в решительное наступление на самодержавие под лозунгом превращения империалистической войны в гражданскую, борьбы за подлинную демократию и социализм, против буржуазно-помещичьей реакции и мирового империализма.

Помощь Антанты силам российской контрреволюции проходила на правительственном и общественном уровнях. Наряду с предоставлением царизму внешних займов, кредитов, поставок вооружения на довольно кабальных условиях империалисты значительно расширили в 1916 г. диапазон сотрудничества с партиями крупного капитала, с оппозиционным прогрессивным блоком в Думе. Это делалось не только ради стимулирования чисто военных усилий России, но и в расчете на приход буржуазии к власти, поскольку откровенно реакционными группировкам союзники все менее доверяли, подозревая их (не без основания) в гермаофильстве. 16 января 1916 г. министр иностранных дел Великобритании телеграфировал послу в Петрограде Бьюкенену: «Мы больше всего опасаемся, что консервативные и... лица * будут назначены на важ-

* Пропуск в тексте документа.

ные гражданские посты в России. Доходящие до нас сведения указывают, что способные элементы в стране очень обескуражены и бодрое настроение в стране, столь важное во время войны, понижается»¹⁶.

Многообещающей мерой установления прямого контакта с буржуазией России считался визит на Запад делегации депутатов Думы и Государственного совета. Милюков объясняет дело так: «Идея о посылке думской делегации к союзникам возникла в очевидной связи с попытками помириться с Думой в начале 1916 г. и с посещением Думы царем. Она была подхвачена, прежде всего, английскими кругами Петербурга и одобрена английским правительством, которое в марте поспешило послать официальное приглашение на имя Родзянко. Услыхав об этих предложениях, Извольский выхлопотал такое же приглашение со стороны французского правительства, а затем это было распространено и на третьего союзника, Италию». По мнению Милюкова, представлялась возможность «подкрепить удельный вес русских прогрессивных течений публичным европейским признанием и открыть таким образом нашему влиянию новую дверь в тот момент, когда перед нами захлопывалась другая»¹⁷. Нужно отметить, что приведенный фрагмент неверно излагает важный вопрос об инициаторах поездки, которая приписывается русской буржуазии, в то время как документально устанавливается факт английской инициативы, быстро подхваченной в Петрограде¹⁸.

Вместе с тем Милюков фактически признает стремление прогрессивного блока и его собственной партии непосредственно договориться с правящими кругами западных держав в обстановке явного нежелания царизма пойти на компромисс с либералами. Это подчеркивала и тогдашняя печать. Так, влиятельный журнал правых либералов «Вестник Европы», издаваемый М. М. Ковалевским и Д. Н. Овсянко-Куликовским, опубликовал статью известного политического публициста Л. З. Слонимского под названием «Сближение с Западом». В ней доказывалась невыгодность для России прежней ориентации на Германию и Австрию, которой противопоставлялась настоятельная необходимость прочного сотрудничества в ходе войны и после нее с Англией, Францией и Италией. Статья завершалась уверениями в готовности буржуазной России еще старательнее служить англо-французскому империализму¹⁹.

Не случайно первыми поспешили на зов Антанты буржуазные газетчики во главе с ныне забытым, но доволь-

по плодовитым писателем Вас. Ив. Немировичем-Данченко, являвшимся одним из основателей в 1906 г. тайной масонской ложи «Возрождение» в Москве и после ее роспуска в 1910 г., судя по всему, не прекратившим подобных занятий. Известен он и принадлежностью к французскому масонству²⁰. 8 февраля 1916 г. делегация журналистов прибыла в Лондон и через три дня была принята английским королем, обратившимся к ней с речью. Затем делегация побывала на французском фронте²¹.

Параллельно велось формирование делегаций Думы и Государственного совета. Председатель Думы октябрист М. В. Родзянко отказался от этой поездки по настоянию царя. Главой делегации стал член той же помещичье-буржуазной партии товарищ председателя А. Д. Протопопов²². В делегацию вошли видные кадеты, прогрессисты, националисты, правые. Подавляющее большинство их придерживалось антантофильской ориентации, но среди них были явные и тайные германофилы (Протопопов, Олсуфьев, Ичас, Розен), причем Ичас поддерживал тайные контакты с заведомыми германскими агентами Кескюлой и Габрисом. Разумеется, все они тщательно скрывали свои подлинные намерения, активно участвуя в различных официальных мероприятиях.

Делегация выехала из Петрограда 16 апреля 1916 г. и проследовала через Швецию и Норвегию в Англию, где принималась на самом высоком уровне, в торжественной обстановке королем, премьер-министром Асквитом, Ллойд Джорджем и др. Георг V красноречиво говорил о готовности его страны «принести все жертвы, необходимые для торжества дорогого союзникам дела». Затем он беседовал с Милюковым, Рачковским, Ичасом по различным внешнеполитическим вопросам. Во время банкета, устроенного Асквитом, тот подчеркнул «полное согласие» между обоими союзными правительствами по отношению к восточным делам и выразил мнение, что «все недоразумения прошлого исчезли». Ему в том же духе отвечали Милюков и Гурко²³. В беседе с министром снабжения Ренсименом Милюков, разглаживая о положении дел в России, указал на «опасности», грозящие династии и государственному строю. С министром иностранных дел Греем Милюков порассуждал об интересах России при заключении мира²⁴. Все беседы английских сановников с членами русской делегации демонстрировали покровительственное отношение к «гостям». Министр финансов Мак Кенна сперва потребовал от Шингарева разъяснить «внутреннее финансовое положение» России, а затем «отечески» его

наставлял и поучал. «Вы жалуетесь на то, что у вас нет средств. Но разве вы сделали все, чтобы их получить? Скажите, пожалуйста, какое у вас прямое обложение, как вы облагаете ваши доходы?» Доводы и объяснения видного кадета не убедили англичанина²⁵. Не был забыт и психологический нажим. Делегатов ознакомили с мощной военной промышленностью Великобритании, т. е. им старательно втолковывалась мысль о неизбежности в конечном счете победы союзников. Завязались и персональные контакты ряда буржуазных лидеров России с британскими правительственными деятелями, включая представителей разведывательно-пропагандистских служб. Милюков заручился приглашением прочесть серию лекций в Кембриджском университете²⁶.

По приезде в Париж 9 мая 1916 г. русские делегаты сразу были приглашены в президиум палаты депутатов, где их встретил ее председатель Дешанель и глава правительства Бриан. А на следующий день они были на завтрак у президента Пуанкаре.

Французы стремились продемонстрировать свои непосредственные военные усилия, и членов делегации повезли на второстепенный участок Западного фронта в Шампани. Не обошлось здесь без специфической обработки. Министр финансов Рибо в беседе с Шингаревым прикинулся неосведомленным насчет обязательства выплачивать ежегодно России в течение пяти лет по 300 млн. франков на стратегические железные дороги. Директор французского банка сионист Ротшильд, со ссылкой на крупного американского финансового воротилу сиониста Я. Шиффа, прямо заявил, что царское правительство получит в США желаемые кредиты, если сделает «что-нибудь по еврейскому вопросу»²⁷, подразумевая более тесную экономическую и политическую привязку России к западным державам с целью проникновения в ее народное хозяйство.

Последним пунктом официального маршрута делегации была Италия, где произошла встреча с представителями правительства и парламентариями. Милюкова опекал давний эмигрант, писатель и масон А. В. Амфитеатов. Хорошо осведомленный жандармский деятель А. И. Спиридович доносил со ссылкой на «особо доверительные» сведения, будто «во время посещения некоторых стран кое-кто из депутатов получил руководящие указания от масонского центра с обещанием моральной поддержки», что, мол, и определило наступление на царское правительство осенью 1916 г.²⁸ Здесь явное преувеличе-

ние влияния масонства (очевидно, «Великого Востока Франции») на события в России, но полностью исключать таковое было бы неправильно.

Русская буржуазная печать, особенно либерального толка, высоко оценивала итоги поездки на Запад парламентской делегации. Бурцев поспешил назвать это «исторической заслугой», обязанной усилиям кадетов, прогрессистов и всего оппозиционного блока. По его словам, «война будет выиграна не благодаря правым партиям, а вопреки им». Бурцев утверждал, что среди «всех левых течений» нет никого, повинного в любви к «вильгельмизму», а «ошибки» в отношении к войне исходили из «ненависти к бывшей русской реакции»²⁹, т. е. даже такой писака не осмеливался тогда распространять абсурдные обвинения по адресу большевиков.

Закулисный сговор с русской буржуазией правящие круги Антанты пытались подкрепить очередными визитами в Россию своих представителей достаточно высокого ранга. Вместе с тем их задача заключалась и в сборе необходимых данных на месте, в прощупывании намерений правительственных кругов, прежде всего царской камарилы. Почин взяла на себя Франция.

18 апреля 1916 г. Пуанкаре записал в дневнике, что ряд поступивших в Париж сообщений привел совет министров Франции к убеждению в своевременности «послать авторитетную миссию к императору Николаю II и обратить его внимание на производство снаряжения и на настоятельную необходимость более активного сотрудничества». Был одобрен текст письма Пуанкаре царю. Миссию возглавили министр юстиции Вивиапи и министр военных снабжений Тома³⁰. Как свидетельствует Палеолог, они должны были выполнить следующие четыре пункта. Во-первых, произвести оценку военных ресурсов России и изыскать способы их развития. Во-вторых, настаивать на отправке 400 тыс. солдат во Францию партиями по 40 тыс., что якобы было обещано Думеру. В-третьих, оказать давление на Сазонова для большей сговорчивости русского генерального штаба относительно условий вступления Румынии в войну на стороне Антанты. В-четвертых, побудить царское правительство взять на себя «твердое и точное обязательство в отношении Польши»³¹. Как бы корректируя эти утверждения, Извольский телеграфировал в Петроград 12 апреля 1916 г. со ссылкой на беседу с генеральным секретарем французского МИД Камбоном: «Имею основание думать, что вышесказанная командировка вызвана отчасти тревогою,

возбужденною здесь полученными из различных источников сведениями о нашем внутреннем положении, и недоверием к донесениям Палеолога», которому инкриминировалась «исключительная близость к придворным и великосветским сферам», а также «недостаточное осведомление своего правительства о внутренней политической жизни России». Французские визитеры прибыли в Петроград в начале мая 1916 г. Пуанкаре снабдил членов делегации пространном письмом на имя Николая II и предложил «обсудить вместе с их русскими коллегами те вопросы, по которым представилось бы важным прийти к общему решению»³². Но характер таковых не раскрывался. В их честь устроили политический банкет, связав с ним двадцатипятилетие франко-русского союза (которое еще хронологически не наступило). От имени Думы ви­­тийствовал Родзянко, небольшую речь произнес Сазонов. Им отвечал Вивиани. Во время пребывания в Ставке французы встречались с царем и начальником штаба генералом Алексеевым, другими официальными лицами, военачальниками. Затем Вивиани отбыл в Петроград, а Тома в Москву, где беседовал с рядом либеральных деятелей.

У городского головы Москвы М. В. Челнокова состоялось предварительное частное совещание. Присутствовавший полицейский агент «Крюков» дал о нем в охранку подробный отчет. Он сообщил, в частности, что представители кадетов Н. И. Астров и Н. М. Кишкин выразили тревогу по поводу мер властей, стеснявших деятельность общегородского и общеземского союзов. Член совета Волжско-камского банка Д. П. Бахрушин в свою очередь предложил даже обратиться к А. Тома, который якобы мог «выдвинуть перед французским правительством вопрос о воздействии на русское правительство в желаемом для буржуазных общественных организаций смысле». Мнение Тома, высказанное прогрессисту А. И. Коповалову, о том, что его правительство «в целом только теперь начинает надлежащим образом понимать, к какой пропасти русское правительство ведет и Россию, и все дело союзников... произвело громадное впечатление». Совещание никаких постановлений не вынесло. Московские газеты напечатали в начале мая 1916 г. письмо заместителя председателя местного военно-промышленного комитета С. А. Смирнова на имя А. Тома. В письме яркими красками изображались «достижения» комитета и даже делался завуалированный выпад по адресу царизма. Французу презентовали научные труды о работе комитета с пачала его образования³³.

Начальник Московского охранного отделения А. П. Мартынов докладывает 6 мая 1916 г. в Департамент полиции, что в левых кругах об упомянутом письме говорят в сочувственном тоне, а правые возмущаются, находя в нем желание «апеллировать к вмешательству союзников в наши внутренние дела». Первоначально письмо это составил товарищ председателя Общества фабрикантов и заводчиков Московского района Ю. И. Поплавский, выдвинувший ряд обвинений против действий правительства в отношении созданных буржуазией военно-промышленных комитетов. Но при его обсуждении многие члены местного ВПК с подобной позицией не согласились. Письмо подверглось переработке. Однако Поплавскому при личной встрече с Тома все же удалось высказать свою точку зрения по поводу не вполне позитивного отношения властей к развертыванию военных усилий России по линии буржуазных общественных организаций³⁴.

А через три дня тот же Мартынов сообщал, что в кругах, близких к члену Государственной думы Коновалову, обсуждается вопрос о публикации в Париже или в Лондоне особого информационного органа для осведомления правящих кругов и общественности Запада «о сущности и ходе развития борьбы в России между правительством и либеральными общественными силами». Издание проектировалось на французском и английском языках, в том числе и для бесплатного распространения среди государственных деятелей, парламентариев, редакций и т. д. с основной целью «обеспечить сочувствие и содействие борьбе русского либерализма с русским правительством со стороны правительств и общественного мнения» Франции, Англии и США. Средства на издание предполагалось добыть путем подписки либеральных торгово-промышленных кругов³⁵. Затея эта подтверждает усиление тенденций к сговору русской буржуазии с западными капиталистами.

Помпезностью отличались и прощальные церемонии в честь французских визитеров. На торжественном обеде знаменитый Шаляпин исполнил «Марсельезу», что обеспокоило присутствовавших министров. Но практических результатов сей вояж почти не принес. На Западный фронт было отправлено 50 тыс. русских солдат в обмен на подписание конвенции о поставке французами артиллерии. Заявка же царского командования на 11 146 орудий преимущественно новейших образцов была удовлетворена лишь 660 орудиями в основном старых образцов и с недостаточным количеством снарядов. Французы от-

казались от содействия России снабжением, особенно по части тяжелой артиллерии³⁶.

Тома докладывал французскому совету министров: «В Москве мощное либеральное движение. Большинство примыкающих к нему будет терпеливо ждать победы, чтобы предъявить свои требования, но одни более нетерпеливы, а другие строят свои расчеты на поражении и думают, что это более верный путь для торжества их политических взглядов»³⁷. Президент Пуанкаре делает следующую запись в дневнике по поводу впечатлений Тома о поездке: «Он очарован приемом, оказанным ему царем, считает Николая II нашей лучшей опорой». По мнению министра, военные заводы в России прекрасно оборудованы, но нет согласованности в управлении, на железных дорогах — невыразимый беспорядок³⁸. С подобным докладом Тома выступил и на заседании парламентской группы социалистической партии. Он не жалел похвал «очевидной доброй воле царя», лестно отозвался о Путиловских заводах «с их огромными возможностями» и отмечал: «Русским не хватает лишь методичности и организованности»³⁹. Словом, дела в царской империи представлялись вполне удовлетворительными.

Оптимизм по поводу положения в России высоких визитеров из Франции разделялся далеко не всеми. Правящие круги Великобритании отрядили в нашу страну со специальной миссией своего, пожалуй, наиболее авторитетного деятеля, военного министра лорда Китченера. По мнению Ллойд Джорджа, миссия была «совершенно безотлагательна, поскольку критическое положение в этой стране вряд ли преувеличивалось». В задачу Китченера входило достижение с царизмом «полной договоренности» по вопросам стратегии, финансов и поставок снаряжения. Как предполагал премьер-министр Асквит, поездка Китченера «могла бы повлиять на последующий ход истории»⁴⁰. Разумеется, это явное преувеличение, но такая позиция верно отражала надежды союзников на данную миссию. Английский крейсер с Китченером и его спутниками на борту 24 мая 1916 г. был торпедирован германской подводной лодкой и затонул. Спасти удалось лишь нескольким членам команды. Остается невыясненным, каким образом немцы узнали о месте и времени выхода крейсера из английского порта. Согласно одной из версий, данные поступили в Берлин от германской агентуры в Петрограде. «Для нас хорошо, что Китченер погиб, — высказался Распутин, — так как позже он бы наделал России вреда...» 15 июня 1916 г. императрица, уведомляя

царя, писала: «Видишь ли, он (Распутин. — *О. С.*) всегда боится роли Англии после окончания войны, когда начнутся мирные переговоры»⁴¹.

Фактически в унисон с Англией и Францией действовали в «русском вопросе» США, поскольку в их политике начался сдвиг к переходу в лагерь Антанты. В. И. Ленин в речи на интернациональном митинге в Берне в начале февраля 1916 г. специально отметил: «Я хочу только привести вам еще пример величайшей и богатейшей страны, а именно Соединенных Штатов Америки. Капиталисты этой страны получают теперь колоссальные прибыли от европейской войны. И они также агитируют за войну. Они говорят, что Америка тоже должна готовиться к участию в войне, сотни миллионов долларов народных денег должны быть выкачаны на новые вооружения, на вооружения без конца. И в Америке часть социалистов следует этому лживому, этому преступному призыву». Вождь американских рабочих Евгений Дебс решительно противостоял курсу подобных социалистов⁴².

В феврале 1916 г. США приняли решение об отзывании с поста посла в России малоактивного и бесцветного Мари, заменив его бывшим губернатором штата Миссури и министром внутренних дел Д. Френсисом. 18 февраля Бахметев телеграфировал о нем в Петроград: «...весьма образованный человек, имеет хорошее состояние, 66 лет от роду, сохранил полную энергию и, как мне доверительно сказал (госсекретарь. — *О. С.*) Лансинг, горячо сочувствует нам и нашим союзникам»⁴³. Информирова об отъезде Френсиса 24 марта к месту новой службы, Бахметев уведомлял свое правительство: цель нового посла — «во что бы то ни стало заключить трактат с нами», притом без «всестороннего и тщательного обсуждения всех касающихся его вопросов», требующих продолжительных переговоров⁴⁴. Речь шла о подписании нового русско-американского торгового договора взамен расторгнутого ранее США в одностороннем порядке договора 1832 г.

Однако фактически дело шло прежде всего о резком расширении экономической экспансии американских монополий в Россию при полном содействии правительства США. Ими вынашивались обширные планы развития торговли посредством форсированного экспорта товаров на емкий русский рынок, получения концессий на разработку природных ресурсов и прочих привилегий. Заинтересованность в этом выказали банкирские фирмы Морганов и Рокфеллеров. Переговоры в Петрограде о предостав-

лении России долгосрочного займа и краткосрочных кредитов начала еще в конце 1915 г. Американская международная корпорация, созданная тогда же под эгидой рокфеллеровского «Нейшнл сити бэнк оф Нью-Йорк». Ее возглавлял крупный магнат Вандерлип, финансировавший избрание на пост президента США от демократической партии Вильсона. В мае 1916 г. в Петроград прибыли сразу оба вице-президента упомянутого банка — Мак-Робертс и Рич. При их непосредственном участии вскоре был подписан синдикатом американских банков займ России в сумме 50 млн. долларов на три года, сопровождавшийся довольно невыгодными условиями для получателя⁴⁵. В качестве посредника выступал неофициальный представитель царского Министерства финансов, крупный шведский банкир Олаф Ашберг, давно сотрудничавший с банками России и США и попутно выполнявший всякие деликатные поручения своих контрагентов и партнеров.

Знаменательно, что телеграфную переписку с руководством своего банка Мак-Робертс и Рич вели через американское посольство в Петрограде и госдепартамент, причем пользовались (с санкции Френсиса) строго засекреченным «зеленым шифром» для правительственных сообщений вопреки действовавшим на сей счет предписаниям. Поскольку предоставление займа одной из воюющих держав являлось нарушением американского нейтралитета, госсекретарь Лансинг посылает телеграмму Френсису 8 июня 1916 г. (н. ст.), в которой якобы отмежевывается от действий посла, указывая даже на незаконность займа. Лансинг напоминал и о недопустимости пользоваться в подобных целях официальным шифром, что отнюдь не препятствовало поступать и в дальнейшем аналогичным образом⁴⁶.

О чем же сообщали американские финансисты своим шефам? Послания сводились в основном к согласованию разных технических деталей намечавшейся сделки и только крайне осторожно говорилось о подлинных намерениях банков США. Так, Мак-Робертс писал Вандерлипу 24 мая 1916 г.: «Здесь имеются весьма крупные перспективы по государственной линии и промышленному финансированию на предстоящие десять лет». В свою очередь главный представитель другого банка, «Гаранти траст», Мэрш, выступивший в качестве конкурента «Нейшнл сити бэнк», советовал своему руководству в Нью-Йорке (телеграммой от той же даты, направленной через посольство США) договориться с конкурентом о совместных действиях во

всех крупных операциях и прислать ему соответствующие полномочия, причем ссылался и на мнение Ашберга⁴⁷. Такие полномочия, видимо, вскоре поступили, поскольку в финансовой операции по займу участвовал и Ашберг⁴⁸.

Заключение американского займа, утвержденного царем 1 июля 1916 г., вызвало немало положительных комментариев в русской буржуазной печати, которая усилила кампанию за предпочтительное привлечение капиталов США. Раздавалось немало беспочвенных уверений, будто США не связывают с вывозом своих товаров и капиталов политических условий и потому вполне могут заменить после войны Германию на русском рынке в качестве крупного импортера. Значительно активизировались специальные общественные организации. В Москве действовала Русско-американская торговая палата под председательством Н. И. Гучкова (брата лидера октябристов), заместителями которого являлись член Государственного совета И. Х. Озеров и предприниматель В. А. Бари. При ней функционировало несколько комиссий, издавались бюллетень и журнал. В Петрограде известностью пользовалось «Общество сближения между Россией и Америкой» во главе с бывшим послом в США бароном Р. Р. Розеном, ярким германофилом. «Русско-американская корпорация» продолжала размещать в США заказы на подвижной состав для железных дорог и предметы военного снаряжения⁴⁹.

Вместе с тем в силу ряда причин отношения (в том числе и в экономической области) между двумя государствами не приобрели до Февральской революции сколько-нибудь значительного развития. Сказывалось во многом противодействие союзников, особенно Англии, добившейся права обязательного посредничества в деле крупных закупок различных товаров России в США и при их финансировании. Опасаясь нарушать свои обязательства перед союзниками, царизм пытался сдерживать инициативы американцев. Кроме того, укреплению связей России и США систематически препятствовала влиятельная группа сионистских финансистов из банкирского дома «Кун, Леб и К°» во главе с Дж. Шиффом. Изменения внутреннего российского законодательства они не мыслили без обеспечения особых преимуществ для еврейских капиталистов. Прямая причастность этой группы к денонсированию торгового договора 1832 г. удерживала самодержавие от заключения аналогичного соглашения.

Когда Френсис при первой встрече с Сазоновым в апреле 1916 г. попытался заговорить о таком соглашении, тот решительно отказался даже обсуждать тему под предлогом, что до союзнической конференции в июле Россия не будет иметь подобных договоров ни с одной страной. Это было, конечно, пустой отговоркой. Через два месяца самодержавие пошло на подписание торгового соглашения с Японией. Отрицательная позиция министра иностранных дел настолько ошеломила Френсиса, что он направил по этому поводу две телеграммы в Вашингтон, сводя все дело к сильному английскому влиянию в Петрограде, особенно на Сазонова и министра финансов Барка, что лишь частично соответствовало действительности⁵⁰. Судя по недавно опубликованной личной переписке Френсиса, он свои неудачи на дипломатическом поприще во многом относил и на счет руководителей еврейской общины в США, обвиняя их в попытках вмешательства во внутренние дела России⁵¹.

Американский посол предупреждал в донесениях о неизбежности борьбы с Великобританией за проникновение на русский рынок и подчинение его монополиям США (а следовательно, эксплуатации народов России). В начале августа 1916 г. он писал Лансингу: «Внимание всего мира с каждым днем все настойчивее обращается на Россию. Европейские и американские газеты и журналы распространяются о величии этой империи, ее неразработанных богатствах и колоссальных возможностях. После войны начнется большая конкуренция на почве торговли с Россией. Американские предприниматели уже смотрят алчными глазами на месторождения минералов, громадные запасы водной энергии и на существующие в стране благоприятные возможности для железнодорожного строительства... По моему мнению, американский капитал и инициативность должны здесь поощряться с целью хотя бы противостоять хорошо разработанным планам Англии и, возможно, Франции захватить в свои руки после войны торговлю с Россией»⁵². Но пока США оставались официально нейтральным государством, они не могли осуществлять с самодержавием и буржуазией широкого сотрудничества в военной области. Это помимо отмеченных факторов также сдерживало их непосредственную экспансию, однако не мешало подготавливать почву для таковой на будущее. Американцы остерегались активно вмешиваться и в трения верхов при всем сочувствии к позициям буржуазии. В то же время американский империализм тайно, но интенсивно стимулировал борьбу всей

реакции против революционного движения в России. Иностранная помощь господствующим классам продолжала увеличиваться вопреки интересам народов страны.

СТАВКА НА ГЕРМАНОФИЛОВ

**Анатомия лагеря правых. Корни
распутинщины. Стокгольмская встреча.
Был ли Эрнст Гессенский в Петрограде?
Сепаратисты и эсеры — прислужники немцев.**

Параллельно с прежним курсом Антанты германский империализм делал новые попытки побудить своих сторонников в России перейти к открытым выступлениям в пользу сепаратного мира и одновременно к сдерживанию либеральной буржуазии. Особое значение придавалось подавлению революционных выступлений в стране.

Оценивая положение на фронтах первой мировой войны в феврале 1916 г. с классово-пролетарской точки зрения, В. И. Ленин писал: «Царизм, опираясь на помещиков и буржуазию, повел войска грабить и поработать Галицию (не говоря уже о договоре насчет дележа Турции и пр.). Войска столь же грабительских немецких империалистов отбили русских разбойников и вытеснили их не только из Галиции, но и из «русской Польши»... Лозунг «мира без аннексий» оказался таким образом чудесной «игрушкой в руках тайной дипломатии» царизма...»⁵³

Тезис о тайной дипломатии Ленин рассматривал в самых существенных аспектах. В работе «Итоги дискуссии о самоопределении» говорится: «Генеральные штабы в теперешней войне тщательно стараются использовать всяческое национальное и революционное движение в лагере их противников, немцы — ирландское восстание, французы — чешское движение и т. п. И с своей точки зрения они поступают вполне правильно. Нельзя серьезно относиться к серьезной войне, не используя малейшей слабости противника, не ловя всякого шанса, тем более, что нельзя знать наперед, в какой именно момент и с какой именно силой «взорвет» здесь или там тот или иной склад пороха»⁵⁴.

Правящие круги центральных держав и их генеральные штабы главную ставку по-прежнему делали на правые круги. Их действия смыкались с тайной дипломатией царизма. Остановимся подробнее на устремлениях и действиях упоминавшихся выше реакционных группировок.

В центре, как известно, стояла камарилья, олицетворяемая Николаем II и Александрой Федоровной. Затяжные отлучки царя в Ставку привели на практике к широкому вмешательству его супруги в решение важнейших государственных вопросов. Из переписки венценосцев явствует, что с самого начала войны они неоднократно высказывались за ее скорейшее прекращение. Уже 24 сентября 1914 г. Александра пишет царю: «Это ужасная война, кончится ли она когда-нибудь?» 27 октября тот же рефрен: «О, эта ужасная война! Подчас нет более сил слушать о ней». Настроения царицы, без сомнения, навеяны и ее причастностью к немецким зондажам о сепаратном мире. Николай подчас превращается в простого исполнителя указаний супруги. В послании 7 сентября 1915 г. царь хвалит жену: «О том, как работает твоя голова, я могу судить по обилию предметов мыслей и имен, о которых ты говоришь в своих письмах». Вот одно из наставлений царю. 31 декабря Александра пишет: «А для внутреннего спокойствия необходимо подавить те мятежные элементы, что стараются разорить страну и втянуть тебя в бесконечную борьбу»⁵⁵. Видимо, по требованию жены Николай стал подробно информировать ее в 1916 г. о планах боевых операций русской армии, прося не сообщать их никому, даже Распутину⁵⁶. Вряд ли эти просьбы соблюдались.

В то же время рассуждения белоэмигрантской литературы о планах Александры отстранить от власти мужа и стать регентшей до совершеннолетия сына не подтверждаются достоверными фактами. Скорее между венценосными супругами произошло своеобразное распределение функций и сложился некий политический тандем. 23 сентября 1916 г. царь писал жене: «На твоей обязанности лежит поддерживать согласие и единение среди министров — этим ты приносишь огромную пользу мне и нашей стране! О, бесценное Солнышко, я так счастлив, что ты, наконец, нашла себе подходящее дело! Теперь я, конечно, спокоен и не буду мучиться, по крайней мере, о внутренних делах». На следующий день он в очередном письме уточняет: «Ты действительно мне сильно поможешь, если будешь говорить с министрами и следить за ними»⁵⁷.

Императрица и впрямь уделяла много внимания внутриполитическим проблемам, а точнее говоря, подбору на руководящие посты близких по взглядам и преданных ей людей. Ею направлялись многочисленные просьбы в Ставку о смене неугодных министров и назначении новых. Началось это со смещения верховного главнокоман-

дующего Николая Николаевича, а затем председателя Совета министров Горемыкина и нескольких членов правительства, которые заменялись крайне правыми. Неопубликованный дневник императрицы за 1916 г., сохранившийся в рукописной копии, содержит лишь краткие записи о мелочах повседневной придворной жизни, но интересен список принятых ею лиц с марта по июнь того же года. В нем фигурируют почти исключительно лица правых убеждений, в том числе врач Бадмаев, князь Жевахов, сенатор Витте, граф Шуленбург. Неоднократно она встречалась со Штюмером⁵⁸.

Близко к трону стоял Распутин. Несмотря на крайне скандальную репутацию, большинство историков сходятся во мнении о крупной его роли в решении государственных дел. Ясно, что эта малограмотная и несведущая личность не могла самостоятельно разбираться во многих сложных вопросах. Уже в 20-х годах В. П. Семенников попытался определить круг вдохновителей и советников Распутина. «Если он, — справедливо отмечал исследователь, — в известных пределах и оказывал влияние на отдельные извороты правительственной политики, то опять-таки не столько лично, как Распутин, а главным образом как передаточный рычаг от тех более внушительных сил, которые стояли за ним и воздействовали на него. Это — различные агенты финансового капитала, начиная с лиц такого масштаба, которые были связаны с европейскими трестами, и кончая мелкими спекулянтами закулисной «черной биржи». Здесь, несомненно, был основной нерв распутинской группы, отражавшей через Распутина свое влияние на политику»⁵⁹. Отсюда следовало и верное в основе своей определение — «**банки и Распутин**».

В системе российского финансового капитала главную роль, как известно, играли частные банки, преимущественно петербургские, тесно сотрудничавшие с группой предпринимателей ведущей отрасли промышленности — металлообрабатывающей, объединенной в так называемый совет съездов данной отрасли. Его председателем стал в марте 1916 г. видный делец, товарищ председателя Государственной думы А. Д. Протопопов. В совет также входили руководители двух наиболее крупных банков — Русско-азиатского (А. И. Путилов) и Петроградского международного (А. И. Вышнеградский). Международный банк вместе с Русским банком для внешней торговли находились до войны в наибольшей связи с германским капиталом⁶⁰. Из самых близких к Распутину воротил банковского и промышленного мира следует назвать дирек-

тора Русско-французского банка, правлений различных страховых обществ, каменноугольных рудников Донецкого бассейна и электрических компаний Д. М. Рубинштейна. Другим был И. П. Манус, крупнейший акционер Международного коммерческого банка, член совета Сибирского торгового банка, директор правления Петроградского вагоностроительного завода, председатель правления Российского транспортного и страхового общества. Совместно с Путиловым и другими магнатами он при содействии императрицы добился выпуска в сентябре 1916 г. гарантированного правительством железнодорожного займа на сумму 350 млн. руб. К операции имел причастность и американский банковский синдикат. Международный коммерческий банк находился в связях с берлинским «Дисконто гезелльшафт», а Сибирский банк зависел от Немецкого банка. При посредстве Распутина Манус получил генеральский чин действительного статского советника ⁶¹.

Другая линия влияний на Распутина шла через связанные с ним политические салоны и кружки Андроникова, Бурдукова, тибетского врача Бадмаева. Рубинштейн купил значительное количество акций проправительственного органа «Новое время» и играл в нем видную роль. В этих сферах подвизался близкий к Распутину секретный агент Департамента полиции, журналист и явный аферист, один из членов личного кабинета Штюмерера И. Ф. Манасевич-Мануйлов, а также ближайший советник председателя главы правительства, член правления одного из банков И. Я. Гурлянд, доверенный Мануса и других влиятельных лиц И. И. Колышко, чиновник особых поручений Министерства финансов, журналист и банковский делец, неоднократно ездивший в Стокгольм и Копенгаген ⁶².

К самому интимному кружку камарильи, окружавшей царскую чету, примыкали помещичье-монархические группировки и отдельные лица, получавшие субсидии из секретного фонда, которым единолично распоряжался Николай II. К числу их относились Совет объединенного дворянства, Всероссийский союз земельных собственников, Союз русского народа, Русский монархический союз, Союз Михаила Архангела, Партия активной борьбы с революцией и анархией — всего свыше 20 организаций и отдельных групп. Подавляющее их большинство отличалось малочисленностью и существовало лишь на правительственные подачки. Среди главарей правых были А. А. Дубровин, В. М. Пуришкевич, Н. Е. Марков 2-й и др. Все их

потуги консолидироваться в единую монархическую партию не осуществились, влияние резко падало, чему во многом способствовала и непрекращавшаяся грызня лидеров, добивавшихся исключительного положения⁶³.

Во внутренней политике страны подобные группировки выступали за сохранение самодержавия в полной его неприкосновенности. Противясь любым уступкам буржуазно-либеральной оппозиции, они служили оплотом контрреволюции. Их внешнеполитическая ориентация была не однозначной. Некоторые тяготели к германофильству, но в условиях войны тщательно это скрывали. Другие — черносотенцы во главе с Пуришкевичем — склонялись к сделке с либеральной буржуазией и стояли на просоюзнических позициях ведения войны до победного конца. За это, в частности, высказалось осенью 1915 г. и широкое собрание уполномоченных монархических организаций и правых деятелей в Нижнем Новгороде⁶⁴.

В таком ракурсе следует рассматривать сам феномен распутищины, этой, по меткому выражению В. И. Ленина, «телеги залитой кровью и грязью романовской монархии»⁶⁵. Антинародный строй с господством горстки эксплуататоров неминуемо катился к своему краху.

Приход к власти Штюрмера активизировал попытки немцев добиться сепаратного мира с Россией. По-прежнему главная ставка делалась на черносотенно-монархические круги. Торг начался обменом мнений между германским посланником в Швеции Люциусом и японским посланником Ушидой. Еще более откровенно с японцем разговаривал немецкий промышленник Стиннес-младший. В ответ на предложение Берлина Ушида заявил, что его правительство выразило готовность склонить Россию к сепаратному миру с Германией, если та уступит свои владения на Тихом океане Японии, уже оккупированные ее войсками. Такое согласие вскоре последовало. Постоянный представитель государственного секретаря при МИД Германии Кемниц составил 8 мая 1916 г. записку о «мирном посредничестве Японии» для заключения мира с Россией при фиксировании территориальных и иных уступок сторон. России предлагалось отказаться от «Польши, Литвы и Курляндии», от своих интересов на Балканах, «капитуляций» в Турции в обмен на получение оккупированных русскими войсками ряда территорий последней, право на проход отдельных военных судов через Черноморские проливы⁶⁶. 17 мая Кемниц подготовил записку о немецких условиях мира на случай прекращения войны всеми ее участниками. Опять предусматривались значи-

тельные территориальные уступки России в пользу Германии при некоторой компенсации в пользу России со стороны Австро-Венгрии, но при достаточно тяжелых условиях финансово-экономического порядка. Одновременно намечалось подписание секретного союзного договора между Германией, Японией и Россией, направленного против Англии; союзного договора между Германией, Японией и Австро-Венгрией против России и, наконец, русско-германского договора, обеспечивающего нейтралитет России в случае нападения Франции на Германию и нейтралитет Германии в случае нападения Японии на Россию. Вскоре Ушида заявил Люциусу, со ссылкой на указание Токио, о невозможности вступить в мирные переговоры с Германией, не информируя об этом Россию, Францию и Англию. Тем не менее Япония предлагала себя в качестве посредника⁶⁷. Немцы прерывают контакт с Ушидой.

Новый канал зондажей открылся в начале июня 1916 г. в Стокгольме между Стиннесом-младшим и выступавшим в качестве корреспондента московской газеты «Русское слово» И. И. Колышко, который выдавал себя за друга председателя Совета министров России Б. В. Штюрмера. По германским данным, Колышко был в течение пятнадцати лет частным секретарем Витте. В июне 1915 г. он прибыл в шведскую столицу с американцем Пассвеллом, который и представил Колышко германскому посланнику Люциусу. Корреспондент выразил желание вести мирную прогерманскую пропаганду в своей газете⁶⁸. В беседах со Стиннесом он выступал от имени Штюрмера, для которого было важно «составить себе картину тех условий, на которых было бы достижимо взаимопонимание с Германией». Условия из трех пунктов, якобы согласованных в общих чертах Колышко со Штюрмером, касались отказа России от Польши и Курляндии в обмен на получение части Галиции, некоторых приобретений у Турции и права свободного прохода русских военных судов через Дарданеллы⁶⁹. Эти пункты, несомненно, исходили от правых кругов, близких председателю Совета министров России. В дневнике правого деятеля Л. Тихомирова, которому были известны многие закулисные стороны политики царизма, отмечено 12 апреля 1916 г.: «Победы над Германией уже не ждут в правительстве, и уже теперь думают об условиях мира, приемлемого Германией. Такими условиями у нас считают: 1. Независимость Польши из нашего царства и Западной Галиции; 2. «Исправление» границы с уступкой Герма-

нии части Курляндии и Ковенской губернии; 3. Нам отдать Восточную Галицию; 4. Нам же — Армению и часть Килии; 5. Константинополь — вольный город, нейтральный, без войска; 6. Проливы нейтральны и безоружны»⁷⁰.

Параллельно Колышко вел переговоры с немецким эмиссаром Бокельманом относительно создания в России издательства в качестве центра пацифистской пропаганды. Проект горячо поддерживался крупным финансистом Варбургом. На такие цели германский МИД отпустил 2 млн. руб.⁷¹

Однако из Берлина последовал ответ о нецелесообразности продолжения переговоров до тех пор, пока русская сторона не выскажет определенную готовность к соглашению. Выразив разочарование, Колышко подал мысль о вызове в Стокгольм чиновника особых поручений при Штюрмере Манасевича-Мануйлова. Письмо с изложением германских условий мира тот должен был передать председателю Совета министров России. В августе 1916 г. были сделаны приготовления к отправке за рубеж Манасевича. По указанию начальника дворцовой охраны генерала А. И. Спиридовича был заготовлен заграничный паспорт и разрешение на переезд границы без досмотра⁷².

Выжидательная позиция немцев, можно предположить, объяснялась отчасти надеждами на успех тайных зондажей с французской стороны, которые усиленно продолжались и обретали конкретные формы. 2 мая 1916 г. ярый противник Пуанкаре, радикал-социалист Л. Тюрмель, давно поддерживавший контакты с немцами, при посещении консульства Германии в Женеве заявил, что его партия является сторонницей сепаратного мира, и попросил субсидий для соответствующей пропаганды в печати. Выставляя себя сторонником быстрейшего завершения войны «даже ценой новых германских успехов», он предложил «давать сведения о планах французского генерального штаба, касающихся летнего наступления»⁷³. Германский консул довольно скептически отнесся к такому предложению. Тогда Тюрмель отправился в Берн к Ромбергу, которому передал некоторые сведения, известные ему как члену комиссии палаты депутатов Франции по вопросам армии. Он убеждал, что его друзья якобы хотят свергнуть президента Пуанкаре и премьер-министра Бриана, а для этого необходимо иметь «крупную независимую газету и успех немцев на фронте». Тогда же у Ромберга побывал и масон Поль Менье, видимо выступавший с ведома видного радикал-социалиста Кайо. В июле 1916 г. в числе германских агентов оказался еще

один радикал-социалист, член комиссии палаты депутатов Франции по вопросам армии. Его имя не расшифровано, он фигурирует в немецких документах под кличкой Герр-32. Составители известной публикации германских архивных материалов Шерер и Грюнвальд полагают, что этим агентом был радикал-социалист Л. Аккамбрей. Деньги от немцев он получал через другого неизвестного агента под кличкой Герр-33. «Отметим, — осторожно констатирует Ж. Барьети, — что замешанные в это дело лица принадлежат к масонству. Во избежание всякой ошибочной интерпретации следует подчеркнуть, что публикуемые (в его статье) документы не затрагивают масонство как организацию, а лишь масонов в индивидуальном качестве; последние, будучи сторонниками мира путем переговоров с Германией, пытались использовать проникновение и влияние тайного общества, к которому они принадлежали, для достижения этой цели»⁷⁴.

Так выглядел на деле «патриотизм» видных представителей буржуазной партии радикал-социалистов, состоявших платными агентами неприятеля. Их поведение было весьма схожим с аналогичными действиями иных эсеровских главарей. Эти так называемые революционеры из кожи вон лезли, чтобы выдать себя за друзей народа. Финансирование тайных операций во Франции немцы вели по различным каналам и потратили на это несколько миллионов в валюте Германии, Франции, Швейцарии и Италии. Сводная сумма, к сожалению, в литературе не подсчитана⁷⁵.

В тайных сношениях с представителями России немцы вышли на довольно крупную политическую фигуру — главу русской парламентской делегации Протопопова, побывавшего в союзных странах. Задержавшись в Англии из-за переговоров о получении очередного займа, он в июне 1916 г. прибыл в Стокгольм для дальнейшего следования на родину. С ним находились члены Государственного совета монархист граф Д. В. Олсуфьев и кадетский профессор Васильев. Посланник Неклюдов пригласил их на обед в местный летний ресторан. Протопопов согласился, но попросил направить приглашение своим попутчикам — «молодой чете» Поляк, что и было сделано. На следующий день Протопопов сообщил Неклюдову, что ему предстоит «очень интересная встреча», с одним немцем, торговцем из Гамбурга, с которым супруги поддерживали деловые отношения, хорошо знали его до войны, а в Стокгольме встретились с ним случайно. Протопопов обещал проинформировать о ней Неклюдова, и тот не выдвинул возра-

жений. После встречи Протопопова и Олсуфьева с немцем, оказавшимся Фрицем Варбургом, братом крупного финансиста, причисленным к немецкой миссии, глава парламентской делегации кратко ознакомил посланника с содержанием беседы. Немец якобы сетовал на тяготы войны и высказывался за «скорейшее замирение». Но Протопопов, по его словам, не дал возможности распространяться на сей счет и выразил уверенность русских в окончательной победе, которая и покончит с войной. Так изображает в своих воспоминаниях этот немаловажный эпизод Неклюдов, добавляя, что супруги Поляк оставались еще несколько дней в Стокгольме, но он, мол, не имел случая с ними встретиться⁷⁶.

Для правильной оценки политического значения беседы Протопопова с Варбургом, которая тогда широко комментировалась в печати, необходимо установить ее инициаторов и выявить закулисные мотивы. К инициаторам обычно относят видного представителя правых кругов Д. В. Олсуфьева, члена акционерного общества «Мазут» в Швеции М. С. Гуревича, директора этого общества Л. С. Поляка, а также банкира Ашберга. Ключевыми фигурами являлись, по всей видимости, Олсуфьев, Поляк и Ашберг. Еще в августе 1915 г. Олсуфьев говорил Л. А. Тихомирову о необходимости «завязать переговоры о мире и выпутаться, хотя бы *сепаратно*, с наименьшими потерями». О том же он писал позднее и в автобиографии. Поляк имел двух родственников, представлявших интересы парижских Ротшильдов, известных деятелей и банкиров международного сионизма. А с немецкой стороны сионисты финансировались, как известно, крупным банкирским домом Варбургов, имевшим до войны финансовые сношения с Россией и обслуживавшим интересы акционеров Русско-азиатского банка⁷⁷.

Сам Поляк в 1915 г. дважды ездил в Болгарию с секретными финансово-дипломатическими поручениями Сазонова и Барка, а затем был командирован в Париж. Даже в 1940 г. он не пожелал открыть цели командировок белоэмигрантскому историку С. П. Мельгунову и никогда не выступал в печати относительно стокгольмской встречи⁷⁸. Однако деятельность Поляка в Болгарии вполне освещена в публикации царских дипломатических документов. В июне 1915 г. Поляк, причисленный к Министерству финансов, член правлений нефтепромышленных обществ «Кавказ» и «Мазут», сопровождал в Софию агента Министерства финансов Грубе с целью прощупать почву для втягивания Болгарии в войну на стороне Ан-

танты (причем Поляк имел влиятельные связи в правительственных кругах этой страны). Совместно с представителями союзников был разработан план крупной финансовой операции по скупке на выгодных условиях всего урожая зерна в Болгарии. На обратном пути эти доверенные лица Российского правительства останавливались в Бухаресте (и здесь у Поляка были высокопоставленные знакомые). В июле 1915 г. Грубе и Поляк вновь появились в Софии, однако вследствие изменившихся условий сделка не удалась. Грубе был вызван в Петроград, и его заменил Поляк. Ряд телеграмм в МИД России на имя Сазонова подписаны им совместно с царским посланником Савинским⁷⁹.

Рассмотрим версии русского и немецкого участников встречи в Стокгольме. На собрании губернских предводителей дворянства в Москве 29 августа 1916 г. Протопопов заявил: «В Стокгольме проживал крупный банкир и биржевой делец Ашберг. Вот этот Ашберг явился ко мне и сообщил, что со мной очень желал бы видиться германский посланник в Швеции. Посоветовавшись по этому поводу с нашим посланником Неклюдовым, который просил меня не отказываться, я согласился на свидание». Оно якобы состоялось в номере гостиницы, снятом Ашбергом. Люциус из-за болезни не явился и прислал вместо себя Варбурга. Беседа велась в присутствии Олсуфьева, Ашберга и Поляка. Как утверждал Протопопов, Варбург доказывал беспечность дальнейшего продолжения войны, которая повлечет за собой лишь новые потери, но не даст никаких практических результатов, ибо «общее очертание пограничных линий останется и будет закреплено в том виде, как оно находится в данное время». Мировую войну, убеждал банкир, вызвала Англия, и она одна повинна в миллионах человеческих жертв. Обвинения Германии в завоевательных стремлениях ошибочны. Немцы не желают новых приобретений, а хотят лишь «справедливого исправления» границ. Против планов России в отношении Галиции, Буковины и Проливов, если союзникам удастся ими овладеть, Германия якобы ничего не имеет. Курляндия, продолжал он, должна принадлежать Германии. Польша будет восстановлена в ее границах. О латышах говорить не стоит — «это мелочь». Франции может быть возвращена Лотарингия, а о Эльзасе не может быть и речи. Высказывания Варбурга носили явно антианглийский характер. «Англия хочет господства и связывает волю русского государя, запрещая ему заключить сепаратный мир», — резюмировал немец. Как явст-

вует из версии Протопопова, он лишь выслушивал собеседника и на позициях России не останавливался⁸⁰, т. е. якобы рассматривались вопросы заключения общего мира, но по взаимной договоренности Германии и России.

Согласно отчету Варбурга, его встреча с Протопоповым произошла после того, как Олсуфьев заявил представителю акционерного общества «Мазут» в Швеции М. С. Гуревичу о желании для полноты впечатлений о настроениях в Европе увидеться с каким-нибудь немцем. Гуревич организовал в номере гостиницы у директора нефтепромышленного общества «Мазут» Л. С. Поляка встречу Варбурга с Олсуфьевым и Протопоповым с ведома германского посланника Люциуса, который и препроводил 8 июля 1916 г. (н. ст.) в Берлин отчет Варбурга с краткой сопроводительной запиской на имя канцлера Бетман-Гольвега. В записке Олсуфьев характеризовался «консервативным» членом Государственного совета⁸¹.

Варбург датировал встречу 6 июля 1916 г. У него сложилось впечатление, что оба русских, как и он, считают продолжение войны бессмысленным. Недаром Протопопов «выразил надежду, что мы снова встретимся в условиях мира, который вскоре наступит». После отъезда на родину Протопопова и Олсуфьева Варбург продолжил беседы с Поляком и Гуревичем, которые собирались поехать в Петроград. В заключение отчета Варбург советовал своим шефам «плести дальше нити», связанные с Протопоповым и Олсуфьевым. На документе министр иностранных дел Ягов наложил резолюцию: «Во время беседы русские, хотя и очень сильно подоили Варбурга, сами ничего точного не сказали»⁸².

На первый взгляд обе версии почти тождественны. Однако они имеют существенные различия. Если Протопопов подчеркивал свою пассивность в беседе, сводя все к желанию выслушать доводы Варбурга, то последний определенно рисует его сторонником скорейшего заключения общего мира. Вопрос о мире в более конкретной плоскости, видимо, поднимался Варбургом при встрече с Гуревичем и Олсуфьевым, которые собирались довести эту информацию до Протопопова.

По возвращении в Петроград Протопопов изложил беседу с Варбургом Сазонову. 18 июля 1916 г. Николай II принял в Ставке Олсуфьева, а на следующий день Протопопова, напел разговор с Варбургом «интересным», но выразил желание, чтобы это не получило огласки, очевидно не зная о сенсационной заметке в московской газете «Утро России» 12 июля с прямым намеком на раз-

говор Протопопова (фамилия его не называлась) с Люциусом относительно возможного мира с Германией⁸³. 20 июля 1916 г. царь писал жене: «Вчера я видел человека, который мне очень понравился, — Протопопов, товарищ Председателя Гос. думы. Он ездил за границу с другими членами Думы и рассказал мне много интересного»⁸⁴. По настоянию императрицы 18 сентября Протопопов был назначен управляющим Министерством внутренних дел.

Естественно, встреча в Стокгольме привлекла к себе пристальное внимание союзной дипломатии. 28 июля 1916 г. Бьюкенен передал в Лондон, что советник посольства Линдлей прямо спросил Протопопова о беседе с Варбургом. Тот в общих чертах изложил уже известные читателю немецкие условия общего мира. «Эта последняя интрига германского посланника в Стокгольме, — резюмировал Бьюкенен, — не представляет большого значения и является только указанием на настроение Германии по отношению к войне»⁸⁵.

Не случайно именно в это время правые во главе с императрицей провели последний этап давно подготавливавшейся ими операции по отстранению ставленника Антанты Сазонова от руководства ведомством иностранных дел с заменой его (7 июля) Штюмером, о чем русская агентура союзников узнала за несколько дней до подписания царем соответствующего указа. Отставка министра иностранных дел России вызвала значительное недовольство в Париже и Лондоне. 12 июля 1916 г. французский посол Палеолог писал, ссылаясь на заверения Николая II, что он не опасается никакого немедленного или даже близкого изменения внешней политики России. Но вместе с тем, противореча себе, посол допускал вероятность прихода в МИД России иных людей и «новых умонастроений», ибо «тайны наших переговоров» станут известны некоторым лицам с германофильскими наклонностями. Пока же такие элементы могут действовать «лишь очень скрытно и осторожно в направлении реализации своих намерений». Пронемецкая партия, по мнению Палеолога, якобы имеет сторонников и в ведомстве иностранных дел⁸⁶. Русский посол в Англии Бенкендорф телеграфировал в Петроград 13 июля 1916 г., что вся местная пресса выразила сожаление по поводу отставки Сазонова, подчеркивая его дружественное отношение к Великобритании⁸⁷.

Американский посол Френсис в свою очередь согласился с мнением, что Сазонов был умышленно уволен в

отставку и что назначение на его пост Штюмерера является «победой реакционной партии, выступающей за абсолютную монархию в России, хотя такая победа объясняется отчасти усилением прогерманских чувств в империи». Френсис делает не лишенный оснований вывод: если придворная партия не станет проводить «более либеральную политику путем предоставления больших уступок народу и его представителям в Думе, то через несколько лет произойдет революция»⁸⁸.

В связи с предполагавшимся назначением на важный пост товарища министра иностранных дел посланника в Португалии Боткина, пользовавшегося репутацией деятеля правых убеждений, не расположенного к Антанте, Бьюкенен сделал официальное представление Штюмеру. И тот поспешил заверить, что об этом не было и речи⁸⁹. Назначение Боткина не состоялось.

Отнюдь не случайно, что тогда же усилилась анти-английская кампания правых кругов. В черносотенной газете «Российский гражданин», издававшейся на правительственные субсидии, 6 августа 1916 г. появилась статья с довольно скептическими отзывами о премьер-министре Англии и ее армии⁹⁰. Бьюкенен немедленно выразил Штюмеру протест, потребовав опровержения и публичного извинения автора, реакционного издателя П. Ф. Булацеля. В результате последнему пришлось напечатать извинение, подготовленное англичанами⁹¹.

Это, однако, не рассеяло беспокойства союзников. Красноречиво специальное обращение английского короля Георга V к Николаю II в августе 1916 г. «До меня дошли сведения из многих источников, — писал он, — включая сюда один нейтральный, вне всякого сомнения к нам благорасположенный, что германские агенты в России производят большие усилия, чтобы посеять рознь между моей страной и твоей, вызывая недоверие и распространяя ложные сведения о намерениях моего правительства. В частности, я слышал, что распространяется и находит себе в некоторых слоях веру слух, что Англия собирается воспротивиться владению Россией Константинополем и сохранению его за ней... Мы решили не отступать от обещаний». В ответной телеграмме 30 августа 1916 г. царь заверял короля, что действительно в России имеются отдельные лица, а особенно банки, находившиеся до войны в германских руках, влияние которых сильно, но он справится с этим. В заключение говорилось: «Я убежден, что краткое официальное сообщение моего правительства, устанавливающее, что Англия и Франция рассматривают

обладание Россией Константинополем и проливами как неизменное условие мира, успокоило бы все умы и рассеяло всякое недоверие»⁹². Такое сообщение впоследствии было сделано.

Одновременно буржуазно-либеральные круги попытались нанести удары ярым приверженцам Распутина. Делалось это под вывеской борьбы с немецким шпионажем. Были произведены аресты банкира Д. Л. Рубинштейна, а затем по обвинению в шантаже И. Ф. Манасевича-Мануйлова. Контрразведка еще раньше взяла под стражу доверенное лицо Распутина купца 1-й гильдии А. Симановича и выслала его в Тверь. 9 августа 1916 г. тот отправил царю прошение, в котором, «исполняя свой долг верноподданного», указывал на заслуги при раскрытии заговора с участием высокопоставленных лиц, известных царю. Он просил отменить его высылку и «оставить, наконец, в покое». Николай II наложил на прошение резолюцию: «Прекратить гонения и оставить»⁹³. В декабре 1916 г. по ходатайствам императрицы и Распутина на свободу вышли Рубинштейн и Манасевич-Мануйлов.

Прокомментируем реакцию на описанные события германских правящих кругов. Узнав об отставке Сазонова, министр иностранных дел Германии Ягов предписал посланнику в Дании Брокдорфу-Ранцау поинтересоваться у ее министра иностранных дел Скавениуса, не создает ли это благоприятной обстановки для проведения нового зондирования насчет мирных переговоров. Министр считал момент для зондирования неподходящим и высказал мнение, что в случае увеличения влияния правых партий возрастет и склонность правительства к миру⁹⁴.

В Германии, как и в других странах, война приводила к обострению классовой борьбы, к трениям между правящими группировками, буржуазными и мелкобуржуазными партиями, генералитетом и министерством иностранных дел, буржуазно-юнкерскими кругами, выдвинувшими собственные пути обеспечения в наибольшей степени общих интересов империализма⁹⁵. Наряду с преследованием известных целей специфические позиции занимала камарилья Вильгельма II, озабоченная необходимостью сохранения монархических устоев в Европе, которые могли рухнуть под напором революционных масс. Политические силы нередко втайне друг от друга предпринимали собственные демарши в вопросе достижения сепаратного мира с царизмом. Один из них, до сих пор мало известный, и был приурочен к моменту замены Сазонова Штюрмером.

15 августа 1916 г. дипломатический чиновник при германской главной квартире Грюэнау сообщил в МИД о позиции кайзера: «По отношению к России можно использовать призыв к определенной солидарности династических интересов трех императоров в противовес главным адвокатам правительств западных держав». Вильгельм II настоятельно просил воспрепятствовать проникновению в общественное мнение сведений о каких-либо соглашениях с Австро-Венгрией в польском вопросе. Вместе с тем он выражал надежду, что наступит момент, когда можно будет добиться сепаратного мира с Россией, и подчеркивал: «Этот шанс не должен быть упущен из-за оглашения планов относительно Польши». Уже на следующий день канцлер Бетман-Гольвег ответил кайзеру согласием, ибо «систематическая стабилизация явно реакционного крыла в России», обострение там «всех внутренних противоречий» усиливают недовольство Англии. В отношении мероприятий, осуществляемых в России по приказу кайзера, даются рекомендации об использовании «людей среднего слоя, евреев и т. д.». К сожалению, сообщает он, «одна многообещающая в этом отношении личность, известный господин Рубинштейн», недавно была интернирована⁹⁶ (речь, конечно, идет об известном банкире Д. Л. Рубинштейне). 23 августа 1916 г. Бетман-Гольвег извещает МИД Германии, что кайзер с растущей решительностью дает понять о наступлении «психологического момента для обработки России с целью заключения сепаратного мира». Канцлер предлагал в случае необходимости, не жалея средств, внедриться туда для поддержки «движения за мир». Его точку зрения, что еще не настало время для «мирных предложений с нашей стороны»⁹⁷, разделял министр иностранных дел Ягов. Об этом было известно Вильгельму II, и он взял на себя инициативу нового, глубоко законспирированного зондажа намерений Николая II и камарильи.

Первое непосредственное свидетельство по данному вопросу (не привлекшее к себе тогда и позднее внимание историков) неожиданно всплыло на процессе лже-Анастасии, безуспешно добивавшейся в 20-х годах в судебном порядке признания ее дочерью Николая II, чудом уцелевшей после расстрела царской семьи. Она умоляла привести к ней «дядю Эрни», т. е. брата императрицы великого герцога Эрнста Гессенского. В разговоре с датским посланником в Берлине она заявляла, что тот приезжал в Петроград в 1916 г. с секретной миссией для заключения сепаратного мира⁹⁸.

Факт приезда Эрнста Гессенского инкогнито в Россию подтверждается также более поздними свидетельствами, исходящими от снохи и побочного сына кайзера, а также графа Г. Голицына, видевшего якобы герцога во дворце Царского Села в гражданской одежде. Николай II отказался будто бы рассматривать привезенные тем предложения о сепаратном мире, и прием остался тайным. Баронесса Пилар фон Пильхау показала, что поездка была организована непосредственно ее братом, советником российской миссии в Норвегии. Фриц фон Унрух, домашний учитель в доме герцогов Гессенских, слышал о названной миссии в 1916 г. от адъютанта Эрнста⁹⁹.

Симптоматична и синхронность, с которой оба императорских двора действовали в польском вопросе. 18 июля 1916 г. Совет министров России закончил обсуждение проекта польской «автономии» и представил его Николаю II. Вскоре к нему обратилась императрица с просьбой «задержать разрешение» вопроса. При встрече со Штюрмером 10 сентября Николай II заявил о предположении опубликовать соответствующий акт «только по вступлении русских войск в занятые неприятелем пределы Польши», т. е. откладывал свое решение¹⁰⁰. И как упоминалось, 15 августа Вильгельм II дал указание не разглашать переговоры с Австро-Венгрией по польскому вопросу. Т. е. оба монарха явно стремились повременить с принятием мер, которые могли помешать готовившейся сделке между ними.

Приведем косвенные, но достаточно красноречивые свидетельства видных германских деятелей. «Еще более благоприятная минута для заключения мира с Россией, — констатирует в мемуарах германский кронпринц, — представилась в конце лета 1916 г., когда военное положение России было очень плохо. Царь как раз тогда назначил Штюрмера главой министерства, а этот человек был, несомненно, расположен к нам... Летом и в начале осени наши дипломаты вели об этом частые переговоры между собой и с Главной квартирой, но к практическому осуществлению так и не пришли»¹⁰¹. Говорится специально только о «наших дипломатах» и ничего о других возможных каналах.

А вот мнение вышедшего к рассматриваемому времени в отставку морского министра Тирпица: «Но все-таки еще в 1916 г. было возможно заключить приемлемый мир, когда царь, который чувствовал, что его трон колеблется, назначил Штюрмера именно с этой целью»¹⁰². Наконец, Эрцбергер свидетельствует: «В сентябре 1916 мы были по-

ражены увеличением сведений о шансах на мир с Россией». И приводит следующее впечатление анонимного лица: «Ключом к ситуации является личность Штюрмера. У него иные общие идеи, чем у Сазонова, и, взяв на себя руководство внешней политикой, он указывает на желание управлять судьбами России в соответствии с собственными мыслями». Некие русские высшие чиновники говорили об усталости от войны и о готовности пойти на мир с Германией, что, естественно, стало известно противникам Штюрмера¹⁰³. Даже канцлер Бетман-Гольвег упоминает о каких-то «неясных надеждах» на мир в июле — августе 1916 г., а также о распространенном тогда в Германии мнении о возможности сепаратного мира с Россией как о деле «само собой разумеющемся» и упустить это «могла только самая бездарная дипломатия»¹⁰⁴.

С редким единодушием разные лица в почти идентичных выражениях сообщают о возросших шансах на заключение сепаратного мира с царизмом после смены Сазонова Штюрмером, которому не без оснований приписывались германофильские взгляды. Кроме того, Тирпиц и Эрцбергер явно намекали на шаткость позиции царизма.

В свете приведенных фактов попытаемся реконструировать рабочую гипотезу об очередном тайном демарше немцев. Расценив момент благоприятным после отставки Сазонова, Вильгельм II решил направить в Петроград Эрнста Гессенского, который выступал еще в 1915 г. за приглашение в Стокгольм русского представителя для переговоров. Зная о негативном отношении министерства иностранных дел Германии к осуществлению нового зондажа, кайзер прибег к содействию военной разведки, не поставив в известность не только свою дипломатию, но, вероятно, даже канцлера. Скорее всего визит в Петроград Эрнста состоялся в августе — сентябре 1916 г., причем он имел беседы с императрицей и царем. Привезенные им условия сепаратного мира оказались неприемлемыми, ибо мало что давали самодержавию. Не исключено, что царь поставил собственные условия, которые тот передал в Берлин. В свою очередь кайзер счел их неподходящими и понял, что царизм еще не созрел для заключения сепаратной сделки. Но зондажи продолжались.

Необходимо отметить, что в историографии комплекс неофициальных контактов между обозначенными кругами Германии и России в 1916 г. неправомерно сводится лишь к проблеме заключения сепаратного мира, причем и это подчас трактуется поверхностно, без учета всей сложно-

сти и противоречивости проблемы. На наш взгляд, ошибочно полагать, как сделал, к примеру, М. К. Касвинов, что «в премьерство Б. В. Штюрмера, креатуры Распутина, придворной германофильской группе удалось довести дело до фактического открытия в Стокгольме тайных русско-германских переговоров. Кайзера представлял банкир граф фон Варбург, Николая II — А. Д. Протопопов»¹⁰⁵. На деле переговоров не было, а состоялся лишь обмен мнениями. Протопопов не мог представлять царя, ибо тот ранее не был с ним знаком. Ведь еще зимой 1915/16 г. ряд банковских заправил через Распутина пытались провести Протопопова в министры финансов, но Николай II отказал именно по этой причине¹⁰⁶.

В противоположную крайность впадает В. С. Васюков, заявляя, что «политические руководители Антанты не верили в возможность сепаратного сговора России с Германией, несмотря на тревожные слухи и донесения». В качестве основного аргумента он приводит лишь заявление французского премьера Бриана английскому послу в Париже Берти. С другой стороны, историк полностью отрицает склонность Штюрмера, императрицы и Николая II к идее сепаратного мира с Германией, поскольку они, дескать, жаждали над ней победы. А в подтверждение ссылается на известную переписку царя с супругой да на официальные заявления самого Штюрмера, который в той обстановке не мог действовать иначе и тщательно маскировал свои подлинные устремления, о чем было хорошо известно. Обширная статья В. С. Васюкова о сепаратном мире содержит немало выводов, которые не вытекают из приводимых им известных материалов, а представляют умозаключения по поводу тех или иных фактов, причем основная концепция сводится к отрицанию германофильских тенденций в царской камарилье. Ученый необдуманно подвергает критике придерживающихся иных взглядов Р. Ш. Генелина, В. И. Бовыкина, В. В. Лебедева, А. В. Игнатьева и других авторов¹⁰⁷.

Н. П. Евдокимова в своей работе почти не затрагивает вопрос о германо-русских тайных зондажах второй половины 1916 г. Верно, что «предложения Германии, передаваемые в Россию через посредников, встречали неизменно отрицательное к себе отношение со стороны правительства России», но нельзя согласиться с «несостоятельностью» немецких расчетов на монархический принцип империй Гогенцоллернов и Романовых, родственные связи и прогерманские элементы в окружении царя¹⁰⁸. Ведь тайные зондажи и прощупывания почвы для сепаратного мира были постоянными спутниками дипломатии того времени.

ратного мира продолжались. А самодержавие так или иначе было бы не прочь выйти из войны.

Главная ставка немцев на сближение с придворными германофилами по-прежнему сочеталась с поддержкой сепаратистов национальных окраин, особенно Украины. Продолжалось тесное сотрудничество с буржуазными националистами и субсидирование их организаций, но сколько-нибудь существенных успехов достигнуто не было. Расширились связи с некоторыми представителями эсеров. 11 августа 1916 г. германский посланник в Берне Ромберг сообщил в Берлин о начале своих контактов с эсером Цевиным, который, как отмечалось выше, был завербован австрийцами. Данная им информация о «революционной пропаганде» в России во многом совпадала со сведениями их старого эmissара из эстонцев Кескюлы¹⁰⁹.

По мере все яснее обозначавшегося затяжного характера мировой войны и близких социальных потрясений Россия становилась самым слабым звеном не только одной из коалиций держав, но и капиталистической системы в целом. Понимание этого кардинального факта, чреватого непредсказуемыми катастрофическими последствиями для монополистов мира, в разной степени и с неоднозначными оценками остро ощущалось на Западе. Центральные державы направляли усилия на укрепление позиций самодержавия в русле попыток контрреволюционного сговора с некоторыми реакционными силами. Основными средствами здесь были тайные неправительственные контакты на предмет прощупывания почвы для заключения сепаратного мира. Вследствие серьезных разногласий по поводу условий сделки тогда была отложена, но правящие круги Германии не собирались отказываться от этого курса, ожидая лишь подходящего случая. В свою очередь и царизм тайно искал возможности для перемены внешнеполитической ориентации.

ЗА КУЛИСАМИ СЦЕНЫ

**Накал классовых боев. Опять сепаратные
зондажи. Давление Антанты и буржуазии
на царизм. Убийство Распутина.
Реакционеры, союзники, жандармы.**

Общенациональный кризис, начавшийся в России осенью 1916 г., охватил основные стороны экономической, политической и военной жизни страны. Создавшееся по-

ложение было самой обширной и глубокой частью европейской революционной ситуации. Российский пролетариат во главе с большевистской партией — авангардом мирового рабочего движения — наращивал борьбу против царизма и буржуазно-помещичьего гнета. Именно сочетание объективных и субъективных факторов обуславливало непрерывное нарастание революционных выступлений. Резкое ухудшение материального положения трудящихся, в первую очередь пролетариата, продовольственный кризис, растущая дезорганизация тыла, поражения на фронте способствовали повышению классовой сознательности, организованности и боевитости рабочего класса.

По сводным статистическим данным, в России в 1915 г. было 1060 стачек с 545,5 тыс. бастующих, а в 1916 г. число стачек выросло до 1385 с 1051,1 тыс. бастующих. В Англии, Франции и Германии, вместе взятых, соответствующие цифры составили для 1915 г. — 907 и 471 тыс., для 1916 г. — 1086 и 446 тыс. Тем самым важнейший индикатор классовой борьбы в России значительно превосходил аналогичные данные в западных странах. Еще разительнее является изменение соотношения удельного веса политических и экономических стачек в России. Если в январе — июне 1916 г. в первых принимало участие 22,6 %, а во вторых — 77,4 % всех стачечников, то в октябре — декабре того же года эти показатели составили 58 % и 42 %. Повсюду и особенно в столице происходил рост членов большевистских организаций, осуществляющих руководящую роль в революционном движении¹¹⁰. Обострялось недовольство солдат, в основном выходцев из крестьян. Внутриполитические аспекты общенационального кризиса в России нашли широкое освещение в советской научной литературе, поэтому на них специально не останавливаемся.

На большевиков обрушиваются новые репрессии. В начале августа 1916 г. аресту подвергается А. И. Ульянова-Елизарова, о чем Владимир Ильич получает 6 сентября сообщение другой своей сестры¹¹¹. Очевидно, в связи с этим Департамент полиции запросил заграничную агентуру в Париже 13 сентября: «Телеграфируйте, где сейчас находится Ленин и где будет 16 декабря?» С большим запозданием исполняющий обязанности заведующего агентурой Мельников ответил, что Ленин «должен находиться в Берне», ибо обстоятельства не позволяют ему выехать из Швейцарии. 16 декабря Мельников подтвердил невозможность для Ленина покинуть Швейцарию,

ибо выезд через Францию и Италию воспрещен. По его сведениям, большевики «отвергают всякую возможность выезда Ленина в Германию или через Германию в нейтральные страны»¹¹². Полиция усилила наблюдение за деятельностью вождя пролетариата, опасаясь прежде всего его нелегального появления в России.

В своей борьбе охранка не брезговала ничем. Так, она серьезно занялась муссированием клеветнической версии о связях большевиков с немцами. В реакционных кругах пустили слух, что А. М. Горький и Парвус готовят в России на германские деньги всеобщую стачку пролетариата и вооруженное восстание. Департамент полиции через обширные секретные каналы произвел тщательное расследование. И 29 июля 1916 г. начальник Петроградского охранного отделения не без сожаления докладывал товарищу министра внутренних дел, что собран материал, «вполне опровергающий обоснованность подобного слуха и доказывающий его фактическую невозможность», ибо выяснилась полная противоположность убеждений Парвуса, очевидно работающего «в интересах Германии и на деньги последней», и Горького, «безусловно честного в отношении своих политических взглядов». Кроме того, Парвус несколько лет назад присвоил 20 тыс. руб., причитавшихся Горькому за издание его сочинений в Германии.

Хотя верхушка немецкой социал-демократии «в силу непонятных причин решила погасить возникший скандал и из своих средств удовлетворила требования Горького», его отношения с Парвусом сильно обострились, и они даже не здоровались. Блюститель порядка констатирует, что Парвус «потерял свое обаяние среди русских социал-демократов». Фальшивка несостоятельна. «Денежные средства среди социал-демократических организаций настолько слабы, — доносит он, — что, заказывая очередные подпольные листки в легальных типографиях, заказчики зачастую не могут уплатить весьма незначительных сумм (50—60 руб.), чем задерживается выпуск литературы, а это едва ли бы имело место при денежной помощи со стороны Германии». И резюмирует: «Это только мечты, которым никогда не суждено осуществиться, ибо для создания подобного грандиозного движения помимо денег нужен авторитет, которого у Парвуса ныне уже нет, а остальные лидеры социал-демократии, видимо, к этому никаких попыток не предпринимали» и нет данных, что предпримут в будущем¹¹³. Такое сообщение в какой-то мере убедило шефов охранки.

К осени 1916 г. наметился перелом в ходе военных действий между центральными державами и союзнической коалицией в пользу последней. В правящей верхушке Германии обострилась политическая борьба. В качестве одной из крупных мер намечалось провозгласить «независимость» Польши, чтобы под этим предлогом набрать там до 200—300 тыс. рекрутов. Эту меру особенно отстаивала часть военщины. Канцлер Бетман-Гольвег 10 октября предупредил Гинденбурга, что может сорваться сепаратный сговор с Россией: «Положение Штюрмера, которого ни в коем случае нельзя отнести к сторонникам полной победы, за последнее время укрепилось». Гинденбург, не усматривая веских оснований всерьез верить в скорое соглашение с Россией, настаивал на опубликовании манифеста о Польше¹¹⁴.

Неплохо осведомленный о положении в России английский посол в Париже лорд Берти отметил несколько ранее в дневнике: «Новый бельгийский посланник был у меня сегодня с визитом. Он опасается, что германофильская партия в Петербурге одержит верх и склонит императора если не прямо заключить сепаратный мир, то войти в секретное соглашение с императором гуннов о Польше, а затем прекратить военные действия под предлогом недостатка военного снаряжения, ожидавшегося Россией из Франции и Англии»¹¹⁵. 26 октября 1916 г. поверенный в делах в Швейцарии М. М. Бибиков докладывал со ссылкой на информацию из кругов, близких германской миссии, что царское правительство может получить проход через Черноморские проливы вместе с Восточной Галицией и Арменией в обмен на Польшу и Литву только от Германии¹¹⁶. Наконец, небезынтересно и свидетельство А. Ф. Керенского: «Я считаю должным установить следующий факт. В документах (в Царском Селе) было обнаружено письмо императора Вильгельма на немецком языке к государю, в котором Вильгельм предлагал заключить сепаратный мир. Был обнаружен ответ на это письмо, оказавшийся в виде отпуска (копии) в бумагах. По поручению Николая кем-то... по-французски было сообщено Вильгельму, что государь не желает отвечать на его письмо. Этот факт был известен и Следственной комиссии... Он имел место в 1916 году»¹¹⁷.

В середине 60-х годов западногерманский историк фон Раух установил по документам, хранящимся в Бонне, что 3 октября 1916 г. через немецкое посольство в Софии при посредничестве балканского корреспондента голландских газет барона де Крюйфа были переданы предложе-

ния «русского двора» или, вернее, пацифистски настроенной части придворных кругов. Предложения касались мирных условий, связанных преимущественно с Турцией, Финляндией и Польшей¹¹⁸. Демарш этот был немцами отклонен.

Только 22 октября 1916 г. Вильгельм II и Франц-Иосиф обнародовали давно готовившийся манифест о создании на польских землях марионеточного «Польского королевства». Сильное недовольство по этому поводу Николая II еще не означало полного прекращения сепаратных контактов с Германией, как полагают отдельные историки, ибо польский вопрос не являлся кардинальным для реализации захватнических вожделений самодержавия и буржуазии.

Осенью 1916 г. Россия представляла собой огромный вулкан, извержение которого было почти неминуемым и могло последовать в любое время. Но в недрах его происходила не стихийная игра сил, а велась конкретная, целенаправленная деятельность. Прежде всего бурлили народные массы, широко выражая недовольство продолжением войны и выступая за ее прекращение, что оттачивало и обостряло классовую борьбу. 30 октября 1916 г. директор Департамента полиции Васильев писал товарищу министра внутренних дел: «Поступающие... из различных источников сведения о настроении различных кругов населения страны в последнее время стали носить весьма тревожный характер... Наибольшая степень раздражения и озлобления масс... наблюдается в обеих столицах. Сравнение настроения населения Петрограда и Москвы и отношения его к центральному правительству в данное время и в период 1905—1906 гг. устанавливает, что теперь оппозиционность настроений достигла таких исключительных размеров, до которых она далеко не доходила в широких массах в упомянутый смутный период. Вся тяжесть ответственности за переживаемые родиной невзгоды возлагается ныне уже не только на правительство, в лице Совета министров, но даже и на верховную власть»¹¹⁹.

В качестве одной из мер противодействия германофилам союзники использовали подтверждение секретного лондонского договора 1915 г. о Черноморских проливах. Если ранее Англия всячески уклонялась от публикации документа, а Николай II этого желал, то 30 сентября 1916 г. Штюрмер в качестве министра иностранных дел сообщил послу в Лондоне Бенкендорфу, что он не настаивает даже «на немедленном назначении срока опублико-

вания». Когда Бенкендорф телеграфировал в Петроград о начале англо-французских переговоров на предмет выработки редакции предисловия к документу, царь 12 октября сделал на депеше посла помету: «Не нужно торопиться». Официально подобный зигзаг объяснялся ухудшением положения русских войск в Румынии¹²⁰. Предлог, без сомнения, надуманный.

25 октября 1916 г. Бьюкенен передал министру иностранных дел Грею, что узнал из «очень хорошего источника», будто Протопопов представил царю отчет о беседе с германским чиновником в Стокгольме, заявившим: «Если Россия заключит мир, Германия эвакуирует Польшу и не выставит возражений к предоставлению России Константинополя». На аудиенции посол напрямик спросил Николая II, соответствует ли это действительности. В ответ царь отметил, что «не даст никакого хода этому предложению»¹²¹. При первом взгляде может создаться впечатление, что речь идет лишь о встрече Протопопова с Варбургом в Стокгольме. Но ведь с тех пор прошло несколько месяцев, и Протопопов сразу же сообщил ее содержание царю. В той беседе речь шла об условиях общего мира, но не сепаратного. Именно потому Бьюкенен и не придал тому факту «большого значения»¹²². Теперь же стоял вопрос о заключении мира сепаратного, что весьма всполошило английского посла. Скорее всего речь шла о каких-то новых контактах Протопопова с немцами, о чем специально докладывалось Николаю II. Вмешательство посла поставило самодержца в довольно щекотливое положение.

Изложенное подтверждается и мемуарами Бьюкенена. Он намеревался побудить Николая II расстаться со Штюрмером, поскольку тот не вызывал доверия союзных правительств, и одновременно позондировать возможность возвращения Сазонова, но был предупрежден товарищем министра иностранных дел Нератовым о преждевременности постановки данного вопроса и потому «ограничился во время аудиенции указанием на возрастание германского влияния, антибританскую кампанию и серьезность внутреннего положения». На заявление посла о том, «что сторонники Германии в России заняты подготовкой мира в ее пользу, а также пытаются убедить общественность в полной невыгодности для России продолжать войну», царь повторил предыдущие заверения о невозможности мирных переговоров, пока войска Германии находятся на русской территории. Посла Англии, как всегда, интересовали вопросы внутренней политики России. Свя-

зывая беспорядки в Петрограде с нехваткой продовольствия, он предупреждает о том, что левые партии стремятся использовать это для получения политических уступок от правительства. Сославшись на донесения английских консулов, посол сообщил, что крестьянство начинает утрачивать к царю доверие, а самодержавие теряет, мол, почву под ногами из-за упущений министров. После некоторого замешательства Николай II высказал все-таки уверенность в способностях своих министров ¹²³.

Германофильские придворные круги России в октябре — ноябре 1916 г. возобновляют предложения Германии, Австро-Венгрии, а также болгарскому королю Фердинанду. Но ободренный успехом в Румынии, противник категорически их отклоняет. Центральные державы еще не отказались от обширных притязаний на русские территории. Протопопов предлагал царю следующий план: «Россия должна была известить союзников за несколько месяцев вперед, что, будучи не в силах вести войну, в назначенное время правительство прекращает эту войну. В течение этих месяцев союзники и Россия должны вести с Германией переговоры. В случае если бы союзники отказались от ведения переговоров, Россия все же в указанный срок выходила из войны, заключая мир с Германией». Николай II будто бы согласился с таким проектом ¹²⁴. Некоторые историки, не вникнув в существо проблемы, даже заявляют, будто упомянутый «план» «предусматривал не сепаратный, а общий мир» ¹²⁵.

Попытаемся проследить нить российских событий осени 1916 г. Буржуазная печать вдруг начала словно по команде трубить о предательстве «темных сил», под которыми подразумевались камарилья и распутинцы. Кампания заострялась и лично против Протопопова, его германофильство связывалось со встречей с Варбургом в Стокгольме. Декларация прогрессивного блока, оглашенная с думской трибуны 1 ноября 1916 г., начиналась заявлением, что он не допускает и мысли о сепаратном мире. Правительство резко критиковалось за растрату взаимного доверия между союзниками, за опоздание с решением польской проблемы. Заканчивалась она требованием ухода Штюрмера, создания правительства, опирающегося на большинство Думы и проводящего в жизнь программу прогрессивного блока. В крикливой речи Милюков квалифицировал всю деятельность правительства как глупость или измену, открыто обвинив «придворную партию», группирующуюся вокруг царицы, в тайной подготовке сепаратного мира с немцами ¹²⁶. С антиправительственными

речами выступили также В. В. Шульгин, И. Н. Ефремов, В. А. Маклаков, Ф. И. Родичев и даже правый В. М. Пуришкевич. Верхушка либеральной оппозиции, очевидно, располагала конкретными фактами, как и союзники, имевшие в стране обширную агентуру. Недаром Бьюкенен ссылаясь в своей упомянутой уже телеграмме от конца октября 1916 г. на «очень хороший источник»¹²⁷.

Однако в той напряженной политической обстановке оглашать какие-либо свидетельства было нецелесообразно, и западные державы и буржуазия считали еще возможным достижение сделки с самодержавием. Поэтому они сочли пока достаточным ограничиться серьезным предупреждением.

Но царизм воспринял предупреждение формально. Уже 3 ноября 1916 г. Штюрмер направил представителям России при союзных державах циркулярную телеграмму с предписанием опровержения «самым категорическим образом» распространяемых печатью некоторых стран слухов о секретных переговорах, которые будто бы ведутся между Россией и Германией о заключении сепаратного мира. «Россия, — подчеркивалось в телеграмме, — сохранит неприкосновенным тесное единение, связывающее с ее доблестными союзниками, и, далекая от мысли о заключении сепаратного мира, будет биться рука об руку с ними против общего врага без малейшего колебания, до часа конечной победы. Никакие враждебные происки не окажутся в состоянии поколебать неизменное решение России»¹²⁸. Сказано довольно внушительно, но и слишком фарисейски. Успокоения в западных столицах на сей счет не наступило.

Николай II писал жене 9 ноября 1916 г.: «Я приму Штюрмера через час и буду настаивать на том, чтобы он взял отпуск. Увы! Я думаю, что ему придется совсем уйти, — никто не имеет доверия к нему... даже Бьюкенен говорил мне в последнее наше свидание, что английские консулы в России в своих донесениях предсказывают серьезные волнения в случае, если он останется. И каждый день я слышу об этом все больше и больше. Надо с этим считаться»¹²⁹. В. С. Васюков справедливо констатирует: «Недоверие к правительственному курсу в отношении войны росло. Оно сознательно подогревалось оппозицией в интересах борьбы за власть. Штюрмеру пришлось уйти... Немалую роль в его падении сыграли союзники, и в первую очередь английская дипломатия в лице Дж. Бьюкенена»¹³⁰.

11 ноября 1916 г. Штюрмер получил бессрочный отпуск, а на его место был назначен А. Ф. Трепов, принадлежавший к правой группе Государственного совета, но склонный к компромиссу с Думой. В его правительственной декларации говорилось о решимости России продолжать войну до победного конца и о том, что «преждевременного мира», заключенного «отдельно от наших союзников, не будет никогда». Смещение Штюрмера и приход к власти Трепова, назначение министром иностранных дел Н. Н. Покровского державы Антанты встретили положительно¹³¹. Но тревога по поводу возможного выхода России из войны их не покидала.

Резидент английской разведки в России Хор озаглавил одну из глав своих воспоминаний «Темные силы». Их фактическим предводителем он вслед за Милюковым, Пуришкевичем и другими считал могущественного временщика, ибо «Распутин и его компания являлись скрытой движущей силой антивоенных группировок». В донесении директору военной разведки 9 декабря 1916 г. под заглавием «Состояние общественного мнения в России» отмечался рост недовольства царским правлением во всех социальных слоях, причем у «трудящихся классов» оно сосредоточивается в основном «на плачевном состоянии с вопросом продовольствия». Так, недавно «произошло несколько угрожающих стачек в Петрограде и в других промышленных центрах». Причем начатые в качестве демонстраций против войны, они «завершились манифестациями против правительства». Обнадеживающим признаком в мрачной для империализма картине Хор считал явное преобладание буржуазной оппозиции над «темными силами»¹³².

Не полагаясь только на обычные полицейские меры, которые не давали желаемых результатов, царское правительство развернуло широкие карательные операции против революционного движения. По данным Департамента полиции, в Московском охранном отделении в декабре 1916 г. состояло 52 секретных сотрудника, в том числе занимающихся РСДРП — 18, так называемым общественным движением (земский и городской союзы, военно-промышленные комитеты, ученые общества, партия кадетов и т. п.) — 11, партией эсеров — 4, анархистами — 3¹³³. Опираясь на провокаторов, жандармы провели карательные операции против большевиков Петрограда. В декабре власти конфисковали 3 нелегальные типографии, 2 паспортных бюро, «застигли» на месте в двух обычных типографиях печатание нелегальных докумен-

тов и газеты «Пролетарский голос», являвшейся органом Петербургского комитета РСДРП. Было отобрано до двух десятков пудов типографских наборов брошюры «Кому нужна война». В сетях полиции оказалось несколько видных партийцев. В докладе министру внутренних дел 2 января 1917 г. начальник Петроградского охранного отделения Глобачев признавал, что «руководящий коллектив социал-демократов большевиков все же остался цел и продолжал свою подпольную работу, имея твердое намерение показать правительственным властям свою живучесть, и что меры розыскного характера для них мало чувствительны». В заключение жандарм бахвалился, что полиция арестовала Петербургский комитет большевиков в полном составе и он, дескать, «не успел сделать своих последних распоряжений по поводу 9 января»¹³⁴. Вопреки уверениям стачечная волна в стране ширилась.

Карательные меры царизма предусматривали и разгон Думы. Уточнялись детали. Трепов считался неприемлемым на этом посту и его предполагалось сместить. Приводились в состояние готовности городские гарнизоны¹³⁵. 14 декабря 1916 г. Николай II писал: «Противно иметь дело с человеком, которого не уважаешь и которому не доверяешь, как Трепов. Но раньше всего надо найти ему преемника, а потом вытолкать его, — после того, как он сделает грязную работу. Я подразумеваю — дать ему отставку, когда он закроет Думу. Пусть вся ответственность и все затруднения падут на его плечи, а не на плечи того, который займет его место»¹³⁶.

Комплекс намеченных мер осуществлялся в глубокой тайне, носил заговорщический целенаправленный характер «подготовки к вооруженному подавлению революционных выступлений»¹³⁷. Разумеется, такая политика отличалась непоследовательностью и противоречивостью. «Шаг за шагом, — пишет И. И. Минц, — был разработан план борьбы с революцией. Строго говоря, назвать это планом с пронумерованными мерами, с указанием срока их выполнения было бы неточно. Да и нужды в этом не было. Армия, полиция находились в руках царизма, имелся и немалый опыт борьбы с революционным движением. К тому же разложение власти и грызня между отдельными группами не позволяли разработать единый, систематически продуманный план. Скорее всего это была система мер, связанных между собой общей задачей борьбы с революцией»¹³⁸.

С правым центром контрреволюционного лагеря, группирующимся вокруг самодержавия, была связана более

умеренная часть либеральной буржуазии и дворянства. Обе эти социально-политические силы, несмотря на наличие тактических разногласий о методах урегулирования противоречия между трудом и капиталом, сотрудничали на почве осознававшейся необходимости предотвращения революционного взрыва. Буржуазия стремилась подкрепить полицейские репрессии еще и политическими маневрами, направленными на раскол рядов трудящихся и изоляцию большевиков¹³⁹. Воспринимая «опыт» иностранных империалистов, либералы хотели механически перенести на русскую почву игру в буржуазную демократию и парламентаризм. Так надеялись избежать революции, а в случае ее возникновения направить народное возмущение в спокойное русло верхушечных переворотов для ограничения власти самодержавия. В то же время буржуазные партии соперничали между собой в тактических вопросах. Одним из показателей этого являлся выход из оппозиционного блока прогрессистов. В своих заявлениях в прессе они настаивали на необходимости осуществлять твердую и неуклонную программу «захвата власти». В том же духе высказывались на различных тайных совещаниях их представители. 11 декабря 1916 г. на квартире прогрессиста С. Н. Третьякова было проведено продолжительное совещание участников буржуазных общественных организаций в составе около 120 человек. Единогласно принятая резолюция, предложенная А. И. Коноваловым, призывала покончить с «политической системой», которая привела страну на край гибели. На другом совещании Коновалов предлагал в качестве единственного выхода из критического положения свержение правительства и замену его временным. На пост председателя Совета министров назывались в качестве возможных кандидатов Г. Е. Львов, А. И. Гучков, а на министерские посты Коновалов, М. М. Федоров и др. Бюро центрального военно-промышленного комитета в середине декабря 1916 г. высказалось в случае наступления «подходящего настроения в массах» за низложение Государственной думой действующего Совета министров и за создание временного правительства. Последовавшие вскоре события подводят к выводу, что буржуазия фактически отработала сценарий своих последующих действий с целью изменения лишь политического строя, которые обеспечили бы ей не только государственную власть, но также бесправие и покорность народных масс¹⁴⁰.

Оппозиция сотрудничала и с различными правыми кругами, недовольными засильем распутинцев. Здесь они

усматривали чуть ли не главную угрозу монархии и даже детонатор революции. Составными частями таких сил были члены Государственного совета, сословных дворянских организаций, некоторых реакционных партий и, наконец, группа ближайших родственников царя. 26 ноября 1916 г. Государственный совет высказался за решительное устранение влияния на дела государства «скрытых безответственных сил», за формирование правительства, опирающегося на доверие страны и способного сотрудничать с Думой. XII съезд уполномоченных дворянских обществ (27 ноября — 1 декабря 1916 г.) принял резолюцию с требованием создания сильного правительства, ответственного перед монархом и работающего совместно с законодательными учреждениями¹⁴¹. Фактическим главой великокняжеской фронды был известный придворный историограф Николай Михайлович. Ту же позицию разделяли три его брата. Требования фронды сводились к удалению от дел Распутина и даже императрицы. В письмах к Николаю она называла их своими кровными врагами, а Николая Михайловича просила выслать из Петрограда в Сибирь еще 4 ноября 1916 г.¹⁴² Тот поддерживал постоянные связи с либеральными деятелями, часто обменивался мнениями с английским послом Бьюкененом. «Было или не было это согласовано, — резонно отмечает А. Г. Слонимский, — но выступление прогрессивного блока было фактически поддержано членами царской семьи, правый фланг оппозиционеров оперся на великокняжеские дворцы»¹⁴³.

Помимо описанных легальных или полулегальных шагов буржуазных партий происходила активизация глубоко законспирированной деятельности их тайных групп и кружков, которые замыслили подготовку верхушечного дворцового переворота. Между ними имелись, видимо, определенные связи. Конкретных планов было несколько. Как свидетельствует белоэмигрантский историк С. М. Мельгунов, один из них состоял в том, чтобы сослать Александру в Крым, вынудить Николая II провести реформы, назначить Г. Е. Львова председателем правительства доверия. Срок переворота намечался на октябрь — ноябрь. Другой план сводился к свержению Николая II и назначению на его место вел. кн. Николая Николаевича, но тот якобы отказался. Соучастниками были кроме Львова еще кадеты Хатисов, Кишкин и Федоров. Данные эти в целом недостаточно достоверны¹⁴⁴. Еще один план обычно связывается с именами А. И. Гучкова и товарища председателя Государственной думы левого

кадета Н. В. Некрасова. По свидетельству Гучкова, они в сентябре 1916 г. пришли к выводу о необходимости дворцового переворота, ибо не мыслили «смену власти в порядке революционной анархии» и считали дворцовый переворот «единственным выходом для спасения России от всех бед, связанных с грозящей ей стихийной революцией». Регентом намечалось провозгласить брата императора вел. кн. Михаила Александровича. Вскоре число заговорщиков расширилось за счет Коновалова, Терещенко, Ефремова, Г. Е. Львова, П. П. Рябушинского, М. М. Федорова, М. Н. Челнокова и А. М. Хатисова. Скорее всего планы эти были выработаны одной группой и как бы дополняли друг друга. Возможно, участники заговора подготовили заблаговременно и разные варианты, по существу ведущие к одной цели. Из наиболее вероятных схем переворота следует упомянуть о намерении захватить царя в поезде между Петроградом и Ставкой. С этой целью Гучков установил контакты с офицерами различных гвардейских частей и с кружком офицеров, руководимых князем Вяземским. Солдаты не посвящались в сущность дела и должны были слепо подчиняться приказам офицеров¹⁴⁵.

К плану дворцового переворота имела причастность и часть лидеров мелкобуржуазных партий, прежде всего Керенский. По данным охраны, он сколотил еще в 1915 г. несколько групп своих сторонников, очевидно представлявших филиалы промасонской организации. Одна из таких групп возникла в Саратове. В январе 1916 г. она включала 22 человека (присяжные поверенные, их помощники, врачи, журналисты). Все находились под негласным наблюдением полиции, а Керенский «освещался» одновременно двумя опытными провокаторами под кличками Павловский и Штурман. К ним еще подключался тайный сотрудник охраны по эсерам «Семенов». Он-то и донес, что после ноябрьской сессии Думы Керенский намеревался отправиться из Москвы по городам России «для объединения на местах народных сил под лозунгом свержения настоящего правительства и замены его ответственным министерством»¹⁴⁶. Планы Керенского всецело перекликались с проектами оппозиции.

Одновременно готовилось убийство Распутина. Непосредственными участниками и исполнителями стали в порядке их политического веса двоюродный брат Николая II вел. кн. Дмитрий Павлович (25 лет), видный монархист-черносотенец В. М. Пуришкевич (46 лет) и богатый вельможа Ф. Ф. Юсупов-Сумароков-Эльстон (28 лет), жена-

тый на племяннице царя княжне Ирине Александровне. Их подручные — поручик Сухотин и врач Лазоверт. Но можно ли считать эти лица инициаторами, особенно Юсупова, о чем тот назойливо твердит в своих мемуарах? Кто же подлинные вдохновители заговора?

Имеющиеся свидетельства позволяют неоспоримо установить принадлежность к числу отечественных вдохновителей члена кадетского центрального комитета масона В. А. Маклакова, председателя Государственной думы октябриста М. В. Родзянко, фактического лидера великокняжеской фронды Н. М. Романова и других членов царской семьи. По свидетельству Маклакова, он ранее с Юсуповым знаком не был и впервые принял его 6 или 7 ноября 1916 г. Тот якобы сказал, что у кадетов имеется как бы два выхода: либо купить, либо убить Распутина. Собеседники тогда ни о чем не договорились. Через некоторое время в момент перерыва заседаний Думы к Маклакову подошел Пуришкевич и спросил, виделся ли он с Юсуповым. Получив утвердительный ответ, черносотенец сказал: «Ну так знайте, теперь решено, Распутин будет убит». Затем назвал участников и дату убийства — ночь с 16 на 17 декабря. «Как бы я ни относился к убийству, — лицемерно вздыхает Маклаков, — оно все равно совершилось бы. Я не мог ему помешать, но и не хотел помогать»¹⁴⁷. В то же время он признается в согласии «помочь своим опытом». Особенно беспокоило исполнителей и вдохновителей, чтобы убийство не стало «прологом к революции»¹⁴⁸.

В полном курсе плана заговорщиков был председатель Государственной думы Родзянко, приходившийся дядей Юсупову¹⁴⁹. Родзянко снабжал родственника политической информацией, в том числе и о своих встречах с Николаем II. С другой стороны, жена Родзянко, урожденная княгиня Голицына, делилась новостями с матерью Юсупова, которая знала все о заговоре¹⁵⁰. Как свидетельствует Юсупов, слова Родзянко, что единственный шанс спастись состоит в убийстве «негодяя», укрепили его решимость действовать¹⁵¹.

Третья нить связывала заговорщиков с лидером великокняжеской фронды Николаем Михайловичем, старшей сестрой императрицы Елизаветой Федоровной¹⁵² и другими членами семьи Романовых. В начале ноября 1916 г. Пуришкевича пригласил к себе Николай Михайлович и делился с ним тревогами в связи с «ужасным положением династии из-за влияния Распутина», что создавало угрозу катастрофы для России. Все обращения на этот счет

к царю ни к чему не привели¹⁵³. Отметим, наконец, что Юсупов, учившийся в Оксфордском университете, имел немало друзей в Англии. Некоторые из них находились тогда в Петрограде. По словам Юсупова, «в курсе нашего плана» был некий офицер Освальд Рейнер¹⁵⁴.

Таким образом, неоспоримо, что заговорщики действовали с ведома части лидеров прогрессивного блока и великокняжеской фронды, которая в сущности являлась правым крылом того же блока. О готовившемся покушении определенно знали англичане.

Какие же конкретно цели преследовали заговорщики? По словам Маклакова, Юсупов и его сообщники полагали, что после устранения Распутина императрица потеряет душевное равновесие и ее придется поместить в психиатрическую больницу. Тогда все переменится, и царь «сделается хорошим конституционным монархом»¹⁵⁵. Жена Родзянко писала матери Юсупова 1 декабря 1916 г.: «После официального сообщения о предложении Германии и Австрии начать мирные переговоры очень опасаются распутинского согласия на заключение мира помимо союзников. Все вероятно. Послы французский и английский жаловались... что их принимают с трудом, и Германия через Александру Федоровну старается восстановить царя против союзников. Никогда Россия не видела таких черных дней и таких недостойных представителей монархизма»¹⁵⁶.

Чисто внутренние мотивы переплетались с внешнеполитическими. О приверженности Распутина к идее заключения сепаратного мира свидетельствует немало источников. И несомненно, данное обстоятельство вызывало у Антанты дополнительное беспокойство¹⁵⁷.

Тем временем Пуришкевич трубил среди знакомых о намерении ликвидировать царского фаворита. Он даже называл дату и участников акции. Но подобная алогичность была, пожалуй, приемом, призванным усыпить бдительность будущей жертвы, а попутно и дезориентировать охранку. Действительно, все слушавшие Пуришкевича с иронией отнеслись к его откровениям. И даже Распутин не воспринял всерьез предупреждение Протопопова, сделанное им по телефону 16 декабря 1916 г. С 12 до 22 часов вечера того дня в квартире Распутина находилась графиня Головина. Под вечер он ей сказал в несколько возбужденном состоянии и в шутливом тоне: «А я сегодня поеду». Куда именно — не пояснил, к таким ночным отлучкам давно привыкли. Только дочь Матрену он уведомил о предстоящем визите к «маленькому», т. е. к Юсу-

пову по его приглашению, и просил не говорить об этом Головиной¹⁵⁸. К 24 часам за ним заехали на быстроходном автомобиле и повезли во дворец Юсупова. В предвкушении встречи с женщинами проходимец облачился в лучшие одежды, не ведая о том, что супруга Юсупова с дочерью находилась тогда в Крыму. Прибывшие прошли в одну из комнат нижнего, полуподвального этажа, а на верхнем собрались соучастники, которые завели граммофон. По объяснениям Юсупова, там находилась его теща, жена и несколько ее знакомых. Скоро, мол, они разойдутся, и жена спустится к ним. Он предложил и затеял разговор о колдовстве и спиритизме, излюбленной теме Распутина. На круглом столе находилась тарелка с пирожными, начиненными цианистым калием, а также отравленное вино. Однако яд почему-то не подействовал, и Юсупов, сказав, что идет за женой, поднялся к сообщникам за советом. Пуришкевич предложил пристрелить Распутина, и Дмитрий Павлович дал ему свой револьвер. Юсупов возвратился к жертве и, когда тот отвернулся, выстрелил ему в бок. Распутин, испустив крик, свалился на пол. Труп осмотрели, не нашли никаких признаков жизни, и все вышли в другую комнату. Однако Распутин был жив, ему удалось выползти во двор, где Пуришкевич выпустил в него еще несколько пуль. Труп завернули в сукно, перевязали веревками, втиснули в автомобиль, рядом положили обувь и верхнюю одежду. С одного моста через Малую Невку тело сбросили в полынью и отдельно шубу, шапку, калоши. В темноте не заметили, что одна калоша застряла на льду¹⁵⁹.

Нельзя согласиться с мнением, что будто после убийства Распутина «об этом не было напечатано ни строчки», а отчет о расследовании обстоятельств убийства «никогда не публиковался», ибо документ был передан царю, который похоронил его «в делах своей личной канцелярии», что убийство «получило освещение главным образом в многочисленных мемуарах и записках современников, причем с большими разночтениями как в деталях, так и в оценках этого события»¹⁶⁰.

Напротив, кадетская «Речь» писала 20 декабря 1916 г., что «найден прибывшим к берегу труп Григория Распутина», а 21 декабря поместила большую статью «Григорий Распутин» и другие материалы о нем. В номере была напечатана статья некоего Л. Львова «Из встреч с Распутиным».

Немало материалов появилось и в других газетах. «Отчета» о расследовании обстоятельств убийства, види-

мо, вообще не существовало. В официальном дознании по этому поводу отмечено, что 17 декабря 1916 г. управляющий МВД Протопопов предписал произвести следствие по делу «об исчезновении Григория Ефимовича Распутина» генералу Н. К. Попову. Но уже 19 декабря получил указание директора Департамента полиции А. Т. Васильева прекратить дальнейшее производство дознания, ибо в дело был замешан, как оказалось, член царской семьи, и оно больше не подлежало общему судопроизводству.

После настоятельных просьб императрицы Николай II вечером 19 декабря 1916 г. прибыл в Царское Село. Еще ранее Александра распорядилась посадить Дмитрия и Юсупова под домашний арест. Но тогда началось энергичное заступничество за них представителей царской семьи. Мать царя прислала телеграмму с просьбой прекратить следствие. На том же настаивали и члены правительства, опасаясь неблагоприятных политических последствий возможного процесса. Монарху пришлось отступить. Дмитрию было приказано выехать в Персию в распоряжение командующего русскими войсками генерала Баратова. Юсупов и Николай Михайлович были высла- ны в их имения. Пуришкевич и другие не понесли ника- кого наказания. Роль Маклакова вообще осталась неизвестной. 29 декабря 16 членов дома Романовых обра- тились к царю с коллективным письмом о смягчении на- казания Дмитрию по причине «слабого здоровья» и про- сили разрешить великому князю поселиться в одном из его поместий в центре страны. Однако царь остался не- преклонным¹⁶¹.

Как же реагировали на убийство в России? Предста- вители великокняжеской фронды не скрывали восхище- ния «патриотическим поступком». 18 декабря сестра им- ператрицы Елизавета прислала Дмитрию телеграмму: «Прошу дать мне письмом подробности событий. Да укреп- лит Бог Феликса после патриотического акта, им испол- ненного». А матери Юсупова она писала: «Все мои глу- бокие и горячие молитвы окружают вас всех за патри- отический акт вашего дорогого сына»¹⁶². Родзянко констатирует в мемуарах: «Вне всякого сомнения, что главные деятели этого убийства руководились патриотическими целями. Видя, что легальная борьба с опас- ным временщиком не достигает цели, они решили, что их священный долг избавить царскую семью и Россию от окутавшего их гипноза. Но получился обратный резуль- тат»¹⁶³. Такие ожидания не оправдались.

Как же отнеслись союзники к убийству Распутина? 19 декабря 1916 г. английский посол Бьюкенен неожиданно устроил в фешенебельном ресторане Контана вместо традиционной ежегодной встречи банкет представителей британской колонии с участием Родзянко и Сазонова. Посол, воспользовавшись случаем, ратовал за необходимость продолжать войну до победного конца. Оба события вряд ли были случайным совпадением. Глава английской разведки в России Хор признает, что о предстоящем убийстве его заранее предупредил Пуришкевич. Но он ничего не сообщил властям, став затем первым из западных представителей, доложившим своему правительству подробности ликвидации временщика. Не скрыл он и расчетов, с этим связанных, в том числе на «немедленную отставку Протопопова и различных шефов тайной полиции», а также на постепенное устранение с ответственных постов видных распутинцев, которых считали германофилами¹⁶⁴. Разумеется, Хор отрицал причастность англичан к убийству. Локкарт признавал, что из трех убийц он был лично знаком с вел. кн. Дмитрием Павловичем, который питал «больше, чем другие великие князья, симпатии к Англии». Все они, мол, верили в «старый режим и хотели его спасти», действуя из соображений, «пожалуй, неправильно понятого патриотизма»¹⁶⁵. Бьюкенен ограничился в своих мемуарах лишь беглым описанием событий.

Убийство Распутина было первым, как бы предупредительным шагом контрреволюционного заговора буржуазно-либеральных кругов и великокняжеской фронды, чтобы удержать самодержавие от неприемлемых перемен внутренней и внешней политики. Не вызывает сомнений причастность к делу Англии, озабоченной ликвидацией германофильских влияний среди части придворных сфер и правых группировок. Вторым этапом заговора, если Николай II не уступит, мыслилось проведение дворцового переворота.

Но царизм достаточно быстро провел уже намеченные меры по пресечению нежелательных действий буржуазии. 20 декабря 1916 г. Протопопов стал министром внутренних дел. Министр юстиции А. А. Макаров был заменен распутинским клеветом Н. А. Добровольским. Сами вышли в отставку Трепов и министр народного просвещения Игнатьев. 27 декабря председателем Совета министров был назначен 67-летний князь Н. Д. Голицын, который руководил Комитетом помощи русским военнопленным под патронажем самой императрицы. Ранее он

никогда не занимал сколько-нибудь ответственных постов и не соглашался на этот, но царь настоял на своем. По предложению Протопопова был увеличен срок перерыва в занятиях Думы до 14 февраля. 1 января 1917 г. последовал указ об изменении состава Государственного совета, из которого вывели 8 членов группы Центра, 4 правых (из-за глубокой дряхлости) и 4 беспартийных. Их места заняли исключительно правые деятели. Председателем этого органа сделали ярого реакционера И. Г. Щегловитова. Согласно телеграмме французского посла Палеолога своему правительству 23 декабря 1916 г., царь якобы сказал Трепову: «Если мне придется перевешать даже половину России, я все равно не уступлю»¹⁶⁶.

Реакционные силы и камарилья предпринимали все новые шаги для консолидации рядов сторонников самодержавия и выработки дальнейших мер борьбы против революционных сил трудящихся, а также нейтрализации либеральной буржуазии.

В международной сфере сколько-нибудь существенных изменений не наступило. При рассмотрении данного аспекта необходимо разграничение между официальной политикой, которую проводил просоюзнически настроенный МИД России, и линией камарильи, осуществляемой с благословения царя и особенно императрицы по скрытым каналам династических и иных связей дома Романовых. Так, в дневнике императрицы за декабрь 1916 г. отмечена среди посетительниц немецкая медицинская сестра баронесса Ягерн¹⁶⁷, которая могла, конечно, служить надежным курьером в сношениях с Берлином. Было немало и других посредников. Ведь еще в 1919 г. известная будапештская газета «Пештер Ллойд» утверждала, что в описываемое время русский двор адресовал неоднократно предложения центральным державам о заключении ими сепаратного мира при нейтральном посредничестве. Но демарши эти отклонялись, о чем свидетельствуют и данные из немецких архивов. Оказывается, камарилья повторила 11 января 1917 г. через де Круифа комплекс предложений от 3 октября 1916 г. И на сей раз они встретили решительный отказ немецкого верховного командования¹⁶⁸.

Тем не менее правящие круги Германии сделали попытку перевести отмеченные демарши в официальную плоскость при содействии болгарского посланника в Берлине Ризова. В середине января 1917 г. он приехал в Стокгольм и сообщил Неклюдову о желании своего правительства начать переговоры о прекращении войны

между Болгарией и Россией. Не дождавшись ответа Петербурга, Ризов отбыл в столицу Норвегии ¹⁶⁹.

Посланник России в Христиании Гулькевич 22 января 1917 г. телеграфировал в Петроград, что к нему неожиданно явился Ризов с сообщением о намерении Германии «на чрезвычайно выгодных условиях заключить сепаратный с Россией мир», о чем просил телеграфировать царскому правительству. По поводу условий упомянул лишь о «решении Германии обеспечить выход из Черного моря не только нашей торговле, но и военным и морским силам». Министр иностранных дел Н. Н. Покровский дал Неклюдову и Гулькевичу указание в случае новых демаршей Ризова добиться от него более точной формулировки условий ¹⁷⁰. Такой подход свидетельствовал с определенностью о стремлении самодержавия не обрывать зондажей, а продолжать их в предвидении уточнения условий с германской стороны.

Определенное значение имеет, на наш взгляд, дешифрованная и доложенная Николаю II телеграмма английского посланника в Копенгагене Педжета на имя Грея от 10 февраля 1917 г.: «Г. Андерсен уведомил меня конфиденциально, что, по сведениям, полученным им от одного шведского банкира, между чинами русского и германского министерств иностранных дел начаты переговоры о заключении сепаратного мира. Посредниками в этих переговорах являются шведско-немецкие банкиры и банкиры германского происхождения в России. Условия следующие: признание уступки Константинополя и... NN вполне осведомлен об этих... * Датский посланник в Петрограде сообщил, что есть план... * NN и или возвести на престол великого князя Александра, или создать... * регентство» ¹⁷¹. Представляется доказанным стремление камариллы перейти от простого участия в скрытых контактах к формулированию собственных условий сепаратного мира, которые доводились и до сведения Берлина. Речь конечно же шла не о формальных переговорах, а об активизации взаимного прощупывания на предмет подготовки сделки, причем возможно сперва о перемирии, чтобы сорвать борьбу трудящихся за демократический мир.

В. И. Ленин внимательно следил за мировой обстановкой, углубляя данные им ранее оценки на прочной основе выявленных закономерностей. Так, в статье «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический» формулировались главные признаки «поворота от империалист-

* Пропуск слов в подлиннике.

ской войны к империалистскому миру»: несомненное сильное истощение обеих коалиций и трудность продолжать войну дальше, пресыщение финансового капитала нейтральных стран, который гигантски нажился на войне, «усиленные попытки Германии отколоть от ее главного империалистского соперника, Англии, того или другого союзника; пацифистские выступления германского правительства, а за ним и ряда правительств нейтральных стран...»¹⁷² Отсюда вытекали две возможности, первой из которых Ленин считал заключение сепаратного мира между Германией и Россией «хотя бы и не в обычной форме письменного формального договора»¹⁷³. (Второй возможностью В. И. Ленин считал такое положение, когда мир заключен не будет.)

Последовательная антивоенная платформа большевиков органически сочеталась с постановкой революционных целей в духе пролетарского интернационализма. В противовес империалистическому миру выдвигалась концепция мира демократического, призванного навсегда избавить человечество от войн за передел земного шара. В начале декабря 1916 г. на многих фабриках и заводах Петрограда были проведены многотысячные митинги, на которых рабочие принимали соответствующие резолюции¹⁷⁴. Пролетариат бастовал по случаю очередной годовщины Кровавого воскресенья (9 Января) — суда над большевиками — депутатами Думы.

Помимо чисто парламентских методов борьбы часть буржуазных либералов продолжала подготовку дворцового переворота*. Так, один из лидеров этого течения, Гучков, свидетельствовал впоследствии: «План заключался в том (я только имен не буду называть), чтобы захватить по дороге между Ставкой и Царским Селом императорский поезд, вынудить отречение, затем одновременно при поддержке воинских частей, на которые здесь в Петрограде можно было рассчитывать, арестовать существующее правительство и затем уже объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавят собою правительство. Таким образом, вы видите, дело пришлось бы иметь не со всей армией, а с очень небольшой ее частью. Надо было найти часть, которая была бы расположена для целей охраны по железнодорожному пути, а это было трудным. Здесь Петроградский гарнизон не представлял, конечно, трудностей, но все-таки мы не желали бы ка-

* Подробно об этом говорится в работах В. С. Дякина, В. Я. Лаверычева, Е. Д. Черменского и др.

саться солдатских масс»¹⁷⁵. Основная ставка в данном плане делалась на привлечение кучки генералитета и офицерства, что частично и удалось осуществить. Следовательно, лишь небольшая группа исподволь вела подготовку к захвату власти при поддержке верхушки соглашательских партий. Среди них были Гучков, Коновалов, Ефремов, Некрасов, Терещенко, Керенский и ряд других деятелей, в коих иные исследователи усматривают лишь участников влиятельной масонской организации. Но это было малочисленное тайное политическое общество, в которое входили и масоны, принятые во французские или английские ложи. Их известный общественный вес определялся отнюдь не принадлежностью к ордену, а активным участием в деятельности буржуазных и мелкобуржуазных партий. Многие факты говорят о том, что подготовка дворцового переворота велась. За действиями заговорщиков охранка установила тщательное наблюдение, и это, без сомнения, заставляло их откладывать приведение в исполнение намеченных планов и тщательно заматывать следы.

Как же реагировали на происходившие в России события представители Антанты, которые находились в курсе дел благодаря своим обширным связям? «Революция, — писал Бьюкенен, — носится в воздухе, и единственно не ясно, будет ли она проведена сверху или снизу. О дворцовом перевороте говорили открыто, и на обеде в посольстве один мой русский друг, который занимал высокий пост в правительстве, заявил, что это сводилось просто к тому, будут ли убиты царь и императрица вместе или только последняя. С другой стороны, в любой момент мог произойти и взрыв народного недовольства, вызванный продолжавшейся нехваткой продовольствия»¹⁷⁶. Приведенная запись относится к январю 1917 г., когда посол «дружественной» державы обсуждал откровенно с лидерами оппозиции вопрос не только об отстранении от власти монарха, но и о физической ликвидации его вместе с женой. А глубинной причиной был неизбежный страх перед надвигающейся революцией. Все-таки буржуазия в той обстановке опасалась начать дворцовый переворот, и потому Бьюкенен по просьбе ее лидеров, в частности Родзянко, решил «предпринять последнюю попытку спасти царя»¹⁷⁷.

12 января 1917 г. (н. ст.) царь принял Бьюкенена и высказал надежду, что предстоящая межсоюзническая конференция в Петрограде окажется последней перед «завершающей мирной конференцией». Посол высказал

сомнения, ибо «политическая обстановка в России не позволяет ожидать сколько-нибудь крупных результатов от ее работы». Развивая свою мысль, он говорил об отсутствии гарантий в том, что «нынешнее русское правительство сохранится и решения конференции будут соблюдаться его наследниками». На возражение Николая II относительно беспочвенности таких опасений посол отвечал, что «координация наших усилий еще является недостаточной, если в каждой из союзных стран отсутствует полная солидарность между всеми классами населения». Поучая собеседника, Бьюкенен оперировал, конечно, примером Англии в осуществлении внутренней политики. Попутно он изложил в несколько приглаженном виде и пожелания буржуазии о создании «министерства доверия», о назначении его главой сильного человека, пользующегося доверием самодержца и всей нации, о необходимости считаться с Думой и с земствами. Царь особенно не возражал, и тогда ободренный посол прямо заявил, что немцы «оказывают косвенное влияние на императрицу через лиц ее окружения», в результате чего «ее дискредитируют и обвиняют в работе на интересы Германии». Бьюкенен выразил недовольство Протопоповым, ибо, «пока он останется на посту министра внутренних дел, между правительством и Думой не будет сотрудничества, которое является главным условием победы». Сославшись на факт известной встречи в Стокгольме с Варбургом, посол заявил, что тот «действует в пользу примирения с Германией». Но Николай II отклонил такое утверждение¹⁷⁸. На предупреждение Бьюкенена о создавшемся опасном положении внутри страны — «на революционном языке разговаривают теперь не только в Петрограде, но и во всей России» — монарх ответил, что не стоит придавать разговорам об этом слишком серьезного значения. Англичанин даже намекал на планы дворцового переворота. Царь занервничал и находился в возбужденном состоянии. Узнав о беседе, императрица добивалась обсуждения возможности отозвания Бьюкенена с поста¹⁷⁹.

Подробные оценки складывавшейся ситуации регулярно направлял в Лондон и глава английской разведки в России Хор. В донесении от 7 января 1917 г. говорилось о его поездке в Москву, где «главные военные и земские представители» отмечали с редкой откровенностью «невыносимое положение» России. Даже начальник Московского военного округа, являвшийся самым закоренелым консерваторм, считал существование тогдашнего

строю безнадежным. Как отмечалось в донесении Хора от 18 января 1917 г., «прогрессивные» партии спокойно продолжают организационную работу, и их руководители полны решимости не предпринимать шагов, которые сыграют на руку противнику на фронте и в тылу. Они принимают все меры предосторожности о недопущении повторения «анархических взрывов», что, дескать, дискредитировало и подорвало дело революции 1905 г.¹⁸⁰, которая сошла с накатанного буржуазно-либерального курса, столь дорогого западным империалистам. В свою очередь английский посол во Франции лорд Берти, имевший собственные источники информации, писал в дневнике: «Я думаю, что скоро должна последовать трагедия во дворце русского императора или революция, поддержанная армией»¹⁸¹.

Дополнительные сведения о политике Великобритании в «русском вопросе» содержат французские документы, прежде всего донесения в Париж представителя разведывательного отделения генерального штаба Франции в России капитана де Малейси. Обозревая совсем недавнее тогда прошлое, он отмечал 4 апреля 1917 г., что главной причиной Февральской революции было всеобщее недовольство царем и императрицей всех классов общества, начиная с их ближайшего окружения и до рабочих включительно. По его мнению, заговор англичан и кадетско-октябристского блока, вдохновителем коего якобы был Бьюкенен, а главарем Гучков, имел в виду только «отречение самодержца и установление либеральной опеки с одним из великих князей в качестве регента», но события предвосхитили их планы. Весьма хитроумный и долго готовившийся Гучковым заговор поддерживали различные «технические комитеты» (видимо, ВПК), ему симпатизировал вел. кн. Николай Николаевич и более скрытно, но эффективно генерал Алексеев (в течение длительного времени он действовал по договоренности с Гучковым и тайно ему помогал)¹⁸². О том же писал в дневнике и глава французской военной миссии в России генерал Жанен 7 апреля 1917 г., отмечая, что англичане рассчитывали на получение крупных концессий, в частности на северные леса, кавказскую нефть и т. д., чем интересовались и американцы. Французы же занимали, мол, выжидательную позицию¹⁸³. На деле и французы вели аналогичную, согласованную с англичанами линию, но тщательно ее маскировали.

В Лондоне и в Париже все более убеждались в недостаточной эффективности действий в России дипломати-

ческого и разведывательно-пропагандистского аппарата. «Мы были обеспокоены, — признает французский премьер Рибо, — донесениями, получаемыми от нашего посла. Готова ли Россия принять участие в крупном наступлении 1917 г., как она обещала? Не увлекают ли царя идеями преждевременного заключения мира?» Беспокоило французов и то, что они не имели никакого письменного обязательства Николая II поддержать их притязания на Эльзас и Лотарингию, а также на создание независимого государства на левом берегу Рейна в качестве буфера между Францией и Германией¹⁸⁴. Дополнительное средство давления на царизм державы Антанты видели в межсоюзнической конференции в Петрограде, которая, по мнению английского премьера Ллойд Джорджа, «была последней, правильное сказать, первой организованной попыткой союзников предупредить или отсрочить катаклизм» в России. Пишет он и о «радушных надеждах» ряда кругов Петрограда, что «союзная конференция может привести к какому-либо соглашению, которое позволит под тем или иным предлогом выслать Николая и его жену из России и возложить управление страной на регента»¹⁸⁵.

Конференция Антанты проходила с 19 января по 7 февраля 1917 г. Английскую делегацию возглавлял влиятельный член кабинета, министр без портфеля лорд Мильнер, французскую — министр колоний Думерг, итальянскую — сенатор Шалойя. На официальных заседаниях обсуждались вопросы координации военных усилий союзников, а также снабжения России военными материалами. Сколько-нибудь значительных результатов в отмеченном плане достигнуто не было. Интерес представляют главным образом закулисные действия англичан вне рамок конференции. Вскоре после конференции путем обмена дипломатическими нотами Россия согласилась на французские «предложения» относительно определения западных границ с Германией после войны в обмен за признание Францией «полной свободы для России в определении ее западных границ»¹⁸⁶.

Записка Петроградского охранного отделения от 6 февраля 1917 г. гласит: «Находясь в непосредственном общении с английским посольством, кадеты черпают оттуда соответствующие указания и советы». Согласно сведениям той же охранки от 15 февраля, в «последнее время» Бьюкенена часто посещали граф Игнатьев, Гучков, Родзянко и Рябушинский¹⁸⁷. Протопопов позднее свидетельствовал: «Достоинно замечания, что посол Англии,

нашей союзницы, сочувствовал, может быть, и содействовал работе нашей оппозиции. Он, вероятно, предполагал, что за успехом этой работы последует взрыв энтузиазма, способный склонить чашу весов военного счастья на сторону держав согласия». Протопопов даже докладывал царю о сношениях Бьюкенена с главнейшими деятелями «прогрессивного» блока, предлагая установить наблюдение за посольством, но тот не согласился¹⁸⁸. Последнее, конечно, не соответствует истине, поскольку такое наблюдение осуществлялось давно и систематически. Требовались, видимо, решительные меры по пресечению подобного «сотрудничества», на что самодержавие пойти опасалось.

Внимания заслуживают и оценки немцами положения в России, основанные на донесениях своей агентуры. В начале января 1917 г. Эрцбергер получил следующую информацию: «Все говорят о неизбежности в России революции, которая вспыхнет тотчас же после заключения мира. Все старые русские офицеры, которым царь мог доверять, погибли, а молодые офицеры принадлежат к партии Миллюкова. В случае революции на них нельзя рассчитывать и тем более на солдат, которыми они командуют»¹⁸⁹. Бетман-Гольвег пишет в мемуарах: «В январе 1917 г. после польского манифеста* Париж и Лондон признали положение России настолько угрожающим, что к 1 февраля созвали в Петербурге конференцию Антанты с намерением найти наиболее мощные средства для продолжения войны. Лорду Мильнеру, английскому уполномоченному на этой конференции, было поручено склонить царя дать ответственное перед Думой министерство. Это должно было сгладить отношения между царем и Думой, которая не была уверена в исходе войны. Когда царь отклонил это, лорд Мильнер предложил ему назначить Сазонова первым министром и министром иностранных дел. В Сазонове Ллойд Джордж был уверен. Но и эта попытка потерпела неудачу вследствие упорства царя»¹⁹⁰. Со своей стороны близкий родственник Вильгельма II и Николая II Макс Баденский отмечает: «Целью миссии Мильнера в Россию было не только оказание содействия восстановлению военной организации страны. В его задачи также входило убедить царя ввести в правительство людей, на которых мог бы опираться думский блок и союзники. Напряжение должно раньше или позже

* Речь идет о создании так называемого Польского Королевства.

привести к взрыву». Стремясь предпринять очередную попытку заключения мира с Россией, Баденский подготовил письмо к царю, в котором указывал на опасность продолжения войны для империи и династии Романовых. Ссылаясь на имеющуюся информацию о старании английского посла Бьюкенена вызвать в России переворот, он предлагал предпринять меры по заключению мира на приемлемых для всех сторон условиях. Письмо осталось неотправленным, ибо в России началась Февральская революция¹⁹¹.

Согласно изысканиям английского историка Земана, МИД Германии в период с сентября 1916 по март 1917 г. по-прежнему оказывал финансовую помощь различным сепаратистским движениям России, особенно финскому и украинскому. Посланник в Берне Ромберг продолжал поддерживать связи с эсером Цевиным, которого даже отправили в январе 1917 г. в Скандинавские страны, очевидно для налаживания связей между немецкими агентами в Швейцарии и в России. После неудачи в этом плане МИД Германии прекратил его субсидирование. Но Цевин не унывал. По возвращении в Берн он стал выклянчивать у Ромберга и военного атташе Шуберта немалую сумму до 500 тыс. франков якобы для «разжигания» революции в России. Шуберт запросил советника миссии в Берне проверить утверждения авантюриста о большом влиянии эсеров, а также о том, действительно ли их движение направляется из Швейцарии¹⁹², т. е. вновь подтверждается, что немцы пытались делать ставку на эсеров.

Накануне Февральской революции имели место новые тайные контакты немцев с царской камарильей. В конце февраля 1917 г. в Копенгаген приехал журналист и банковский делец с большими связями в германофильских сферах И. И. Колышко, который, как упоминалось, вел ранее переговоры о сепаратном мире со Стиннесом. Он предполагал встретиться с Эрцбергером. Наконец 25 февраля Австро-Венгрия и Германия получили различными путями новое спешное обращение «русских придворных кругов». Они обвиняли Англию в стремлении узурпировать при поддержке интеллигенции и военных высшую власть в России, а посла Бьюкенена — в прямой подготовке дворцового переворота. Авторы обращения заклинали прислушаться к их призыву и без затяжки начать мирные переговоры. Они высказали готовность расширить в некоторых пунктах мирную программу октября 1916 г. Немецкое главное командование и на сей раз отвергло

предложение камарильи, полагая, что угроза внутренних осложнений сделает контрагентов более податливыми и побудит принять все его условия¹⁹³.

Вероятно, взаимные сепаратные зондажи шли практически непрерывно, вселяя в державную чету надежды на заключение в будущем сепаратного мира, основные пункты которого уже обговаривались¹⁹⁴. Намерения камарильи состояли в том, чтобы с помощью полностью послушного себе правительства и Государственного совета в обстановке роспуска Думы попытаться выйти из войны, порвав с Антантой. Однако Николай II, сочувствуя такому плану, опасался его санкционировать. Не пошел он и на решительные меры в соответствии с пожеланиями Александры. Немцы, допустив просчет в оценке внутренней обстановки в России, заняли выжидательную позицию.

Большевики в свою очередь готовились к решающей схватке. Еще в 1906 г. В. И. Ленин написал актуальную рэбату «Заговоры реакции и угрозы погромщиков», в которой со ссылкой на статью в правительственной газете «Россия» вскрыл подготовку «военных сил Германии совместно с Австрией для вторжения в Россию, если дело свободы победит или будет побеждать». Общий итог гласил: «Итак, заговор международной контрреволюции не подлежит сомнению. Русское правительство против русского народа призывает на помощь иностранные войска. Переговоры об этом велись и ведутся и привели уже к достаточно определенному договору». Рабочие и крестьяне должны знать, «что правительство предает родину для того, чтобы обеспечить господство шайки погромщиков. Так всегда бывало и так всегда будет. История учит, что господствующие классы всегда жертвовали всем, решительно всем: религией, свободой, родиной, если дело шло о подавлении революционного движения угнетенных классов»¹⁹⁵. Реакция Запада на первую народную революцию в России повторялась и в преддверии социалистической революции.

Совокупность явных и тайных планов, замыслов, действий внутренних реакционных сил в союзе с международным империализмом была направлена, нацелена против революционного движения в нашей стране.

М. Н. Покровский, исследуя эту проблему, писал, что у так называемого прогрессивного блока, у империалистической русской буржуазии, с одной стороны, и у английского посла Бьюкенена — с другой, «явилась мысль убрать царя, убрать неспособного, непопулярного Николая и осо-

бенно непопулярную Александру Федоровну и на место их посадить императора общественного доверия, Михаила... В этом направлении был организован целый заговор, — напоминал историк, — целый план дворцового переворота, который оборвала внезапно для этих людей вспыхнувшая Февральская (точнее, «Мартовская») революция. Она вспыхнула внезапно только для этих людей, потому что даже царская охранка уже в январе доносила, что настроение очень напоминает то, какое было в начале 1905 г.»¹⁹⁶.

Рассматривая общественные явления, определяемые учеными как заговоры буржуазии и царизма против революции — «два заговора» (на наш взгляд, такая формулировка в целом отражает тогдашние процессы в стане противника), предпочтительнее держаться ближе к ленинской терминологии, согласно которой имелся в виду комплекс тайных заговоров, направленных острием против революционного движения, наряду с попытками сведения счетов между буржуазией и царизмом. Главное, следовательно, заключается в широкой политической трактовке действий классового врага, а не в замене их техническими деталями и конкретными шагами, которые, кстати сказать, недостаточно выяснены и по сей день. Так, в центр «заговора царизма» В. С. Дякин ставит расплывчатые факторы «целенаправленности и решительности в политике самодержавия»¹⁹⁷, т. е. субъективные категории. Е. Д. Черменский, не раскрывая своего понимания «двух заговоров», приводит слова Гучкова, что практически для реализации заговора буржуазии в форме дворцового переворота «ничего не было сделано и вся „подготовка“ свелась к разработке всевозможных, порой фантастических вариантов переворота»¹⁹⁸. Столь прямолинейная логика не соответствует ленинским положениям и развитию событий.

Заговор контрреволюции не был каким-то единичным актом. Он представлял собой совокупность довольно сложных и противоречивых действий, которые развивались постепенно и к февралю 1917 г. еще не вышли из подготовительной стадии. По многим свидетельствам, дворцовый переворот планировался на март, но его предвосхитила революция. К тому же необходимо учитывать, что в общем заговоре реакции были как бы мини-заговоры, прежде всего убийство Распутина, и оно-то проводилось по известной схеме политического терроризма.

19 февраля 1917 г. В. И. Ленин сообщал И. Ф. Арманд: «Дорогой друг! Получили мы на днях отрядное письмо из Москвы... Пишут, что настроение масс хорошее, что шови-

пизм явно идет на убыль и что наверное будет на нашей улице праздник»¹⁹⁹. Начавшаяся вскоре буржуазно-демократическая революция навсегда ликвидировала в России самодержавный антинародный строй, открыв реальные перспективы перехода трудящихся под руководством большевиков к революции социалистической.

В своих «Письмах из далека» Ленин дал всесторонний анализ характера и движущих сил второй русской революции, раскрыл ее потаенный механизм, обнажил цели главных участников. Отмечая наличие объективных моментов, прежде всего опыта первой русской революции и империалистической войны, он подробно остановился и на субъективных элементах. «Эта восьмидневная революция, — писал Ленин, — была, если позволительно так метафорически выразиться, «разыграна» точно после десятка главных и второстепенных репетиций; «актеры» знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия». Первый этап революции показал, «во-1-х, совместный удар царизму, нанесенный двумя силами: всей буржуазной и помещичьей Россией со всеми ее бессознательными прихвостнями и со всеми ее сознательными руководителями в лице англо-французских послов и капиталистов, с одной стороны, и *Советом рабочих депутатов*, начавшим привлекать к себе солдатских и крестьянских депутатов, с другой»²⁰⁰.

Связь англо-французского империализма с октябристско-кадетским капиталом России ускорила кризис самодержавия «путем прямо-таки *организации заговора** против Николая Романова». «Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что английское и французское посольства с их агентами и «связями», давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помешать «сепаратным» соглашениям и сепаратному миру Николая Второго (и будем надеяться и добиваться этого — последнего) с Вильгельмом II, непосредственно организовывали заговор вместе с октябристами и кадетами, вместе с частью генералитета и офицерского состава армии и петербургского гарнизона особенно для *смещения* Николая

* Эта формулировка была подробно обоснована В. И. Лениным в пяти «Письмах из далека», написанных им на основе точной информации ЦК РСДРП из России. О «заговоре» в политическом значении слова Ленин говорил и после возвращения на родину в докладе на Петроградской общегородской конференции РСДРП(б) 14 апреля 1917 г. (Полн. собр. соч., т. 31, с. 239).

Романова»²⁰¹. Развивая и уточняя цитированные положения, он отмечал: «Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К° к захвату власти *в интересах продолжения империалистской войны*, в интересах еще более яркого и упорного ведения ее, в интересах *избиения новых миллионов* рабочих и крестьян России для получения Константинополя... Гучковыми, Сирии... французскими, Месопотамии... английскими капиталистами и т. д. Это с одной стороны. А с другой стороны, глубокое пролетарское и массовое народное (все беднейшее население городов и деревень) движение революционного характера за *хлеб*, за *мир*, за *настоящую свободу*»²⁰².

Таковы подлинные пружины широкого контрреволюционного заговора, являвшегося составной частью политики империалистов, которые стремились в союзе с внутренними эксплуататорами сохранить помещичье-буржуазный строй в стране, воспрепятствовать ее переходу на рельсы социализма и ввергнуть трудящихся России в еще более тяжелое ярмо иностранной кабалы и расчленения государства. Под руководством ленинской партии при гегемонии пролетариата заговорщикам был дан решительный отпор, что не позволило ни империалистам Антанты, ни их противникам из лагеря центральных держав осуществить за счет народов России свои захватнические замыслы.

НЕОБРАТИМЫЙ ПРОСЧЕТ

ПОКРОВИТЕЛИ ВРЕМЕНЩИКОВ

**Революция сметает царизм. Подходы Запада.
Большевики выходят из подполья. Ориентации
двоевластия. Международные позиции партий.
Германия и Россия. Беспочвенность
масонской легенды.**

Общенациональный кризис в России стал к весне 1917 г. особенно острым и напряженным вследствие резкого усиления противоречий между трудом и капиталом на почве безысходной войны. И без того тяжелейшие условия жизни широких слоев населения стали невыносимыми. Всеобщее недовольство проявлялось в непрерывно нараставшем революционном движении, в котором тесно переплетались осознанные действия пролетариата под руководством большевиков со стихийными выступлениями рабочих, крестьян, солдат, городской мелкой буржуазии против самодержавия. В январе 1917 г. число политических стачек возросло со 134 (октябрь — декабрь предыдущего года) до 229, а число стачечников — со 149 408 до 162 978. За тот же период число экономических стачек снизилось со 177 до 153, но количество стачечников одновременно выросло до 482 229 человек (было 422 461)¹. Удельный вес участников политических забастовок в январе 1917 г. составил 65% всех стачечников. Только в Петрограде из 130 забастовок 115 были политическими, объединившими 146 675 участников, т. е. почти 90% их имели ярко выраженное политическое значение, в Москве — 87%². Февраль начался с мощных политических и экономических стачек в крупнейших индустриальных центрах империи, которые перерастали в открытые революционные действия. К 24 февраля 1917 г. бастовало уже 214 111 человек, т. е. свыше половины всех фабрично-заводских рабочих столицы. В тот же день члены Бюро ЦК

и ПК РСДРП(б) пришли к выводу, что «революция началась, Россия тронулась». 25 февраля БЦК выпустил листовку с призывом к революционному свержению самодержавия. В партийных лозунгах задачи борьбы за власть и осуществление главных требований рабочего класса органически сочетались с требованиями: «Долой войну!», «Да здравствует братство рабочих всего мира!», «Да здравствует социалистический Интернационал!»³ На сторону восставших стали переходить воинские части, полицейские разоружались и подвергались арестам, рабочие и солдаты занимали ключевые пункты Петрограда, освобождали заключенных из тюрем. Почти полностью овладев столицей, они приступили к ликвидации старого аппарата власти и созданию собственных органов управления. Во всех событиях явственно проявлялась гегемония пролетариата, за которым шли городские слои мелкой буржуазии и солдаты. 27 февраля 1917 г. группа рабочих-партийцев выступила инициатором выпуска от имени ЦК РСДРП обращения к населению страны. Проект был тогда же отредактирован и утвержден Бюро ЦК. Сначала его издали в виде листовки, а на следующий день опубликовали в печати⁴.

В манифесте РСДРП «Ко всем гражданам России» подчеркивалось: «Революционный пролетариат и революционная армия должны спасти страну от окончательной гибели и краха, который приготовило царское правительство... Задача рабочего класса и революционной армии — создать *временное революционное правительство*, которое должно встать во главе нового нарождающегося *республиканского строя*». Внешнеполитический раздел документа гласил: «Немедленная и неотложная задача временного революционного правительства — войти в сношения с пролетариатом воюющих стран для революционной борьбы народов всех стран против своих угнетателей и поработителей, против царских правительств и капиталистических клик и для немедленного прекращения кровавой человеческой бойни, которая навязана поработленным народам»⁵. Большевики первыми выступили с обоснованной программой перехода страны на качественно новый этап развития в духе ленинизма. Нараставшая народная волна перекинулась и на другие промышленные центры.

Однако самодержавие не сдалось без боя, как подчас это преподносят буржуазные фальсификаторы истории. Согласно заранее разработанному плану, царские власти пытались в крови затопить революцию. Последний самодержец гибнувшего политического режима оставил свои

дневниковые записи. Прежде всего бросается в глаза его полная индифферентность к победе на стороне Антанты. Нет в них и тени патриотизма, даже на лад Романовых. Только 27 февраля царь, будучи в Ставке, отметит: «В Петрограде начались беспорядки несколько дней тому назад; к прискорбию, в них стали принимать участие и войска. Отвратительное чувство быть так далеко и получать отрывочные нехорошие известия! Был недолго у доклада. Днем сделал прогулку по шоссе на Оршу. Погода стояла солнечная». 28 февраля Николай II долго разговаривал с генералом Ивановым, которого послал в «Петроград с войсками водворить порядок». А в день отречения, 2 марта, он напишет: «Утром пришел Рузский * и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, т. к. с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К 2½ ч. пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился»⁶. Итак, вопросы ведения войны и ее итоги вообще мало заботили Николая II. Нет ни слова о желательности заключения мира всеобщего или сепаратного.

Февральская революция оказалась неожиданной как для отечественной буржуазии, так и для Антанты, считавшей ее невозможной до окончания войны. Мощный взрыв недовольства масс выразился сперва в качестве изолированных выступлений на экономической почве. Постоянная поддержка Западом русской буржуазии, содействие германского блока, который воздерживался от проведения наступательных операций на фронте, безусловно помогли сохранению колеблющегося буржуазно-помещичьего строя. Союзники действовали довольно согласованно и последовательно, корректируя намеченную ранее позицию на случай дворцового переворота. Это проявилось уже в их отношении к Временному комитету Государственной думы, сформированному под председательством Родзянко из числа кадет, октябристов, националистов и прогрессистов вкупе с трудовиком Керенским и меньшевиком Чхеидзе. Во всех официальных сообщениях данного органа не говорилось о взятии им на себя правительственных функций, главной задачей провозглашалось «восстановление

* Главкомандующий Северным фронтом.

государственного и общественного порядка». И только в телеграммах Родзянко высшим чинам на фронте прямо указывалось на переход «правительственной власти» к Временному комитету. Страны Антанты поспешили признать последний, не дожидаясь даже отречения от престола самодержца. 1 марта 1917 г. было опубликовано сообщение: «Французский и английский послы официально заявили председателю Государственной думы М. В. Родзянко, что правительства Франции и Англии вступают в деловые сношения с Временным исполнительным комитетом Государственной думы, выразителем воли народа и единственным законным временным правительством России»⁷, т. е. речь шла о признании выразителем «воли народа» самозванного органа, который и сам не решился открыто провозгласить себя таковым.

«В то время, — пишет английский посол Бьюкенен, — как еще существовали шансы на то, что великий князь Михаил Александрович будет призван в качестве регента или императора, я просил и получил разрешение признать любое правительство, которое образуется де-факто, что было бы наилучшим способом к укреплению его авторитета. Равным образом в разговорах с Милюковым, принявшим на себя обязанности министра иностранных дел, я энергично защищал необходимость сохранения услуг великого князя Николая Николаевича как верховного главнокомандующего, всего более способного держать армию в руках. После отречения великого князя Михаила от престола единственно возможной для нас политикой было укрепление власти Временного правительства в его борьбе с Советом. Последний разрушал армию своей социалистической пропагандой. Хотя большинство его членов высказывалось за продолжение войны, но крайне левые отстаивали мир во что бы то ни стало»⁸. Представители Франции в России действовали в унисон с английскими. 26 февраля 1917 г. Палеолога посетил по поручению Родзянко некий видный чиновник «К», попросивший дать совет председателю Думского комитета. В ответ он услышал: «Я, как посол Франции, естественно, считаю войну своей первоочередной заботой. И поэтому желаю, чтобы революция была по возможности ограничена в своих действиях, а порядок поскорее восстановлен». Царский строй предлагалось сохранить, но в конституционной форме. Чиновник заверил, что подобное мнение разделяют Родзянко, Гучков и Милюков⁹. Секретарь французского посольства де Робинен отметит 28 февраля: «В Думе образовался комитет из 12 членов, который пытается канали-

зировать революционную волну... Дело войны и союзников могут спасти только энергичные репрессии, и мы их желаем от всего сердца»¹⁰.

От Антанты стремились не отстать и США. 1 марта 1917 г. американский посол Френсис телеграфировал в госдепартамент: «Думский комитет под руководством его председателя Родзянко значительно продвинулся в направлении обеспечения своего авторитета и восстановления порядка». Предвосхищая события, посол утверждал, что комитет уже назначил министерство «из образованных людей с хорошей репутацией, а некоторые из них и весьма богаты». На следующий день посол, обеспокоенный действиями Петроградского Совета, пришел на одно из его заседаний «неофициально», но ничего опасного не обнаружил¹¹.

Уже на этом этапе союзные представители в России имели тесные контакты с формирующейся буржуазной властью, оказывая ей морально-политическую поддержку. Американцы занимали дружественную позицию в отношении Думского комитета, стремясь использовать обстановку для повышения своего влияния в целях внедрения в Россию. Иностранные силы способствовали и скорейшему созданию Временного правительства, состав которого был определен Думским комитетом по согласованию с Советом рабочих и солдатских депутатов. Председателем Совета министров и министром иностранных дел стал близкий к кадетам Г. Е. Львов, министром иностранных дел — П. Н. Милюков (кадет), народного просвещения, путей сообщения и земледелия — соответственно кадеты А. А. Мануйлов, Н. В. Некрасов и А. И. Шингарев, финансов — М. И. Терещенко (близкий к «прогрессистам»), военным и морским министром — лидер октябристов А. И. Гучков, торговли и промышленности — прогрессист А. И. Коновалов, обер-прокурором Синода — В. Н. Львов (группа Центра), а министром юстиции — трудовик А. Ф. Керенский. Пост министра труда был предложен меньшевику Н. С. Чхеидзе, но он предпочел от него отказаться.

Вслед за некоторыми западными авторами, опиравшимися некритически на свидетельства буржуазных деятелей (вроде Милюкова), отдельные исследователи пытаются убедить, будто на формирование первого, да и остальных составов Временного правительства чуть ли не решающее влияние оказали масоны. Так, В. И. Старцев, основываясь на том, что из 12 членов первого Временного правительства 5 «определенно принадлежали к масонской организации», делает вывод о какой-то «двойной» власти

эксплуататоров — «незримой» и «официальной», в данном случае сомкнувшихся друг с другом. При этом затушевывается известный факт, что министры из масонов (в том числе Львов, Некрасов, Коновалов, Керенский), являясь известными в стране буржуазными деятелями, не нуждались вообще в какой-то особой поддержке. Масонская версия не выдерживает критики и в отношении Терещенко, не имеющего, как утверждает В. И. Старцев, «никаких заслуг перед либерально-буржуазным»¹² движением, что не соответствует действительности. Богатейший сахарозаводчик Терещенко был членом ЦВПК и частично финансировал деятельность своих единомышленников из личных средств. По существу он был делегатом не масонов, а крупного капитала, причем во всех составах Временного правительства.

Партийная принадлежность членов правительства убедительно свидетельствует о том, какую внутреннюю и внешнюю политику они проводят. «Государственная власть в России, — писал В. И. Ленин в апреле 1917 г., — перешла в руки нового *класса*, именно: буржуазии и обуржуазившихся помещиков. *Постольку* буржуазно-демократическая революция в России закончена». В другой связи он отмечает: «Гучков, Львов, Милюков, наши теперешние министры, — не случайные люди. Они — представители и вожди всего класса помещиков и капиталистов. Они *связаны* интересами капитала. Капиталисты не могут отказаться от своих интересов, как не может человек сам себя поднять за волосы»¹³. В первом «Письме из далека» (7 марта 1917 г.) Ленин вскрывает классовую сущность и направленность внешнеполитического курса временщиков, полностью подтвержденную последующими событиями. «Октябристско-кадетское буржуазное правительство, желающее вести «до конца» империалистическую войну, на деле приказчик финансовой фирмы «Англия и Франция», *вынужденное обещать* народу максимум свобод и подачек, совместимых с тем, чтобы это правительство сохранило свою власть над народом и возможность продолжать империалистскую бойню»¹⁴.

Неоднократно разоблачая захватнические цели российского империализма при Временном правительстве, В. И. Ленин подчеркивал его устремленность к доведению войны до победного конца совместно с Антантой, невзирая на любые жертвы. Ленинская тактика, сформулированная 6 марта 1917 г., предусматривала: «...полное недоверие, никакой поддержки новому правительству; Керенского особенно подозреваем; вооружение пролетариата — един-

ственная гарантия; немедленные выборы в Петроградскую думу; никакого сближения с другими партиями». Положения большевистской мирной программы сводились к следующему: немедленное заявление Всероссийского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, что он не связан никакими бывшими договорами ни царской монархии, ни буржуазных правительств; опубликование тотчас же всех этих договоров; немедленное и открытое предложение всем воюющим державам *«тотчас заключить перемирие»*; немедленная публикация рабочих и крестьянских условий мира: «освобождение *всех* колоний; освобождение *всех* зависимых, угнетенных и неполноправных народов»; предложение рабочим всех стран свергнуть буржуазные правительства и передать всю власть в государстве Советам рабочих депутатов; и, наконец, непризнание долгов буржуазных правительств на ведение войны и отказ платить по ним проценты¹⁵.

К 3 марта 1917 г. был создан Исполком Совета рабочих и солдатских депутатов в составе 39 членов, в том числе: меньшевиков и близких к ним — 19, эсеров — 6, народных социалистов — 2, трудовиков — 2, неопределенной партийности — 4, большевиков — 6. Меншевистско-эсеровская группировка с учетом народных социалистов и трудовиков составляла 29 членов из 39. «В результате большевики и немногие поддерживавшие их члены Исполкома оказались в изоляции, на положении оппозиции, не входившей в руководство Исполнительного комитета»¹⁶.

Растущее недовольство масс войной «до победного конца» заставляло лидеров меньшевиков усиленно лавировать, приспосабливаться к настроениям трудящихся. Они обратились к лозунгу, выдвинутому в 1915 г. верхушкой германской социал-демократии: «мир по соглашению». Как свидетельствовал И. Г. Церетели, такой компромиссный мир осуществился бы «не в результате военного разгрома одной из борющихся сторон другою»¹⁷. Давнее сотрудничество меньшевиков с лидерами СДПГ, их обмен мнениями друг с другом не прекращались и во время войны. П. Б. Аксельрод, проживавший во Франции, обращаясь 5 января 1917 г. к Каутскому, подобострастно писал: «Мое мышление, общие политические концепции и практические политические позиции представляются если и не во всех деталях совпадающими, то в целом очень похожими на ваши»¹⁸.

В. И. Ленин, обосновывая необходимость борьбы партии на два фронта: против социал-шовинистов и центрис-

тов, отмечал: «С *обоими* течениями наша партия обязана бороться самым упорным, самым принципиальным, самым настойчивым, самым беспощадным образом»¹⁹. Иными словами, следовало решительно выступать как против антантофилства Временного правительства, так и против германофилства некоторых членов Петроградского Совета.

Правящие круги стран Антанты и США вскоре осознали, что Февральская революция по своему размаху и характеру вышла далеко за рамки половинчатых революций Запада. Они пытались, оказывая давление, превратить двоевластие в единовластие Временного правительства. Бьюкенен отмечал в воспоминаниях, что в «надвигавшейся борьбе с Советом требовался человек действия, еще способный воспользоваться первой благоприятной возможностью для подавления этого соперничавшего и незаконно образовавшегося собрания». 3 апреля 1917 г. английский посол в беседе со Львовым выразил озабоченность тем, что «правительство, по-видимому, не в состоянии избавиться от контроля Совета рабочих и солдатских депутатов». Успокаивая посла, глава правительства не остановился и перед явной выдумкой о том, будто Петроградский гарнизон, подобно войскам на фронте, предлагал разогнать Совет²⁰.

Не получив поддержки в своем отечестве, буржуазно-помещичья клика стремилась заручиться помощью и содействием союзников. А те в свою очередь надеялись, что им удастся не только привязать Временное правительство к Антанте, но и приступить к массивированному внедрению капитала в экономику России. Для достижения коварных целей союзники взяли курс на подавление мощного революционного движения и вместе с тем подчинение своему влиянию верховной власти страны. Поэтому ими и США было осуществлено юридическое признание Временного правительства, присланы делегации западных социал-шовинистов. Телеграмма премьер-министра и министра иностранных дел Франции Рибо Палеологу от 28 марта 1917 г. предупреждала, что три депутата-социалиста Мутэ, Кашен и Лафон выехали в Петроград. Туда же вместе с Плехановым направился бывший депутат Дюма, занимавший ранее пост начальника кабинета Гэда. «Всем им поручено оказывать воздействие на русских социалистов, чтобы побуждать продолжение войны до победы»*. Не-

* Здесь и далее впервые используются архивные документы МИД Франции (France, Ministère des Affaires Etrangères, «La guerre 1914—1918, Russie», vol. 666, p. 42).

сомненно, такой демарш был согласован с правящими кругами Англии и одобрен ими, как это подтверждает телеграмма министра иностранных дел Бальфура Бьюкенену от 15 марта 1917 г.: «Французское правительство посылает в Россию миссию, в состав которой входят несколько французских парламентариев, и мы предлагаем, чтобы три английских парламентария также отправились с ними. Высказывались предположения, что г. Григорий Алексинский, бывший член Думы, будет сопровождать депутацию». Бьюкенен ответил на следующий день, что Милюков «приветствует приезд английских представителей с Григорием Алексинским»²¹. Последний всплыл вновь далеко не случайно. Бывший отзовист, он с начала войны сделался ярким социал-шовинистом, причем вел во Франции клеветническую кампанию против большевиков, видимо став платным агентом союзных разведок, которые не без оснований торопились забросить его в Россию.

Французские социалисты прибыли в Петроград 1 апреля 1917 г. К ним присоединились английские шовинисты О'Треди, Торн и Сандерс, а позднее бельгиец Вандервельде. Действуя по указке послов Антанты, они установили личные контакты с верхушкой Петроградского Совета, выступали неоднократно на митингах в столице и на фронте, ратуя за продолжение войны до победного конца²².

Несмотря на крайне тяжелое положение русской армии, Антанта добивалась ее перехода в наступление уже в апреле 1917 г., о чем начальник французской военной миссии Жанен и уведомил Алексеева, ссылаясь на решение межсоюзнической конференции в Шантильи. В ответ тот указал на невозможность наступления в указанный срок, но угодливо обещал это сделать в начале мая²³. Усиленно муссировались слухи об опасности германского наступления. Так, 9 марта в обращении Временного правительства к войскам и населению утверждалось, что «немцы, узнав о происшедших в России событиях, спешно стягивают силы на Северном фронте», чтобы нанести удар по «всему государству, обновленному строю и свободе»²⁴. В то же время американский посол Френсис телеграфировал в Вашингтон: «Вчера возвратился Гучков... Конфиденциально он сообщает, что неприятель не ведет активных приготовлений вблизи фронта и не предполагает переходить в наступление». Тем не менее в официальных воззваниях объявлялось о подготовке немцами наступления на Петроград. Как сообщает американский посол, он вручил Гучкову 10 тыс. руб. для «нуждающихся солдат» и предполагал передать еще столько же Керенскому «для

политических ссыльных»²⁵. Скорее всего эти суммы пошли на финансирование реакционных мероприятий буржуазии.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру от 11 марта 1917 г. весьма красноречива: «Корнилов сообщил мне, что завтра перед Думой состоится парад нескольких полков». Следовательно, англичане установили деловые контакты с будущим главарем контрреволюции сразу после вступления его в должность главнокомандующего Петроградским военным округом. А 13 марта Бьюкенен писал в Лондон: «Как вам известно, крайней рабочей партией (т. е. РСДРП (б). — *О. С.*) ведется активная пропаганда против войны, причиняющая большое беспокойство русскому правительству. Они делают все возможное, чтобы ослабить влияние правительства на армию. Временное правительство не чувствует себя достаточно сильным, чтобы бороться со всякого рода пропагандой и препятствовать свободному передвижению агитаторов... Полагают, что англичане, говорящие по-русски, хорошо сделали бы, если бы лично вели работу в пользу войны. Военный атташе уже привлечен к агитационной работе в войсках, и было бы ошибкой с нашей стороны отказать от этой меры»²⁶.

В целом германские империалисты, как и Антанта, были заинтересованы в прекращении развития революционного процесса в России и в сохранении буржуазно-помещичьего строя. На эту важную особенность В. И. Ленин указал еще 11 марта 1917 г. Отметив, что рабочие России уже во время первого этапа революции разбили царскую государственную машину, он писал: «И теперь не только англо-французские, но и немецкие капиталисты *воют* от злобы и ужаса, видя, например, как русские солдаты расстреливали своих офицеров, хотя бы сторонника Гучкова и Милюкова, адмирала Непенина»²⁷.

Февральская революция в России, с одной стороны, способствовала активизации антивоенного движения в Германии, а с другой — усилила трения между пангерманско-прусской и либерально-монархической группировками, причем последнюю поддерживала социал-демократия. Вследствие этого подход германского империализма к событиям в России не отличался последовательностью и постоянством, он менялся под воздействием различных факторов и нередко зависел от того, какая из обозначенных группировок брала верх в тот или иной момент.

Осью разногласий между Советом и Временным правительством фактически были пути решения проблемы войны и мира. 6 марта 1917 г. Временное правительство

заявило в обращении к населению России, в котором говорилось о необходимости «довести войну до победного конца», решимости «свято хранить» союзы с другими странами и неуклонно исполнять заключенные союзниками соглашения. В документе нашли полное отражение ранее принятые резолюции Совета съездов представителей промышленности и торговли и воззвание Центрального комитета кадетской партии. То была программа крупного капитала²⁸.

В свою очередь установки мелкой буржуазии были изложены 8 марта в меньшевистской «Рабочей газете», которая писала: «Мы хотим верить, что под непосредственным влиянием нашей революции международный пролетариат заставит свои правительства заключить мир на прочных основах и на условиях наименее обременительных для обеих борющихся коалиций». Другая статья содержала призыв к объединению «демократии всех борющихся стран для прекращения войны без ущерба для какой-нибудь страны» и предлагала оказать давление на Временное правительство, чтобы оно заявило об отказе от аннексий и своих завоевательных планов²⁹. Соглашениям удалось в связи с этим навязать Петроградскому Совету обращение 15 марта «К народам всего мира», которое пронизывало оборонческое требование «стойко защищать нашу собственную свободу от всяких реакционных посягательств как изнутри, так и извне»³⁰. Лидеры СДПГ сразу выступили в поддержку взглядов эсеро-меньшевистской верхушки. «Со страстным сочувствием, — цинично признает ее лидер Шейдеман, — мы приветствуем победу русской революции и вызванное ею оживление международных стремлений к миру». Руководство СДПГ направило приветственную телеграмму на имя председателя Исполкома Петроградского Совета Чхеидзе³¹.

Февральская буржуазно-демократическая революция, давшая значительный толчок подъему движения против войны трудящихся во всех странах, рассматривалась центристскими элементами международной социал-демократии в качестве удобного повода для распространения буржуазного пацифизма в интересах господствующих классов. К тому времени Циммервальдское объединение потерпело крах вследствие перехода его руководства во главе со швейцарским социалистом Гриммом на позиции социал-шовинизма. Большевики и Ленин активизировали борьбу за создание нового Интернационала из левых, революционных элементов, требуя созыва новой конференции циммервальдцев, чему всячески препятствовали

Гримм и его сторонники. Социал-шовинисты и центристы носились тогда с идеей созыва широкой международной социалистической конференции якобы для прекращения войны. Инициативу взял на себя созданный в Стокгольме голландско-скандинавский комитет под председательством лидера социал-реформистской партии Швеции Брантинга. Движущей силой комитета стали тесно связанные с СДПГ лидеры датской и голландской социалистических партий, которые приступили к закулисным переговорам с секретарем Международного социалистического бюро (МСБ) Гюисмансом, лидерами II Интернационала из лагеря Антанты, СДПГ, а также с меньшевиками в лице Аксельрода³².

С самого начала большевики выступили принципиальными противниками идеи созыва подобной международной конференции и остались до конца верными своей позиции. Последовательно классовую линию В. И. Ленин кратко сформулировал так: «Война порождена полувековым развитием всемирного капитала, миллиардами его нитей и связей. *Нельзя* выскочить из империалистской войны, *нельзя* добиться демократического, не насильнического, мира без свержения власти капитала, без перехода государственной власти к *другому* классу, к пролетариату»³³.

Оборонческие тенденции в политике Исполкома Совета, причем германофильского свойства, еще более усилились, когда из ссылки прибыл 19 марта 1917 г. меньшевик Церетели с группой своих приверженцев. Эту группу буржуазные ученые окрестили «сибирскими циммервальдцами», поскольку те сразу присоединились к Циммервальду, толкая его решения в оборонческом духе³⁴. Но подобные взгляды фактически развивала и социал-демократическая фракция в Думе, возглавлявшаяся Чхеидзе. 21 марта Петроградский Совет отклонил предложение большевиков об открытии кампании в пользу заключения мира и протаячил резолюцию, призывавшую пролетариат всех стран оказать давление на свои правительства, чтобы добиться от них отказа от завоевательных программ и начала мирных переговоров на основе принципа «всеобщий мир без аннексий и контрибуций», что могло лишь затянуть войну. Временному правительству предлагалось немедленно предпринять действия в этом направлении³⁵.

27 марта 1917 г. Временное правительство обнародовало декларацию к гражданам России, в которой провозглашалось «полное соблюдение обязательств, принятых в отношении наших союзников», а в качестве «первой насущ-

ной и жизненной задачи наших воинов» оборона «во что бы то ни стало нашего собственного родного достояния и избавление страны от вторгнувшегося в наши пределы врага»³⁶. По признанию Милюкова, документ этот являлся «компромиссом». Ему же удалось добиться замены формулировки «без аннексий и контрибуций» аморфным положением об отсутствии «захватных целей»; в свой актив он занес и фразу насчет верности союзническим обязательствам³⁷.

30 марта 1917 г. Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов приняло по настоянию Исполкома резолюцию, придававшую «огромное значение» декларации Временного правительства. Она провозглашала: «Каждый народ обеих коалиций должен настоять на том, чтобы его правительство добивалось от своих союзников общего отказа от завоеваний и контрибуций» и для этого выработало общее соглашение со своими союзниками³⁸, т. е. в сущности отстаивалась идея компромиссного мира с Германией, чего желали и ее правящие круги, естественно на своих условиях.

Визит в Петроград Брантинга, зондировавшего соглашателей на предмет созыва международной социалистической конференции, и резолюция Всероссийского совещания Советов были расценены верхушкой социалистических партий Скандинавских стран в качестве стимула для развертывания усилий в пользу созыва международного совещания. Конкретные переговоры по этому поводу должен был вести в России датский социалист Боргбьерг, о чем были поставлены в известность лидеры СДПГ. Министр иностранных дел Германии Циммерман при известии о таком шаге, по свидетельству Шейдемана, «сиял от радости» и заметил: «Со свободной Россией мы можем сговориться совершенно по-иному»³⁹. Ведущие деятели СДПГ Шейдеман, Бауэр и Эберт направились в Копенгаген для встречи с Боргбьергом, которому и передали немецкие условия мира для вручения членам Исполкома Петроградского Совета.

5—6 апреля 1917 г. правление СДПГ, специально рассмотрев вопрос о новой международной ситуации, высказалось за необходимость проведения «более радикальной политики мира» с целью использования правительством кайзера благоприятных условий в связи с революционными событиями в России. Шейдеман сообщил о своей поездке в Копенгаген, но отказался от подробной информации. «Если мы не добьемся всеобщего мира, — говорил он, — то, конечно, согласимся и на мир сепаратный». Шейдеман

предложил принять резолюцию о «мире без аннексий и контрибуций» на основе самоопределения наций в интерпретации, соответствующей резолюции Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов, дабы вызвать «положительную реакцию» в России. Формула отказа от аннексий отнюдь не лишила Германию возможности территориальных приобретений, достижения договоренности «о тех или иных исправлениях границ». Правление СДПГ отклонило предложение о том, что надо побудить немецкое правительство обнародовать условия мира, и единогласно приняло текст резолюции, внесенный Шейдеманом*. Вскоре документ был послан в Россию и опубликован печатью СДПГ, подчеркивавшей совпадение интересов этой партии и Советов.

Правящие круги Германии также расценили обращение совещания Советов в качестве «завуалированного стремления к миру». Представители различных ведомств начали между собой консультации для выработки надлежащего ответа. Видное участие в них принял руководитель католической партии Центра Эрцбергер, встречавшийся с канцлером Бетман-Гольвегом, министром иностранных дел Циммерманом и другими высокопоставленными лицами. В результате полуофициоз «Норддейче альгемайне цайтунг» опубликовал примирительное заявление в адрес России⁴⁰. С именем Эрцбергера связаны попытки немцев нащупать почву для тайных контактов с Исполкомом Петроградского Совета по глубоко законспирированному каналу, чем фактически подкреплялись открытые демарши СДПГ. В Берлине прекрасно знали, с какими огромными трудностями связано для России ее участие в войне. Оставалось выяснить готовность страны к заключению сепаратного мира или по крайней мере перемирия.

Представителем Керенского оказался небезызвестный И. И. Колышко, чиновник особых поручений Министерства финансов, который в конце февраля 1917 г. в качестве эmissара германофильских придворных кругов прибыл в Копенгаген, где встречался с немецким посланником Брокдорфом-Ранцау. А в начале марта он направился в Стокгольм для обмена мнениями с Эрцбергером. Заметая следы, последний не сообщает в своих мемуарах и переписке, какие именно круги представлял Колышко. Но немецкий деятель столь большого калибра, да вдоба-

* Этот вопрос кратко излагается по неопубликованным протоколам правления СДПГ, приводимым в статье американского историка Снелла (*The American Slavic and East European Review*, 1956, vol. XV, p. 343—345).

вок имевший собственную разведывательную сеть, не пошел бы на переговоры, причем по согласованию с МИД Германии, с каким-то самозванцем. Да и каким образом Колышко мог беспрепятственно проезжать неоднократно в Швецию и вести переписку со своим контрагентом? Ведь известно, что для таких вояжей требовались особые разрешения русской контрразведки, которая, кстати, тесно сотрудничала с союзниками. Первые встречи Колышко и Эрцбергера состоялись 13—15 марта. Информировав о событиях в России, Колышко ознакомил собеседника и с «мирными условиями», исходившими будто бы от Временного правительства. В докладе на имя Бетман-Гольвега Эрцбергер сообщал: «Я немедленно с одним кратковременным перерывом в течение двенадцати часов беседовал с Колышко... Колышко настаивал на том, что отказ от широких аннексий является наиболее важной предпосылкой мира. Возможны лишь исправления границ. Новое правительство желает истинной дружбы с Германией. Аннексии воспрепятствуют этой дружбе и полностью отдадут Россию в руки Англии»⁴¹. Колышко возвратился в Петроград для разговора с членами правительства, а Эрцбергер поехал в Берлин к канцлеру.

Новая их встреча после письменных сношений состоялась в Стокгольме 6 апреля 1917 г.* Колышко, положительно расценив ряд «миролюбивых» акций немцев, попросил более эффективной поддержки их прессой «примирения» с Россией. Он информировал, что обстановка в Петрограде непредсказуема, поскольку Антанта оказывает сильное давление в направлении укрепления провоенной партии. За продолжение войны в правительстве выступает Милюков, из социал-демократов Плеханов, а Керенский, мол, является руководителем «сил мира». Колышко призывал Германию воздержаться от военных наступательных действий, которые провоцируют «русский шовинизм». Эрцбергер обещал приложить все усилия к этому⁴². Собеседники составили детальный проект соглашения о перемирии между Россией и Германией из десяти пунктов. Оно должно было длиться шесть недель, в течение которых велись бы переговоры о «почетном мире». Эрцбергер согласился с вниманием отнестись к сохранению

* Эти переговоры излагаются по монографии западногерманского ученого Эпштейна (*Epstein K. Matthias Erzberger and the Dilemma of German Democracy*, Princeton, 1959, p. 167—168), использовавшего неопубликованные материалы архива Эрцбергера, в которых данный вопрос трактуется гораздо шире, нежели в известной публикации германских документов Шерера и Грюнвальда, хорошо известной советским историкам.

на это время существующих немецких войск на Восточном фронте. Стороны устно договорились о возобновлении русско-германского товарооборота в период перемирия. Проект содержал и основы предполагаемого мира, предусматривая, в частности, исправление пограничной линии в пользу Германии, восстановление невыгодного России торгового договора 1904 г. * «Этот документ, — замечает Эпштейн, — являлся наиболее конкретным неофициальным мирным предложением, разработанным двумя враждебными воюющими сторонами»⁴³.

7 апреля 1917 г. Эрцбергер встретился с министром иностранных дел Циммерманом и видным чиновником этого ведомства Бергеном, которые высоко оценили проект перемирия. Бетман-Гольвег также выразил согласие с проектом, отметив лишь туманность термина «исправление границы», и потребовал его уточнения в плане передачи Германии значительной части Курляндии и Литвы⁴⁴. Но главная квартира и кайзер проявили недовольство «самодеятельностью» Эрцбергера. 12 апреля Людендорф сообщил в германский МИД, что начальник генерального штаба Гинденбург не может согласиться на проект соглашения о перемирии. Вильгельм предписал, чтобы впредь направление эмиссаров для выполнения аналогичных миссий производилось только с его разрешения⁴⁵.

Все содержание и ход демарша Колышко убеждают, что он действовал в качестве эмиссара определенной части эсеров-меньшевистских кругов, связанных с Керенским. Поскольку Берлин не дал удовлетворительного ответа, Колышко был дезавуирован. Выступая 3 июня 1917 г. на частном совещании членов Государственной думы, Милюков, будучи в отставке, подверг критике соглашателей за ряд попыток установления связей с немецкими властями для заключения сепаратного мира. Между прочим он заявил: «Недавно арестован довольно известный писатель, писавший под именем Баяна и Серенького в разных газетах, г. Колышко. Его арест раскрыл неожиданные вещи. Оказывается, что г. Колышко на германские деньги очень много поработал над удалением из первого состава министерства военного министра Гучкова и министра иностранных дел Милюкова. Таким образом, германская работа не ограничивается академическими предложениями сепаратного мира»⁴⁶. Такое публичное обвинение, пожалуй, свидетельствует (в совокупности с другими данными) о том,

* В научной литературе эти контакты освещаются бегло и без учета позиций соглашателей (см., например: *Евдокимова Н. П. Между Востоком и Западом*. Л., 1985, с. 156—159).

что Милюков, известный твердый приверженец Антанты, не имел касательства к организации миссии Колышко.

Параллельно германские империалисты начали активизировать свою давнюю эсеровскую агентуру по каналу субсидирования центристской группы Чернова—Натансона. После свержения царизма немецкий посланник в Швейцарии Ромберг возобновил платежи Цевину, дав ему на первое время 60 тыс. франков. Когда в конце марта Ромберг занимался отправкой группы большевиков в Россию, он пытался подключить к ним «влиятельных эсеров» из сторонников Цевина и даже хотел отсрочить выезд большевиков. Через несколько дней он вновь просил Берлин дать ход его предложению⁴⁷. Но такие настояния результатов не дали. Позднее многие эсеры, включая и Натансона, выехали в Россию через Германию.

В стремлении фальсифицировать предпосылки, ход и первые результаты Февральской буржуазно-демократической революции в России реакционные советологи тратят немало усилий, чтобы представить в превратном свете важные международные аспекты. В неверном свете, в духе несостоятельных трактовок, выдвинутых еще кадетами и эсеро-меньшевиками, подаются политика империалистических держав обеих воюющих коалиций в «русском вопросе», их взаимоотношения с политическими партиями и организациями нашей страны, причем упорно искажается роль большевиков и В. И. Ленина. Стремясь гальванизировать былую лживую версию, белоэмигрант Дж. Катков обращается к завалавшейся писанине черносотенных мастодонтов, усматривавших причины Февральской, а затем Октябрьской революций в происках немецкой агентуры и масонов⁴⁸. Якобы эти две основные силы своими тайными действиями подорвали царский режим и вызвали в конечном счете его крах. В подкрепление таких утверждений Катков ссылается прежде всего на субсидирование немцами Парвуса⁴⁹. Мы видели и финансирование ими части эсеров за границей. Что оттуда часть средств могла попадать к их сторонникам в России из лагеря соглашателей, допустимо, хотя ни в одном ныне известном источнике иностранного и отечественного происхождения нет на сей счет конкретных данных*. Да и

* Согласно немецким документам, которые убедительно проанализировал французский ученый Боннен, включая и личные счета Парвуса, последний, по всей видимости, присвоил значительную часть выданных ему германскими властями средств — в 7 млн. марок и 1 млн. руб. в 1915 г. (*Bonnin G. Les bolchévics et l'argent allemand pendant la première guerre mondiale. — Revue historique, 1965, janvier—mars, p. 103, 117, 120, 121.*)

все отпускаемые немцами для подрывной работы в России средства, а они-то известны, не могут считаться сколько-нибудь значительными. Главное, естественно, заключается в борьбе трудящихся за свои классовые интересы, в том числе и за свержение царского самодержавия, с которым кайзеровская Германия столь упорно пыталась заключить сепаратный мир.

Вместе с тем Катков воспроизвел и ряд известных утверждений некоторых белоэмигрантов о крупном политическом влиянии российского масонства. Эта версия подхвачена ныне западной советологией. По словам американского автора Улама, личные связи ряда кадетов с более умеренными представителями «левых», включая Керенского, приобрели «политическое значение в первые недели революции 1917 г.». А ее ход в действительности определялся «достоинствами и недостатками горстки лиц». Борьба же между пролетариатом и буржуазией была «во многом фикцией»⁵⁰. Английский советолог Вествуд заявляет, что «свидетельства» Каткова наводят на мысль, будто «само себя назначившее Временное правительство состояло в значительной степени из лиц, которые задолго до февраля 1917 г. были связаны между собой в заговорщическом полумасонском тайном обществе». Разумеется, мол, большевики играли «незначительную роль в первые недели революции»⁵¹. С ним солидаризируется и Хасегава⁵². То есть фальсификаторы, вновь протаскивая старую байку о заговорщическом характере Февральской революции, поднимают также на щит и масонскую легенду.

Продолжая развенчание этого мифа вслед за нашими исследователями⁵³, остановимся на некоторых ее необоснованных трактовках в ряде работ. Так видный американист Н. Н. Яковлев в популярной книге о первой мировой войне наряду с верными и интересными суждениями делает вывод о крупной роли масонства, которое фактически наделяется им надклассовыми чертами. Не считаясь с партийными документами, с выводами крупнейших советских исследователей истории СССР, этот ученый утверждает: «Верхушка всех без исключения российских буржуазных партий была объединена в рамках некой сверхорганизации — масонов», ибо в «главном и решающем вопросе — вопросе о власти — лидеры класса эксплуататоров попытались осуществить концентрированную волю. В широком смысле эксплуататорский класс стремился создать единую сверхпартию»⁵⁴. В качестве же основных доказательств приводится без всякой попытки критического осмысления несколько свидетельств белоэми-

грантов, которые использовал и Катков. К ним добавляются какие-то показания 20—30-х годов бывшего кадета и члена Временного правительства Н. В. Некрасова. В сущности последний ссылается на наличие организации «Масонство народов России» с расплывчатой целью объединения «прогрессивных сил» для борьбы «за освобождение родины и за закрепление этого освобождения». При этом сам Некрасов изображает подобное общество узкой конспиративной группой, объединяющей лишь часть верхушки либеральной буржуазии и соглашательских партий. Вне ее оставались все правые партии буржуазии и помещиков (октябристы, националисты и черносотенцы), а из левых — эсеры⁵⁵. Отсутствие массовой базы, наличие острых разногласий между лидерами делали такую кучку деятелей ничтожно малой политической величиной в водовороте событий. Выше уже было показано, что действительно существовавшая подобная группа к масонству касательства не имела. Настоящих масонских лож в России фактически тогда не было. А то, что члены подобного общества именовали себя масонами, еще не означает их принадлежность к таковым.

С несостоятельными положениями работы Н. Н. Яковлева по затронутому вопросу полностью солидаризируется В. И. Старцев, который не критически воспроизвел нелепые утверждения белоэмигрантов и Некрасова, не принося ни одного нового факта⁵⁶.

Наконец, последнее и самое важное. Хотят они того или нет, апологеты масонской легенды фактически отвергают марксистско-ленинскую концепцию развития революционного процесса в России. Ведь в ней масонство полностью отсутствует. Надлежит подчеркнуть тот известный факт, что в произведениях В. И. Ленина о масонах даже не упоминается*. Ни в одном из основополагающих документов КПСС, ее съездов и конференций вплоть до XXVI съезда включительно, в документах послевоенных совещаний коммунистических и рабочих партий о масонстве ничего не говорится, что делает несостоятельными попытки выпятить его роль вообще и в описываемых событиях в частности. В целом масонство следует считать реакционным, опасным, но далеко не главным орудием империалистической буржуазии прошлого. Нельзя согласиться с попытками иных авторов изображать мнимых масонов в виде таинственной влиятельной организации, некоего

* Это специально отметил М. К. Касвинов. — Двадцать три ступени вниз. М., 1978, с. 303—304.

супероргана для управления государственными делами в интересах российского империализма. Имеющиеся в распоряжении историка свидетельства иностранного и отечественного происхождения убедительно опровергают подобные концепции*. Массонская бутофория применялась только в качестве одного из конспиративных атрибутов узкой группы буржуазных деятелей для защиты определенных материальных интересов. Эта своеобразная мафия в силу удачного стечения внутренних и внешних обстоятельств, а также использования заранее подготовленных организационных форм приняла участие в дележе власти с представителями известных буржуазных партий.

ОТ ЗАВИСИМОСТИ К ПОРАБОЩЕНИЮ

**Ленин спешит на родину. Травля большевиков.
Подоплека апрельского кризиса.
Чем занимались Тома и Гендерсон.
Неудавшаяся конференция.**

Одной из важных составных частей империалистического курса западных держав в «русском вопросе» была линия на воспрепятствование возвращению на родину большевиков-эмигрантов и лично В. И. Ленина. Проводилась она при содействии Временного правительства и попустительстве верхушки Петроградского Совета.

В середине марта 1917 г. на совещании в российском посольстве в Париже военный агент А. А. Игнатьев заявил: «Как французские военные власти, так и общесоюзническое военное управление считают желательным, чтобы большинство из эмигрантов оставалось во Франции, где над пребыванием и деятельностью их установлен бдительный надзор и где каждое, опасное с точки зрения пропаганды и пацифизма, выступление их может быть остановлено французской властью». Со своей стороны посол Извольский телеграфировал в Петроград: «Великобританское и французское правительства относятся с большим опасением к возвращению этих пацифистов в Россию

* Автор выражает согласие с критикой неправильных взглядов по данной теме Н. Н. Яковлева, В. И. Старцева и др. (*Черменский Е. Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976, с. 8—9; *Минц И. И.* Метаморфозы масонской легенды. — История СССР, 1980, № 4, с. 120—121; рецензия Е. Ф. Ерыкалова на упомянутые работы В. И. Старцева. — История СССР, 1983, № 1).

ввиду вероятности пропагандирования ими там немедленного заключения мира. Имеются вполне определенные данные, что эти два правительства окажут противодействие выезду их из Франции и проезду их через Англию»⁵⁷.

Милюков требовал решать вопрос согласно мнениям особых местных эмигрантских комитетов, действовавших под контролем дипломатических чинов царской заправки. Разъясняя смысл такого предписания, заместитель Милюкова кадет Нольде телеграфировал российским заграничным представительствам: «При выдаче паспортов эмигрантам можете руководствоваться засвидетельствованием военной благонадежности другими достойными эмигрантами или их комитетами, образованными на основании» предыдущего упомянутого указания⁵⁸. Только социал-шовинисты могли рассчитывать на благосклонность новых властей. «Проходили недели, — пишет Шляпников, — а проехать через страны Антанты могли только иностранные и русские социал-патриоты. Все те русские социалисты, которые не стояли на позиции «войны до полной победы» и, конечно, победы для Антанты, были занесены в особые контрольные списки, по которым им въезд и пребывание в странах Антанты, в том числе и в России, воспрещались»⁵⁹.

Вырисовывается определенная линия на компрометацию большевиков посредством голословных обвинений. Союзники не могли не знать о борьбе РСДРП(б) против империалистов обоих воюющих лагерей, о последовательном разоблачении партий и лично Лениным аннексионистских замыслов прусской военщины, происков ее агентуры. Союзники с готовностью ухватились за клеветническую версию Бурцева и Алексинского, которую после тщательной проверки отвергла даже царская охранка. Эта версия быстро переключивалась из одной буржуазной газеты в другую и стала главным козырем реакции.

Обветшавшая легенда о возвращении большевиков из Швейцарии в «пломбированном вагоне» продолжает широко использоваться в антисоветском духе современными буржуазными писателями, которые даже пытаются обновить прежние выдумки новыми спекулятивными деталями в совершенно фантастическом духе. Об организации проезда В. И. Ленина и его соратников на родину пишутся целые исследования и статьи⁶⁰. В советской литературе данный вопрос освещался в двух популярных работах и в научной статье⁶¹.

При первых же вестях о Февральской революции В. И. Ленин твердо решил как можно скорее вернуть-

ся на родину, что было в тех условиях нелегким делом. 18 и 19 марта 1917 г. он просит И. Ф. Арманд определить возможности проезда через Англию. 23 марта выяснилось, что английская миссия заявила о нежелании пропускать революционеров. Даже эсера Чернова англичане вернули во Францию, хотя он имел все бумаги для проезда⁶².

Были ли основания проявлять беспокойство по поводу столь негативной позиции союзных властей относительно следования интернационалистов через территории соответствующих государств? Факты неопровержимо свидетельствуют. 17 марта 1917 г. российский поверенный в делах в Берне Ону сообщил Милюкову: «По телеграфному распоряжению английского военного министерства английскими властями в Швейцарии... прекращена виза паспортов на проезд в Россию и в скандинавские страны». Позднее Ону доносил начальству, что «английский и французский представители с чрезвычайным беспокойством смотрели на проектируемый отъезд группы Ленина»⁶³. Но дело не сводилось только к этому. 23 марта 1917 г. английский посланник в Берне Румбольд телеграфировал в Лондон о переговорах относительно получения «разрешения на проезд через Германию в Россию русских социалистов и анархистов, проживающих в Швейцарии». Поскольку они, мол, стоят за «немедленный мир», то по прибытии на родину развернут яростную пропаганду среди рабочего класса и войск на фронте. Министр иностранных дел Великобритании сразу же предложил Бьюкенену узнать, намерено ли Временное правительство предпринять какие-либо шаги, дабы «предотвратить» такую опасность, причем эмигранты лживо изображались «шпионами и агентами — провокаторами Германии». Английский посол немедленно запросил Милюкова, что тот намерен делать. Министр иностранных дел отвечал, что в печати будет опубликовано сообщение о следовании подобных лиц через Германию. Этого будет, мол, достаточно для предупреждения их проезда в Россию⁶⁴.

В свою очередь английский посланник в Швеции Говард сообщал в Форин офис со ссылкой на информацию некоего «эстонского социалиста», что Ленин является «самым опасным человеком». По всей вероятности, эстонцем был давний немецкий агент Кескюла, который обивал тогда пороги союзных миссий в Стокгольме с предложением своих услуг по заданию хозяев, а возможно, собирался сменить их на новых⁶⁵.

Бюро ЦК РСДРП(б) решило направить специального курьера. Для выполнения ответственного задания была

рекомендована М. И. Стедкевич, которая дважды выезжала за границу с письмами и газетами для В. И. Ленина. Устно она должна была передать поручение о необходимости его скорейшего приезда. Большевик Ганецкий прислал неприемлемый проект возвращения Ленина через Англию. Наиболее реальным был план проезда через Германию в обмен на интернированных в России немцев, получивший полное одобрение Бюро ЦК РСДРП(б) ⁶⁶.

Как же отпеллись к возвращению русских эмигрантов в Германии? Конъюнктура сложилась благоприятно. 10 марта 1917 г. министр иностранных дел Циммерман докладывал в главную квартиру армии: «Федеральному советнику Гофману сообщили о желании здешних руководителей русских революционеров возвратиться в Россию через Германию, поскольку они опасаются ехать через Францию из боязни подводных лодок». От себя министр добавлял: «...на мой взгляд, желательно разрешить транзит революционерам. Поэтому я поддерживаю выдачу такого разрешения». От верховного командования пришел следующий ответ: «Возражений против проезда русских революционеров в специальном поезде и под надлежащим конвоем не встречается» ⁶⁷.

17 марта 1917 г. немецкий посланник в Берне Ромберг уведомил Берлин о посещении его швейцарским интернационалистом Ф. Платтенем. От имени «русских социалистов», особенно их лидеров, он обратился с ходатайством о немедленном разрешении 20—30 эмигрантам проехать через Германию. Изложил он в общих чертах и условия поездки ⁶⁸. Эти ленинские условия из 9 пунктов предусматривали сопровождение Платтенем под свою полную ответственность вагона с «политическими эмигрантами и беженцами, возвращающимися через Германию в Россию». Сношения с германскими властями и чиновниками ведутся исключительно через Платтена, за вагоном признается право экстерриториальности, пассажиры будут приняты в вагон «независимо от их взглядов и отношений к вопросу о войне или мире». Платтен берет на себя обеспечение пассажиров железнодорожными билетами по ценам нормального тарифа, «никто не должен ни по собственному желанию, ни по приказу покидать вагон», в пути исключались любые задержки без технической необходимости. Единственное обязательство русских революционеров — «добиваться у рабочего класса» обмена на германских или австрийских военнопленных и интернированных в России ⁶⁹. Даже буржуазный ученый Хальвег признает: «Ленин сам, как юрист, разработал эти пункты. Стоит ли

говорить, насколько тщательно они были продуманы. Практически Ленин диктовал свои условия германскому правительству»⁷⁰. Из Берлина пришел ответ об их приемлемости⁷¹.

Большевики сделали последнюю попытку добиться проезда через территорию союзных стран. 3 апреля 1917 г. разведывательный отдел штаба французской армии докладывал, что интернационалисты «запросили в вице-консульстве Англии в Лозанне разрешение на право проезда через Англию, но, так как им было отказано в их просьбе, они обратились в германское консульство». Русская разведка за границей доносила: «Установлено, что Ленин и его группа безусловно просили французские паспорта, но в выдаче таковых им было отказано»⁷².

27 марта 1917 г. в 15 часов 10 минут вся группа интернационалистов из 32 человек, включая 19 большевиков, отбыла из Швейцарии (Цюрих) на родину. На германской пограничной станции Готтмадинген им был предоставлен вагон с купе второго и третьего класса. «При первом же беглом ознакомлении с ним оказалось, что он довольно грязен... Но большевики были бесконечно рады и этому вагону. Три двери вагона после посадки эмигрантов были запломбированы, а четвертая, задняя, оставалась открытой. Последнее купе заняли два германских офицера в качестве уполномоченных германских военных властей. На полу коридора мелом была отмечена граница между российскими революционерами и германскими офицерами. Никто, кроме Фрица Платтена... не имел права переходить эту меловую черту без согласия русских пассажиров»⁷³. Поезд отправился через Штутгарт — Франкфурт-на-Майне — Берлин и Штральзунд в небольшой порт Засниц. Весь переезд по Германии занял четыре дня, причем В. И. Ленин много работал над документами о задачах пролетариата в русской революции. Почти день вагон простоял в Берлине. Профсоюзный босс Янсон сделал попытку на одной из станций вступить с большевиками в контакт. «Но Платтен отказал ему, сделав дружеский намек на то, что он хочет избавить Янсона от неприятности такой встречи»⁷⁴.

Приведем документ, впервые введенный в научный оборот американским исследователем Сенном. Это заключительный доклад следственной комиссии, выбранной на заседании Центрального эвакуационного комитета политэмигрантов в Швейцарии 17 сентября 1917 г. «для расследования организации поездок через Германию». В комиссию вошли с правом решающего голоса два представителя

Бунда, один — от еврейской сионистской организации Поалей-Цион, а также меньшевик и большевик. Председателем комиссии стал меньшевик Ю. Райхесберг. Комиссия, которую трудно заподозрить в каких-либо симпатиях к большевикам, опросила ряд швейцарцев, русских и других лиц, имевших касательство к делу. Она пришла к выводу об отсутствии каких-либо данных относительно заключения секретных условий революционными эмигрантами (по поводу проезда) с германскими властями. Это общее заключение никем в дальнейшем не оспаривалось⁷⁵.

Нужно обратить внимание на то, что немцы настойчиво, но безуспешно стремились установить контакты с большевиками как через Янсона, так и Парвуса. Последний даже направил ранее в Цюрих некоего Склараца якобы для обсуждения путей «нелегального проезда» русских интернационалистов из Швейцарии на родину⁷⁶. В. И. Ленин, разгадав смысл махинации, сообщил Ганецкому 30 марта 1917 г.: «Пользоваться услугами людей, имеющих касательство к издателю «Колокола» (органа Парвуса. — О. С.), я, конечно, не могу»⁷⁷. Тогда Парвус, явно по подсказке своих хозяев из Берлина, предпринял попытку встретиться с Лениным во время проезда русских революционеров через шведскую территорию. Однако Ленин не только отказался от встречи, но и попросил своих соратников запротоколировать данный факт⁷⁸.

Рабочий класс с нетерпением ожидал возвращения Ленина в Россию. А деятели Антанты пытались этому помешать. Член английской военной миссии Аллей передал начальнику контрразведки Петрограда Б. В. Никитину список 30 социал-демократов во главе с В. И. Лениным, выразив пожелание воспрепятствовать их возвращению на родину. Никитин обратился в генеральный штаб, Министерство иностранных дел и к генералу Корнилову за получением таких указаний. Он встретил полное понимание. Но через три дня получил сообщение, что Исполком Петроградского Совета решил не препятствовать въезду эмигрантов. 1 апреля 1917 г. посланник Неклюдов телеграфировал в Петроград о пребывании В. И. Ленина в Стокгольме. 3 апреля английское посольство предупредило МИД России памятной запиской, что В. И. Ленин — «хороший организатор и крайне опасный человек», который, весьма вероятно, «будет иметь многочисленных последователей в Петрограде». Записку примерно такого же содержания прислало и французское посольство. Заместитель Милюкова Нератов тут же отреагировал: «Все сведения из

трех источников нужно поместить в газетах», подчеркнув «благожелательность германского правительства к Ленину». Эта выдумка бывшего царского чиновника встала в ряд с другими при подготовке очередной антибольшевистской провокации⁷⁹. Деятельное участие в ней приняли и французские представители⁸⁰.

Но реакция все же не смогла предпринять решительные акции при въезде интернационалистов в Россию. Английские жандармы, хозяйничавшие на шведско-русской границе, ограничились обыском Ленина и его спутников. В Россию не пропустили Платтена. 3 апреля 1917 г. в 23 часа 10 минут В. И. Ленин и другие эмигранты прибыли на Финляндский вокзал столицы, где были восторженно встречены многочисленными делегациями от партийных организаций, Петроградского Совета, газеты «Правда». Вокзальная площадь и прилегавшие улицы были запружены рабочими, солдатами, матросами. На перроне был выстроен почетный караул с оркестром⁸¹. Вождь рабочего класса с триумфом возвратился на родину в самый разгар острой классовой борьбы.

Большевики продолжали активно выступать против сепаратного мира с центральными державами, предметно разоблачая разбойничий германский империализм. В газетном отчете о речи В. И. Ленина 17 апреля 1917 г. отмечено: «Капиталистов в Германии он считает такими же, как и наших капиталистов, Вильгельма считает кровопийцей, и, конечно, не может быть разговоров о сепаратном мире с ним, — это бессмысленно. Капиталисты начали войну и не могут ее кончить, — нужна рабочая революция для окончания войны. Ленинцы против сепаратного мира. Об этом они заявили еще в 1915 году...»⁸² Последовательно и неуклонно партия выступала против внутренней и внешней политики Временного правительства, а также эсеро-меньшевистской верхушки Совета.

Большевики проводили четкое разграничение между целями Временного правительства, с одной стороны, и Петроградского Совета — с другой. В работе «Политические партии в России и задачи пролетариата» В. И. Ленин выделял партии и группы правее кадетов, конституционно-демократическую (кадетскую) партию и близкие к ней группы, социал-демократов, эсеров и их союзников и, наконец, большевиков. Первая группа представляла «крепостников-помещиков и самых отсталых слоев буржуазии (капиталистов)», вторая группа выражала точку зрения «всей буржуазии, т. е. класса капиталистов, и обуржуазившихся, т. е. ставших капиталистами, помещиков»⁸³.

В сущности то были два крыла эксплуататоров, вследствие чего они занимали идентичные позиции по 20 из обозначенных Лениным 27 вопросов.

Классовая роль кадетов в новых условиях уже вполне выявилась на VII делегатском съезде этой партии в конце марта в Петрограде, когда он выступил за «демократическую» парламентскую республику по западному буржуазному типу с президентом и ответственным министерством. Была принята резолюция о необходимости войны до победы в полном единении с союзниками. В вопросах тактики съезд высказался за соглашение со всеми «демократическими» партиями⁸⁴. Имея подавляющее большинство во Временном правительстве, кадеты превратились фактически в штаб контрреволюции, пользуясь полной поддержкой близких партий, корпоративных организаций буржуазии и помещиков, верхов армии, многочисленных просветительных обществ и реакционных националистических объединений. Среди последних находились и сионисты, которые совсем недавно всячески заискивали перед самодержавием, добиваясь осуществления своих целей, в том числе санкции на внедрение в Палестину вопреки интересам арабов. Это мыслилось в виде образования «Еврейского колонизационного общества с широкими полномочиями»⁸⁵. Седьмой всероссийский съезд сионистов открылся в конце мая 1917 г. в Петрограде вступительной речью их главаря Членова, убеждавшего Временное правительство в том, что «оно может вполне рассчитывать на наши силы и нашу поддержку». Съезд продемонстрировал, насколько извортливо сионисты перешли к углублению давнего сотрудничества с буржуазией и помещиками. Принятая ими программа базировалась на несостоятельной идее существования еврейской нации. В сущности сионисты стремились создать собственное государство в государстве на основах иудаизма, чтобы не только полностью изолировать еврейство и увековечить над ним кабалу капиталистов, но и подорвать суверенитет России. Съезд принял резолюцию о Палестине в духе требований, которые выдвигались еще перед царской дипломатией. Согласно новому организационному уставу, сионисты по-прежнему входили в состав Всемирной сионистской организации (ВСО) на правах ее филиала⁸⁶. Будучи верным орудием крупного еврейского капитала, они делали ставку на Аппанту, от победы которой ожидали осуществления своих хищнических замыслов.

Меньшевики и эсеры представляли интересы «мелких хозяев, мелких и средних крестьян, мелкой буржуазии, а

также части поддавшихся влиянию буржуазии рабочих». Проследивая их позиции, В. И. Ленин не указал ни одного случая полного совпадения с кадетскими, но констатировал многочисленные факты их сближения. Действительно, меньшевики и эсеры считали преждевременным думать о социализме и «немедленно делать практические шаги к его осуществлению». Они ратовали за буржуазную парламентарную республику с реформами для рабочих и крестьян, за «контроль» над Временным правительством⁸⁷.

После обнародования правительственной декларации 27 марта 1917 г. меньшевики и эсеры склоняли Временное правительство на издание акта, обращенного к союзникам. Соглашатели в основном добивались обещания, разумеется чисто словесного, об отказе от аннексий, поскольку на фронте и в тылу это был один из самых популярных лозунгов. После длительных закулисных переговоров было решено направить правительствам Антанты прежнюю декларацию, но в сопровождении ноты министра иностранных дел с подтверждением верности России союзническому долгу⁸⁸.

Параллельно продолжалась возня вокруг созыва международной социалистической конференции. Эту инициативу энергично поддерживали по согласованию с германскими правящими кругами лидеры СДПГ. Было объявлено об открытии конференции в Стокгольме 2 мая 1917 г. Потом она откладывалась. Социал-шовинистические партии Англии, Франции и Бельгии сперва заявили об отказе участвовать в ней, а немалая часть эсеро-меньшевиков отнеслась к идее положительно, закрыв глаза на подлинных инспираторов конференции (агентом которых выступал и датский реформист Боргбьерг). Германские условия мира были вновь уточнены 10 апреля 1917 г. во время встречи канцлера Бетман-Гольвега с военным командованием. Планы широких территориальных захватов за счет России предусматривали присоединение к Германии Курляндии и Литвы, выдвигалось также требование о присоединении «частей остальных остзейских провинций, включая острова у входа в Рижский залив», и проведение выгодной немцам пограничной линии на польских землях⁸⁹.

Под прессом очередных тревожных вестей из Петрограда французские правящие круги решили пойти на новый демарш, которому придавалось важное значение. Речь шла о направлении в Россию с чрезвычайной миссией уже знакомого читателю министра вооружений Тома с целью оказать Временному правительству поддержку и

преподать советы, как «канализировать устремления наиболее крайних русских элементов, а также противодействовать любому давлению, которое могло бы поставить под вопрос участие России в войне»⁹⁰. На первое место, разумеется, выдвигалась задача усиления борьбы с РСДРП(б) — руководящей силой всего революционного движения. По оценкам заправил Антанты и США, именно большевики являлись их основными противниками.

По дороге в Россию Тома побывал в Лондоне, где встречался с премьер-министром Ллойд Джорджем. В Дании он беседовал с правым социал-демократическим деятелем, министром без портфеля Стаунигом, давно сотрудничавшим с СДПГ. О подлинной деятельности Тома можно судить по его дневнику, впервые напечатанному в подлиннике американским историком И. Синаноглу. Документ охватывает период с момента появления его автора в Петрограде 9 апреля и до 6 июня 1917 г., когда тот прибыл в Христианию (Норвегия) на обратном пути во Францию. Записи делались Тома ежедневно явно для составления доклада своему правительству и к опубликованию не предназначались. Излагались главным образом мнения многочисленных лиц, с которыми он встречался в России, отчасти их характеристики, впечатления, в меньшей степени всякие закулисные воздействия, что, впрочем, удачно дополняет Синаноглу выдержками из переписки министра с Парижем. А. Тома прибыл в Петроград в сопровождении многочисленной свиты из различных чиновников и специалистов*. На следующий день он передал Палеологу личное письмо министра иностранных дел Рибо с предписанием выехать «в отпуск», передав посольство в ведение советника Дульсе в качестве поверенного в делах⁹¹.

11 апреля 1917 г. Тома пометил в дневнике: «Пропаганда Ленина производит влияние на флот. Особенно ей подвержен личный состав крейсера «Павел I». Офицер, который рассказал о таких фактах и попросил вмешательства Плеханова с друзьями, видимо, крайне удивлен умелой политикой Ленина и его сторонников». 12 апреля ему подтвердил то же самое французский морской офицер Дюмениль. 14 апреля Тома пишет об «опасности» крайне левых из числа сторонников Ленина. В тот же день крупный заводчик и банкир Путилов с беспокойством сообщил о «волнениях рабочих», об отсутствии «всякой сильной власти» из-за «временной дезорганизации». Только отдель-

* Сперва Тома планировали сделать послом в России, но потом Париж отказался от этого.

ные визитеры Тома открыто ратуют за вооруженное подавление революции. Полковник Рампон из военной миссии вручает записку о необходимости борьбы против «разлагающих» действий Совета и поддержки попыток правительства «восстановить порядок». «Мы должны действовать против ленинской партии, — подчеркивал он, — используя любую возможность... убеждение, устрашение, твердый и жесткий тон». 15 апреля 1917 г. Тома фиксирует довольно туманно в дневнике появление «многих новых фактов о начале введения порядка» и в связи с этим упоминает Корнилова⁹². Француз, очевидно, мог лично убедиться в наличии определенных заговорщических планов контрреволюции, но не считал их в тот момент выполнимыми. Обстановка свидетельствовала о слабости позиций реакции в стране вследствие отсутствия в ее распоряжении достаточных вооруженных сил.

Как весьма опытный и изощренный в прислужничестве буржуазии политик, Тома сразу занял благожелательную позицию в отношении эсеро-меньшевистской верхушки Совета и развил активность по достижению сделки между ним и Временным правительством. При его непосредственном участии началась разработка и крупной антибольшевистской провокации.

Германофильские тенденции влиятельной части эсеро-меньшевистской верхушки Совета вылились тем временем в попытку завязывания непосредственных переговоров с немцами на фронте. 24 апреля 1917 г. из главной квартиры в МИД Германии поступило сообщение о встрече двух «русских эмиссаров» с офицерами немецкой разведки к югу от Десны. Эмиссары заявили о готовности подписать сепаратный мир без аннексий и немедленно начать об этом переговоры. Делегатами на переговоры были назначены полковник Винтерфельд и один из лидеров СДПГ, Давид⁹³. А. В. Игнатьев высказывает предположение, что русские представители были, «видимо, делегатами солдатских комитетов»⁹⁴. Подобное мнение вряд ли верно, ибо пресловутые солдатские комитеты в ту пору были по составу эсеро-меньшевистскими и решиться на подобный шаг без согласования с Петроградом, конечно, не могли. К тому же Шейдеман сообщал, что в армию Эйхгорна прибыли «русские парламентарии», посланные, видимо, «группой Петербургского Совета рабочих и солдатских депутатов, действующей в согласии с Чхеидзе». Парламентарии высказали пожелание разговаривать с немецкими социалистами, и тогда на фронт были срочно откомандированы с ведома Шейдемана упомянутые Винтерфельд и

Давид⁹⁵. 28 апреля 1917 г. соответствующие предложения Германии поступили в Двинск к командующему Северным фронтом генералу А. М. Драгомирову. 1 мая ему было вручено письмо командующего Восточным фронтом принца Леопольда Баварского с предложением обсудить немецкие условия, подписанные Гинденбургом. Драгомиров принял немецких офицеров совместно с несколькими представителями армейских комитетов. Но попытка успеха не имела. С русской стороны ответа не последовало⁹⁶.

По свидетельству члена французской военной миссии Паскаля, примерно 6 мая Двину перешли немецкие парламентареры: офицер в сопровождении двух солдат. Они беседовали с представителями Советов офицерских, а также солдатских депутатов и штаба фронта. Но генерал Радко-Дмитриев принять их отказался, после чего их якобы выпроводили в расположение немецких войск⁹⁷. 16 мая 1917 г. Циммерман писал в главную квартиру: «Мне представляется достойным внимания рассмотреть, не стоит ли нам на некоторое время прервать дискуссии между траншеями на фронте, сказав русским, что мы не можем больше ждать чего-либо полезного от таких дискуссий, когда Временное правительство под влиянием французов и англичан решило продолжать войну». Русским надо, мол, одновременно дать понять, что «мы не собираемся проводить какое-либо наступление»⁹⁸. Документ явно свидетельствует о наличии вполне определенных сепаратных контактов между представителями враждующих сторон на фронте.

В. И. Ленин в подготовленном им проекте резолюции, принятом без изменений Седьмой (апрельской) Всероссийской конференцией РСДРП(б), раскрыл подлинные плапы СДПГ. В документе говорилось: «...Не подлежит никакому сомнению, что Боргбьерг, прямо или косвенно, является, в сущности, агентом немецкого империалистического правительства... Германские капиталисты, даже устами Боргбьерга, не отказываются от всех их аннексий, не говоря уже о немедленном выводе войск из насильственно захваченных ими областей». С другой стороны, разоблачались захватнические замыслы англо-французской империалистической буржуазии. Конференция заявила о принципиальной недопустимости участия партии в конференции с Боргбьергом и Шейдеманом, ибо задача большевиков — «объединять не прямых или косвенных агентов различных империалистических правительств, а рабочих всех стран, революционно борющихся уже во время войны со своими империалистическими правительствами»⁹⁹.

Эсеро-меньшевистские лидеры Совета разворачивали тем временем подготовку к международной социалистической конференции в Стокгольме, которая, по мысли соглашателей, должна была проложить тропу к компромиссному миру между государствами Антанты и центральными державами. 10—12 июня 1917 г. Всероссийский съезд Советов, несмотря на противодействие большевиков, признал необходимым способствовать скорейшему воссозданию Интернационала и созыву такой конференции. Рекомендовалась немедленная посылка «делегаций в союзные и нейтральные страны и приглашение в Россию из этих стран делегаций от всех социалистических течений». Вскоре съезд избрал делегацию в составе меньшевиков, эсеров и бундовца. Фактическим ее главой стал эсер Н. С. Русанов. Они прибыли в Стокгольм 20 июня, где успел уже «поработать» вездесущий Тома¹⁰⁰. Конференция так и не состоялась, ибо союзные правительства по взаимной договоренности отказались выдать паспорта делегатам для поездки в Швецию.

«Стокгольмская конференция, — писал В. И. Ленин, — была одной из многих попыток соглашения. Она не удалась. Ее неудача вызвана тем, что англо-французские империалисты *сейчас* вести переговоры о мире не согласны...» Смысл состоял в попытке «немецких империалистов позондировать почву насчет возможности такого-то или такого-то обмена аннексий». В статье подчеркивалось: «...Мы, большевики, в своей пропаганде против Стокгольма говорим массам всю правду, продолжаем разоблачать социал-шовинистов и политику соглашения с ними, ведем массы к полному разрыву с ними»¹⁰¹.

БИТАЯ КАРТА БОНАПАРТИЗМА

США рвутся в лидеры. Военно-экономическая дискриминация. Крупная антипартийная провокация. Инспираторы корниловщины. Военная диктатура не прошла.

Империалисты Антанты спешно переходили к поискам «надежного» деятеля. Мыслилось, что насильственное введение контрреволюционной военной диктатуры поставит заслон вышедшим из повиновения народным массам, сделает невозможным переход к социалистической революции. Правящие круги союзных стран рассматривали сколоченное под их нажимом коалиционное правительство

как первый шаг к диктатуре. Пользуясь его слабостью, Антанта попутно приступила к выторговыванию очередных привилегий и льгот в военно-экономических сферах. Финансовая и иная помощь России все теснее увязывалась с подталкиванием русской армии к наступлению. Видную роль в этом играли США, вступившие в войну на стороне Антанты 20 марта 1917 г.

Американский империализм, прежде отстававший от своих партнеров, теперь наращивал усилия по экономическому и политическому закабалению России. 3 мая 1917 г. США открыли Временному правительству кредит в 100 млн. долларов, а 30 июня на 75 млн. долларов¹⁰². Еще 6 апреля директор «Сити бэнк» телеграфировал своему представителю в Петрограде Мезерву: «Конгресс вотировал военный заем в семь миллиардов, три из которых предназначены России и союзным правительствам. Здесь наблюдался большой энтузиазм по поводу русских правительственных реформ, но получившие широкое распространение в прессе последние сообщения о том, что новое правительство находится под контролем радикальных социалистов, которые стремятся к сепаратному миру с Германией, серьезно вредят здесь интересам России. Если эти сообщения не прекратятся, они могут воспрепятствовать участию России в займе, предоставляемом союзникам. Широко оповестите об этом русских лидеров по вашему усмотрению и настаивайте на том, чтобы были приложены все усилия для исправления усиливающегося в американском обществе неблагоприятного впечатления... Сепаратный мир будет для американского сотрудничества роковым»¹⁰³.

Посол США Френсис, нисколько не смущаясь дипломатическим статусом, делал публичные заявления в поддержку Временного правительства, ратуя за продолжение войны до победы¹⁰⁴. Тон обращения американцев к правителям России становился более твердым¹⁰⁵.

О эволюции политической обстановки американский посол регулярно доносил в Вашингтон. 11 апреля 1917 г. Лансинг докладывал президенту Вильсону: «Обращаю ваше внимание на прилагаемую депешу, только что полученную от посла Френсиса. Она причиняет мне серьезное беспокойство. Полагаю, мы могли бы кое-что сделать с целью воспрепятствовать социалистическим элементам в России осуществить любой план для подрыва эффективности союзных держав». В качестве неотложной меры предлагалось отправить в Россию миссию из трех человек¹⁰⁶. В ходе дальнейшей секретной переписки состав миссии

значительно разросся. Ее главой был сделан влиятельный консервативный сенатор-республиканец, в прошлом госсекретарь Рут, членами — начальник генерального штаба американской армии генерал Скотт, контр-адмирал Гленнон, промышленники Мак-Кормик и Крейн, банкир Бертран, вице-президент Американской федерации труда Дункан, руководитель миссионерско-пропагандистской организации «Христианская ассоциация молодежи» Мотт и правый социалист Ч. Рассел. Миссия морем добралась до Владивостока и 3 мая 1917 г. появилась в Петрограде, оставаясь там до 26 июня¹⁰⁷. 3 июня 1917 г. посол Б. А. Бахметьев телеграфировал в Петроград: «Цель миссии Рута состоит исключительно в том, чтобы поощрить русское правительство в его отношении к войне и предложить помощь, добрую волю и благожелательство. Кроме миссии Рута существует железнодорожная техническая миссия»¹⁰⁸.

По свидетельству Френсиса, посольства Англии, Франции и Италии договорились как бы «закрепить» надзор над транспортными системами страны за американцами, что можно считать наметкой раздела Антантой главных отраслей русской экономики на зоны влияния. В результате железнодорожная миссия Стивенса принялась сперва за изучение пропускной способности Транссибирской магистрали, а затем взялась за инспектирование железнодорожной системы Доббасса¹⁰⁹.

Но дело отнюдь не ограничивалось этими официальными миссиями. Уолл-стрит планировал значительно усилить собственное представительство в Петрограде. Внедрение намечалось произвести под флагом американского Красного Креста, почти полностью финансировавшегося банкирским домом Морганов и прочими магнатами крупного капитала. 16 мая 1917 г. военный комитет Красного Креста рассмотрел вопрос о представительстве совместно с Международной компанией жатвенных машин, имевшей крупные интересы в России. На финансирование новой миссии компания отпустила 200 тыс. долларов, а все остальные расходы взял на себя директор Федерального резервного банка Нью-Йорка У. Томпсон. Отделение Красного Креста в Петрограде выдало председателю Временного правительства Львову 4 тыс. руб., а Керенскому 10 тыс. якобы для «помощи» «революционерам» и «политическим беженцам»¹¹⁰, а скорее всего это были обычные взятки.

Временное правительство и буржуазно-помещичьи круги в свою очередь стремились использовать конъюнк-

туру в своих целях. 8 июня особое совещание при Министерстве торговли и промышленности специально рассмотрело вопрос о привлечении американского капитала в нефтепромышленность на о. Сахалине, угольную промышленность на Дальнем Востоке (Сахалин-Сучан), золоторудное дело на Алтае, добычу железа на Южном Урале и угля в Кузнецком бассейне, разработку залежей меди и марганца, постройку гидротехнических сооружений и курортное дело на Кавказе. Крупный капиталист П. И. Пальчинский заявил, что «привлечение американского капитала, как чисто делового и аполитичного, в противовес европейским иностранным капиталам, является для России делом государственной мудрости и необходимости». Уральский промышленник Ф. Ф. Фосс высказал мнение, что «ради избежания финансового кризиса следует идти на очень большие уступки и все сделать для привлечения американского капитала в различные, наиболее для него выгодные и заманчивые области русской горной промышленности»¹¹¹. Таким образом, создавался экономический фундамент для контрреволюционного союза правящих кругов Запада и России.

Общеполитическая ситуация, особенно в столице, весьма беспокоила союзников. Красноречив дневник секретаря французского посольства Робиена. 8 июня 1917 г. он писал: «Безумец тот, кто не видит, что Россия жаждет мира. Армия никогда не согласится на новую зимнюю кампанию». 15 июня: «Положение правительства все более подрывается. Ожидают новых беспорядков». 16 июня: «Многие военные части известны приверженностью Ленину, в частности полки Павловский и Финляндский, егеря и два пулеметных полка. Таковы и другие». А 18 июня этот дипломат был поражен внушительной демонстрацией с большевистскими лозунгами: «Долой войну!», «Хлеба и мира!», «Долой десять министров-капиталистов!»¹¹²

Партия большевиков, несмотря на растущие препятствия, продолжала наращивать агитационно-пропагандистскую работу в массах, последовательно разоблачала внутреннюю и внешнюю политику Временного правительства, хищнические замыслы государств Антанты, постоянно боролась против наступления на фронте. И действительно, авантюра Временного правительства стоила больших жертв. Потери убитыми, ранеными и пленными составили 56 361 солдат и 1968 офицеров¹¹³.

В завершающую фазу вступила и подготовка антибольшевистской провокации, у истоков которой стоял, как отмечалось, А. Тома. 21 июня 1917 г. член французской

военной миссии Лоран передал начальнику контрразведки Петроградского военного округа Никитину 14, а затем еще 15 телеграмм, которыми якобы обменивались В. И. Ленин, большевики со своими единомышленниками, находившимися в Стокгольме. Тексты «документов», приведенных в воспоминаниях Никитина, свидетельствуют, что они вообще не содержали сведений о связях большевиков с немцами. Никитин позднее скупно признавал: «Вся ценность телеграмм заключалась не в тексте, который можно без конца комментировать, а в адресах лиц, которым они посылались»¹¹⁴. Именно на это делала упор контрразведка в 1917 г., тем же спекулируют и современные фальсификаторы истории, строя фантастические домыслы.

Между тем во время проезда через Стокгольм 31 марта 1917 г. Ленин создал там заграничное Бюро ЦК РСДРП(б) в составе В. В. Воровского, Я. С. Ганецкого, К. Б. Радека, возложив на этот орган обеспечение связи с Россией и Центральным Комитетом партии с целью информации о положении за рубежом, о развитии революционного движения на Западе, налаживания издательской деятельности по правдивому освещению событий в России, контактов с международным рабочим и социал-демократическим движением¹¹⁵.

ЦК РСДРП(б), естественно, вел переписку со своим Бюро. Часть ее опубликована в различных советских изданиях 20—30-х годов и вновь воспроизведена в 49-м томе Полного собрания сочинений В. И. Ленина, некоторые документы остались неразысканными¹¹⁶. Ганецкий *, будучи сотрудником германской оптовой фирмы, вел дела с торговым агентом этой фирмы в Петрограде некой Е. М. Суменсон (не имеющей никакого отношения ни к русскому, ни к международному революционному движению), а также с юрисконсультom фирмы польским социал-демократом М. Ю. Козловским.

* Ганецкому клеветники ставили в вину тот факт, что акционером фирмы был известный агент германского империализма ренегат Парвус. Отвечая на подобные обвинения, В. И. Ленин писал 12 декабря 1917 г. в ЦК РСДРП(б): «Ганецкий зарабатывал хлеб как *служащий* в торговой фирме, коей акционер был Парвус. Так мне сказал Ганецкий. Это не опровергнуто. Запрещено ли служить в торговых предприятиях капиталистов? Где? Каким решением партии?.. Или быть техниками, заведующими, служащими *русских* капиталистов можно, а *немецких* нельзя, даже живя в пейтральной стране?.. Не установлено ни одного факта против Ганецкого, не вынесено запрещение служить в торговых фирмах капиталистов всех стран...» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 15).

24 июня 1917 г. министр иностранных дел Терещенко пригласил Лорана на квартиру главы Временного правительства Львова, у которого собралось еще несколько министров. Огласив телеграммы, француз подчеркнул, что они являются «прямой» уликой, свидетельствовавшей якобы о «контактах большевиков с немцами». Но большинство министров колебалось. Некрасов заявил, что характер телеграмм лишает их всякого значения и поэтому они не могут служить поводом для ареста руководителей партии. Лишь Терещенко в целом разделял выводы Лорана. Как отмечает Никитин, «спорящие стороны остались при своих мнениях; участники совещания разъехались, а колебания все продолжались». Не обнаружив каких-либо достоверных фактов против большевиков, Никитин, однако, подсобрал ряд известных читателю данных о связях некоторых эсеровских главарей, включая и Чернова, с немцами. Тем не менее, как утверждает Никитин, использовать документы против Чернова не удалось, поскольку в высших сферах ему было «разъяснено», что они были «сфабрикованы» в царском Департаменте полиции¹¹⁷, и Никитин сосредоточил всю энергию на преследовании большевиков. Министр юстиции Переверзев прямо ему заявил: «Докажите, что большевики изменники, — вот единственно, что нам осталось». Российская буржуазия и империалисты Запада готовились установить в стране военную диктатуру во главе с генералом Корниловым. Разрабатывались планы физической расправы с В. И. Лениным¹¹⁸.

С французской стороны этим гнуснейшим делом руководил небезызвестный Тома. 19 июня 1917 г. он телеграфировал своему представителю в Петрограде: «Направляю при этом тебе копию телеграммы майора Тома. Если Терещенко еще не получил ее прямо из Копенгагена, то он убедится из этого в продолжении нами расследования. Со своей стороны сообщи мне, о чем бы ты мог информировать майора Тома. Буду признателен, — писал корреспондент в заключение, — за дальнейшее расследование со всей старательностью, попросив нашего военного атташе в Копенгагене (т. е. майора Тома. — О. С.) о предоставлении сведений, которыми они могут располагать и, наконец, информировать меня лично и очень точно, наряду с русским правительством»¹¹⁹. Из телеграммы явствует, что французская разведка не располагала данными против большевиков. Таковые они рассчитывали добыть из переписки Ганецкого, жившего ранее в Дании, с Лениным. Матерый социал-шовинист и по совместительству сотруд-

ник спецслужб А. Тома не скрывал нервозности по поводу безуспешного поиска нужных ему улик.

25 июня 1917 г. один из приближенных Тома отмечал в составленной для патрона записке: «Я ожидаю, что Комер, прибывающий сегодня в Париж, привезет мне копии телеграмм Фюрстенберга (Ганецкого), перехваченные в Петрограде, чтобы попытаться извлечь из всех собранных сведений нить для последующих изысканий. Представляется, что мы можем многого ожидать от расследования, проводимого ныне в Петрограде Верстратом*, Сент-Совером* и Пети*. Полагаю, однако, что колебания русского правительства будут преодолены лишь достоверными доказательствами, которые мы ищем, но пока найти не можем». Предлагалось, чтобы военный атташе Франции в России Лавернь подключил по своей линии к «расследованию» еще и майора Гравье. Тома дал на это согласие¹²⁰. Итак, французские спецслужбы очутились в тупике, из которого не могли никак выбраться. Командующий Петроградским военным округом генерал Половцов обратился за помощью к английскому военному атташе Ноксу, и тот обещал давать сведения о большевиках¹²¹. Но и это ничего не дало.

Внутренняя реакция и ее западные вдохновители решили фальсифицировать «переписку» большевиков «показаниями» бежавшего якобы из плена некоего прапорщика Д. Ермоленко. В свое время еще М. Н. Покровский после обследования многих архивов писал, что «Ермоленко был шпиком военной охраны», притом довольно мелким по должности¹²². Сумма, полученная провокатором за участие в подготовленном ему сценарии, составила 40 тыс. руб., которые были переведены в июле 1917 г. на имя жены Ермоленко в Хабаровск¹²³. «Разоблачения» Ермоленко было решено опубликовать одновременно с антибольшевистскими заявлениями жалкого ренегата Г. А. Алексинского и народника В. С. Панкратова. По словам Никитина, «Переверзев прекрасно отдавал себе отчет, что делает ставку на последнюю карту», т. е. на провокацию. Раскрывая замыслы реакции, товарищ министра юстиции Демьянов писал: «Нужно было повернуть психологию масс в отношении к большевикам, нужно было нанести им моральный удар, дабы отвлечь от них симпатии масс»¹²⁴.

В ленинской статье «Где власть и где контрреволюция?» вскрывается подноготная этого грязного дела. «4-го июля, вчера днем, несколько большевиков получило

* Представители французской разведки.

от знакомых предостережение, что Алексинский сообщил комитету журналистов в Питере какую-то новую клеветническую пакость. Большинство из оповещенных не обратило ровно никакого внимания на это предостережение, относясь с брезгливым презрением к Алексинскому и его «работе». Но И. В. Сталин довел о «новом гнусном клеветническом походе Алексинского» до сведения председателя ЦИК Совета Чхеидзе. Тот заявил даже, что ЦИК «не будет равнодушно смотреть на распространение клеветы людьми, боящимися суда и расследования со стороны ЦИК». От себя и Церетели он «обратился тотчас *по телефону* во все редакции с предложением *воздержаться*» от публикации наветов Алексинского. Только одна черносотенная газетка «Живое Слово» решилась первой напечатать клевету¹²⁵. Известные «показания» прапорщика Ермоленко «подкреплялись» беспочвенными ссылками на перевод денег Ленину через Ганецкого и Козловского и даже на непрерывный «обмен телеграммами политического и денежного характера между германскими агентами и большевистскими лидерами». В. И. Ленин указывал, что Ганецкого совсем недавно впустили в Россию и выпустили из нее, Козловского же даже не арестовали. «*Никаких* денег ни от Ганецкого, ни от Козловского, — продолжает Ленин, — большевики *не* получали. Все это — ложь самая сплошная, самая грубая», ибо «без лжи и клеветы не могут обойтись политические противники большевиков. До того низки и низменны эти противники»¹²⁶. В статье резонно отмечалось, что власть могла бы и должна была сама «документы» расследовать, свидетелей допросить, подозреваемых арестовать. Но она так не поступила. «Закулисная контрреволюция, — резюмировал Ленин, — вот она, как на ладони: это — кадеты, известные круги генерального штаба («командных верхов армии», как сказано в резолюции нашей партии) и подозрительная, получерносотенная пресса. Вот кто *не* бездействует, вот кто «работает» дружно вместе; вот та среда, из которой питается обстановка погромов, попытки погромов, выстрелы в манифестантов и так далее и так далее». В. И. Ленин призывал рабочих и солдат к выдержке, стойкости и бдительности¹²⁷.

Аргументация ленинской статьи полностью подтверждается фактами записки от 7 июля 1917 г., подготовленной для А. Тома, видимо, начальником его кабинета. Из нее явствует, что французы, разумеется, ничего обнаружить не сумели, но зато в документе признавалось, что Ермоленко был переброшен немцами в Россию для ведения «филогерманской пропаганды». По возвращении ему

было обещано 3 тыс. руб. в месяц от некоего «М. Х.» — «организатора украинского сепаратистского движения». Возможно, это Скоропись-Иолтуховский — один из лидеров «Союза освобождения Украины». Ермоленко пришел к генералу Алексееву, чтобы «разоблачить» такие махинации. Для получения «материальных доказательств» генерал посоветовал продолжать работу. «Русский офицер (т. е. Ермоленко. — *О. С.*) может таким образом получить два раза по 3 тыс. руб.»¹²⁸ Подчеркнем, что речь шла об инспирированной немцами сепаратистской пропаганде.

Топорно сработанные вымыслы Временное правительство пустило в ход. Реакционные силы обрушились на большевиков. Был разгромлен их штаб в Петрограде, типографии «Правды» и других издательств. Предлогом послужили стихийные антиправительственные выступления рабочих, солдат и моряков в Петрограде. Ряд большевиков подверглись заключению. В связи с приказом об аресте В. И. Ленин по решению ЦК партии 7 июля 1917 г. ушел в подполье, что явилось мудрым и своевременным шагом. Позднее было установлено, что палачи вынашивали злодейские планы покушения на жизнь вождя пролетариата. Половцов цинично признавал: «Единственным правильным решением было бы покончить с ними (арестованными большевиками. — *О. С.*) самосудом». Офицеру контрразведки, получившему задание задержать Ленина, Половцов намекнул, что «арестованные очень часто делают попытки к побегу». Офицеры прямо предлагали Никитину «убрать Ленина». Подобные намерения вынашивали и союзники. Глава американской чрезвычайной миссии Рут и посол США Френсис требовали от министра иностранных дел Терещенко суда над Лениным с заранее заготовленным смертным приговором¹²⁹.

Развязанная реакцией кампания против большевиков сразу же натолкнулась на решительное противодействие масс, которые на митингах и собраниях разоблачали подлых клеветников. Партийные организации издавали листовки против погромщиков. «Правда» возобновила выпуск под новыми названиями. В. И. Ленин даже из глубокого подполья руководил партией. Его боевые революционные произведения, несмотря на все препоны, продолжали проникать в печать.

8 июля 1917 г. Временное правительство подверглось реорганизации. После ухода в отставку Львова министром-председателем стал Керенский, его заместителем — Некрасов. Церетели, оставаясь министром почт и телеграфа, возглавил и Министерство внутренних дел. Остальные

члены правительства сохранили прежние посты. В одной из деклараций подчеркивалось, что своей первой основной задачей правительство «считает напряжение всех сил для борьбы с внешним врагом и для охраны нового государственного порядка от всяких анархических и контрреволюционных покушений, не останавливаясь перед самыми решительными мерами власти»¹³⁰. Провозглашалось намерение и впредь согласованно действовать с союзниками.

Расширенное совещание ЦК РСДРП(б) 13—14 июля 1917 г., оценивая положение в стране, констатировало: «Стихийное выступление рабочих и солдатских масс в Петрограде 3—5 июля было вызвано недовольством Временным правительством, проводившим политику соглашения с помещиками, капиталистами и иностранными империалистами, а потому оказавшимся абсолютно неспособным удовлетворить насущные нужды страны. Выход из министерства к.-д., желавших развязать себе руки для контрреволюционного переворота, послужил внешним толчком для разыгравшихся событий». Далее в резолюции отмечалось: «Теперешняя власть (диктатура Керенского, Церетели, Ефремова) обладает двойственным характером: с одной стороны — это представительство мелкой крестьянской буржуазии, за которой идет часть рабочих, еще не разочаровавшихся в мелкобуржуазных демократах; с другой — это представительство буржуазных и помещичьих слоев, связанных с союзническим капиталом и идущих к империалистской контрреволюции»¹³¹.

Попытка установления в России контрреволюционной военной диктатуры, предпринятая генералом Корниловым, нашла довольно подробное отражение в советской научной литературе, особенно в ракурсе выявления внутренних пружин заговора¹³². Менее освещены конкретные планы и действия государств Антанты, значение которых в буржуазной историографии явно преуменьшается и в то же время искусственно отъединяется от происков реакционных сил России¹³³.

В мятеже Корнилова просматривается открытая попытка реакции и ее зарубежных покровителей расправиться раз и навсегда насильственными средствами с революционным движением. Она представляла собой своеобразную кульминацию длительной подготовки со стороны известных правых организаций, действовавших в тесном взаимодействии с представителями держав Антанты.

Непосредственно перед назначением Корнилова и вскоре после этого «русский вопрос» в отсутствие представителей Временного правительства тайно обсуждался вне

повестки дня на Парижской и Лондонской межсоюзнических конференциях. На первой из них, 12—13 июля 1917 г., английская, французская и итальянская делегации рассмотрели по инициативе Франции «план спасения России», разработанный Тома и генеральным штабом. Исходя из того что «Керенский и его правительство совершенно потеряли контроль над общим положением», а это могло повлечь выход России из войны еще до конца года, выдвигался ряд мер для предотвращения таких событий, и прежде всего «помощь» Временному правительству в трех жизненно важных областях: политической (организация мощной и щедро финансируемой пропаганды против «экстремистов», т. е. большевиков), экономической (укрепление финансов и реорганизация транспорта) и военной (всемерное возрождение дисциплины, подъем морального духа и техническое оснащение вооруженных сил). Франция предполагала заняться русской армией, Англия — военным флотом, США — транспортом, Япония могла принять участие в доставке военных материалов и технических средств¹³⁴.

На следующей конференции, 25—26 июля 1917 г., Англия предложила решительно протестовать «против усиливающихся в России анархии и разложения». Конференция приняла решение о проведении подобного демарша союзными представителями в Петрограде. Был принят и французский проект разграничения «сфер помощи» России. Три державы решили обратиться к правительству США с просьбой взять на себя ведущую роль в содействии «реорганизации русских железнодорожных сообщений». Тома предложил направить в Россию комиссара союзных держав для содействия «русскому правительству в его усилиях организационного характера и согласовании мер, которыми союзники могли бы прийти в этом отношении на помощь». В качестве «специалиста по русским делам» он соглашался взять эту миссию на себя¹³⁵.

Решения обеих конференций фактически представляли собой новый серьезный шаг по вмешательству во внутренние дела России, новую попытку превращения страны в полузависимое государство, находящееся под контролем международного империализма. Обязательной предпосылкой должно было стать подавление революционного движения с установлением прочного буржуазно-помещичьего строя и продолжением войны до победного конца.

Однако коллективный демарш английского, французского и итальянского послов в Петрограде в начале августа 1917 г. с настоятельными рекомендациями навести в

стране порядок покоробил и министров. Союзная нота не была даже опубликована. Зондаж Терещенко о приезде особого комиссара союзников в Россию встретил отрицательное отношение ¹³⁶.

Уже с первых шагов на новом посту Корнилов наглядно продемонстрировал активное стремление заниматься политикой. В докладной записке штабу главнокомандующего предусматривалось немедленное введение смертной казни как для военных, так и для гражданских лиц, восстановление в прежнем объеме власти военачальников, ограничение полномочий фронтовых комиссаров, роспуск армейских комитетов и предание суду их членов, запрещение солдатских митингов на фронте, распространение в армии лишь особо контролируемых властями газет, изъятие из запасных частей всех политически «вредных элементов», расформирование революционно настроенных частей и заключение их солдат в концентрационные лагеря. 3 августа 1917 г. Корнилов лично доставил свою программу Временному правительству, но Керенский не решился поставить ее на обсуждение ¹³⁷.

Подобные требования и «план спасения России», рассматривавшийся на межсоюзнической конференции в Париже, весьма схожи. В том же духе высказались IX съезд кадетской партии в конце июля 1917 г., II Всероссийский торгово-промышленный съезд 3—5 августа, а также совещание буржуазных общественных деятелей, генералитета и высшего духовенства 8—10 августа. Кадеты фактически выступили за военную диктатуру во главе с Корниловым. Капиталист П. П. Рябушинский на сборище предпринимателей призывал спасти Россию от революции «костлявой рукой голода и народной нищеты» ¹³⁸. Конспиративные совещания буржуазных лидеров в Москве проинформировали через специального эmissара о решении Ставки направить в Петроград конный корпус Крымова, «которому предстоит ликвидировать большевиков, Советы и, может быть, выступить против правительства». Кадетский центральный комитет на заседании 11—12 августа взял курс на поддержку корниловщины и на разрыв с соглашателями ¹³⁹.

На так называемом государственном совещании, состоявшемся в Москве по инициативе Временного правительства с 12 по 15 августа, численно преобладали представители буржуазии, помещиков, генералитета и духовенства. За кулисами шли непрерывные тайные встречи верхов контрреволюции с Корниловым и другими генералами. Иностранные посольства принимали прямое участие в

развертывании пропаганды за введение военной диктатуры.

В июле 1917 г. в Петрограде появилась (как бы на смену выехавшей из России миссии Рута) миссия Красного Креста США во главе с профессором Биллингсом. Из 24 ее членов только пять (включая Биллингса) были медиками, остальные — финансистами и адвокатами. Фактическим руководителем состоял У. Томпсон в чине полковника, официально титуловавшийся «специальным уполномоченным и управляющим делами, директором Федерального банка США в Нью-Йорке». Значительную роль в деятельности миссии играл промышленник и политический деятель Р. Робинс. Миссия представляла в основном ту часть крупного капитала США, которая поддерживала республиканскую партию и, следовательно, была политическим противником президента Вильсона. Вследствие этого ее установки отличались в тактическом плане от линии американской администрации в «русском вопросе». Официально миссия ставила две главные задачи: «поддержку американской пропагандистской программы и русского займа свободы»¹⁴⁰. Томпсон и Биллингс 26 июля были приняты Керенским, после чего они решили делать ставку на него не без влияния Робинса, который сообщал 27 июля 1917 г.: «Я надеюсь, что он (Керенский.— О. С.) переживет нынешний упадок и выйдет из него, поскольку он представляется единственным способным удержать контроль, пока не восторжествовала реакция или не пришел к власти военный диктатор»¹⁴¹. Следовательно, миссия выступила за поддержку эсеров-меньшевиков, отделяя их от корниловщины.

Между тем госсекретарь Лансинг после бесед с Рутон и членами его делегации, которые также ратовали за всемерную помощь Керенскому, придерживался несколько иного мнения, что было изложено 27 июля в его записке о положении в России. Он не скрывал скептического отношения к Керенскому, ибо тот «идет на слишком большие компромиссы с радикальными элементами революции», что закончится, мол, неминуемым провалом. Определенные надежды фактически связывались с корниловским мятежом. Но, не имея все же полной уверенности в успехе генерала, Лансинг выступал за всемерную моральную и материальную поддержку «существующего правительства»¹⁴².

В сложной и трудной обстановке РСДРП(б) продолжала героическую борьбу против внутренних и внешних противников. Новый поворот событий потребовал уточнить

тактические лозунги, выдвинуть новые задачи, что было сделано на VI партийном съезде в Петрограде, который работал с 26 июля по 3 августа 1917 г. Тогда насчитывалось 240 тыс. членов в рядах большевиков, объединенных в 162 организации, действующие во всех важнейших регионах страны. А на Апрельской конференции РСДРП(б) участвовали представители от 78 организаций с 80 тыс. членов партии (т. е. партийные ряды возросли в 3 раза). В. И. Ленин из-за политических преследований не присутствовал на съезде, но руководил его работой, посылая с нарочными свои указания делегатам¹⁴³.

В Политическом отчете ЦК РСДРП(б) и в документах съезда давался научный анализ обстановки в стране, на основе которого выдвигались практические задачи. Все решения съезда пронизывал марксистский комплексный подход к рассмотрению в единстве внутренних и внешнеполитических сторон резко обострившейся классовой борьбы. «Наиболее опасным моментом для империалистов всех стран, — говорилось в одной из резолюций, — является русская революция, как первое выступление масс, грозящее в ходе развития превратиться в непосредственное выступление их против войны и империализма и втянуть в эту борьбу пролетарские массы других стран. С самого начала революции империалисты союзных стран открыли против нее поход (заигрывание с свергнутым Николаем, травля Советов, аресты русских интернационалистов и т. д.). Этот поход перешел в прямой штурм революции, выразившийся в открытом блоке между союзными банкирами и контрреволюционными силами в России, финансировании их английским капиталом, прямом вмешательстве «союзных» властей во внутренние дела России, наконец, в требовании перехода в наступление, несмотря на абсолютную неподготовленность к нему русской армии»¹⁴⁴.

Манифест РСДРП(б) разоблачал заговор международного капитала против русской революции, тесную его связь с местной буржуазией. «Союз» российской буржуазии с капиталистами Европы и Америки определялся «и общими целями и тяжелой золотой цепью, концы которой сходятся в банкирских домах Лондона и Нью-Йорка. Так организовался *капиталистический блок против революции*»¹⁴⁵.

В этих условиях «мирное развитие и безболезненный переход власти к Советам стали невозможны, ибо власть уже перешла на деле в руки контрреволюционной буржуазии». Основным лозунгом становилась «полная ликвидация» ее диктатуры революционным пролетариатом при

поддержке беднейшего крестьянства. Партия взяла курс на вооруженное восстание, подчеркнув, что в перспективе задача этих классов состоит в напряжении всех сил «для взятия государственной власти в свои руки и для направления ее, в союзе с революционным пролетариатом передовых стран, к миру и к социалистическому переустройству общества»¹⁴⁶.

12 августа 1917 г. большевики организовали в Москве всеобщую политическую стачку с участием свыше 400 тыс. человек. Забастовки состоялись и во многих других городах, продемонстрировав решимость трудящихся сорвать антинародные замыслы международного империализма и внутренней реакции.

После Государственного совещания силы реакции стали консолидироваться вокруг кадетского центрального комитета, Ставки Корнилова и Временного правительства, которые вкуче вырабатывали платформу совместных контрреволюционных действий. 20 августа 1917 г. состоялось тайное заседание ЦК кадетов. Милюков заявил: «Будут ли поводом голодные бунты или выступления большевиков, но жизнь толкает общество и население к мысли о неизбежности хирургической операции». Шингарев цинично твердил: «Дело идет к расстрелу, так как слова бессильны. И в перспективе уже показывается диктатор»¹⁴⁷. Большинство кадетов высказались за военную диктатуру с участием как Корнилова, так и Керенского, что предполагало осуществление их притязания на власть.

Едва возвратившись из Москвы в Ставку, Корнилов развил бурную деятельность по двум основным направлениям: подготовке надежных войск к походу на революционный Петроград и достижению договоренности с Керенским по конкретным вопросам установления военной диктатуры. Предварительным шагом был приказ главнокомандующего об оставлении Риги, несмотря на героическую оборону латышских и других частей. Отводя войска от Риги 21 августа 1917 г., Корнилов думал нанести серьезный удар по влиянию большевиков в городе и вместе с тем обречь на смерть или пленение революционно настроенные части¹⁴⁸. Как отмечает М. И. Капустин, «план действий заговорщиков был таков. Часть корниловцев — офицеров и членов тайных обществ — под руководством атамана А. И. Дутова инсценирует 27 августа в Петрограде мнимое выступление большевиков. Другая часть заговорщиков, включающая офицерские группы, юнкерские училища и отдельные части, вмешивается в вооруженное столкновение и, действуя совместно с подошед-

шими 3-м конным корпусом и ударными частями, захватывает власть в городе в свои руки»¹⁴⁹. 23—24 августа 1917 г. в Ставке эmissар Керенского Савинков и Корнилов пришли к договоренности, суть которой сводилась к тому, что под предлогом подавления беспорядков в Петрограде туда вступят надежные части и расправятся с революционным народом, но вопрос о том, кто реально возглавит военную диктатуру, не был решен. Керенский и Корнилов, по-прежнему не доверяя друг другу, пытались воспользоваться ситуацией в собственных интересах. Так, Ставка собиралась отстранить Керенского от власти и сделать Корнилова военным диктатором. Керенский окончательно убедился в этом после прибытия из Ставки бывшего министра Временного правительства В. Н. Львова, который привел следующие требования Корнилова: «1) Объявить Петроград на военном положении. 2) Передать всю власть, военную и гражданскую, в руки верховного главнокомандующего. 3) Отставка всех министров, не исключая и министра-председателя, впредь до образования кабинета верховным главнокомандующим»¹⁵⁰.

26 августа 1917 г. Керенский поставил на заседании Временного правительства вопрос о мятеже генерала, что сразу же привело к отставке четырех министров-кадетов. Он попросил предоставить ему всю полноту власти «для борьбы с контрреволюцией», а затем создать директорию из пяти лиц, т. е. орган коллективной диктатуры. После получения чрезвычайных полномочий Керенский телеграфировал Корнилову приказ о его смещении с должности верховного главнокомандующего, временные обязанности которого были возложены на генерала М. В. Алексеева¹⁵¹.

События эти развивались не без влияния союзников. Американский посол Френсис 23 августа 1917 г. телеграфировал Лансингу: «Внутреннее положение вновь угрожающее. Ставшие более агрессивными крайние социалисты требуют отстранения генералов, поскольку это оправдывается ими опасностью со стороны контрреволюции. Вчера встречался с Керенским, стараясь повлиять на него в плане восстановления дисциплины». На следующий день посол писал об «усилении нервозности» в столице¹⁵².

28 августа 1917 г. главы дипломатических представительств были информированы, что столица осаждена мятежными войсками, вследствие чего вероятны волнения и «коммунистические эксцессы». Кто-то намекнул на желательность выезда посольств из города. Но присутствующие отказались. Дипломаты предложили выступить посредником между Временным правительством и Корнило-

вым¹⁵³. Было составлено и специальное коммюнике. «Представители союзных держав, — гласило оно, — собрались под председательством сэра Дж. Бьюкенена для рассмотрения положения, созданного конфликтом между Временным правительством и генералом Корниловым». Уже эта преамбула весьма показательна, она открыто указывала на беспрецедентное в отношении великой державы поведение иностранных дипломатов, занявшихся рассмотрением чисто внутренних дел России. В документе подчеркивалось, что представители Антанты ставят «на первый план своих забот стремление к объединению всех сил России ввиду победоносного продолжения войны... с единственной целью послужить интересам России и делу союзников»¹⁵⁴. Как полагало правительство Франции, подобная акция «могла бы сыграть положительную роль в случае, если она привела бы к восстановлению порядка»¹⁵⁵. Приведенное положение неопубликованной ноты французского МИД от 1 сентября 1917 г. на имя английского посла Берти лишний раз подтверждает общий курс государств Антанты на временное примирение двух кандидатов в военные диктаторы ради подавления революционного движения.

Бурные события в России летом 1917 г. тщательно анализировались правящими кругами центральных держав. Они выжидали благоприятного момента для возобновления попыток заключения сепаратного мира. Вместе с тем усиливалось влияние революционных событий в России на народы германской коалиции. Трудности, вызванные войной, огромная усталость населения от нее поставили Австро-Венгрию и Болгарию на грань военного поражения.

В Германии социал-шовинисты вкупе с либерально-монархической группировкой буржуазии пытались отвлечь внимание масс от борьбы против империализма крикливой кампанией за «демократизацию» буржуазного строя страны. Параллельно обострялись трения между либеральной и реакционной частью правящего лагеря по вопросам тактики дальнейшего продолжения войны. Немалое значение имело массовое братание русских и немецких солдат на Восточном фронте, что содействовало революционизированию немецкой армии¹⁵⁶.

Корниловский заговор был с пониманием принят Берлином, о чем красноречиво говорит неожиданное наступление немцев под Ригой, кстати сказать, единственная крупная операция центральных держав за весь февральско-октябрьский период 1917 г. «Выбор направления

удара у Риги диктовался не столько военными, сколько политическими соображениями». По мнению Гинденбурга, наступление вызвало бы в России «большое беспокойство за участь Петербурга»¹⁵⁷. Недаром помощник нового канцлера Михаэлиса Ванштаффе в беседе с лидером СДПГ Шейдеманом говорил, что в борьбе с русской революцией расчет делается на победу «реакции и военной диктатуры», и тогда «дело быстро пойдет к миру»¹⁵⁸.

Немецкие спецслужбы продолжали возлагать также надежды на Керенского и на часть правых эсеров, с ним связанных, причем пользовались они и услугами сионистов. 9 августа 1917 г. посланник в Копенгагене Брокдорф-Ранцау телеграфировал начальству о прибытии к нему М. Гроссмана из редакции газеты «Русские ведомости», представлявшей правое крыло кадетов. Он разговаривал в Петрограде с неким «Савинко» — «комиссаром фронта» и с Керенским. Отчет будет прислан, мол, после возвращения Гольдберга¹⁵⁹. Меир Гроссман — сионистский лидер и журналист — в 1915—1916 гг. издавал в Лондоне и Копенгагене журнал «Ди трибуне». После Февральской революции возвратился в Россию, издавал две еврейские газеты в Киеве, был избран в центральный комитет сионистской организации Украины, а также в члены Украинской рады. Что же касается второго лица, инициалы которого в документе не указывались, то речь, несомненно, шла о Борисе Гольдберге, тайном эмиссаре Эрцбергера, промышленнике и писателе, получившем образование инженера в немецких университетах и в качестве активного сиониста часто посещавшим Копенгаген, Лондон и США. В рассматриваемое время Гольдберг возглавлял Палестинский комитет российского сионизма и находился в числе инициаторов созыва его VII конгресса¹⁶⁰. Приведенный документ неопровержимо свидетельствует о прямом прислужничестве видных сионистских деятелей германскому империализму. Весьма красноречив и документ о Керенском, представляющий собой меморандум английского Форин офиса от 10 октября 1917 г., очевидно адресованный послу Бьюкенену. Его полный текст: «Лично, секретно. До нас дошли из нескольких источников тревожные толки о том, что Керенский оплачивается Германией и что он и его правительство делают все возможное для ослабления и дезорганизации России, чтобы прийти к положению, когда не останется ничего другого, нежели заключение сепаратного мира. Считаете ли вы в чем-то достоверными такие намеки?.. Если вопрос стоит лишь о подкупе, мы смогли бы успешно состязаться, зная, как и

через кого осуществить это, хотя и неприятное, дело»¹⁶¹. Несомненно, британское ведомство иностранных дел считало подобные данные достаточно вескими для обследования путей о прямом подкупе главы Временного правительства. Показательно и обвинение Керенского в «ослаблении и дезорганизации» России, что западная пропаганда обычно приписывала большевикам.

Общенациональный кризис, экономической основой которого была хозяйственная разруха, все более углублялся. Резко сокращалось промышленное производство, расстраивалась транспортная система, особенно железнодорожная. Вплотную надвинулась угроза голода. Непрерывно увеличивалось недовольство трудящихся правлением буржуазных временщиков. Только за июль—октябрь 1917 г. было зарегистрировано 708 стачек рабочих (т. е. 85% всех их выступлений за этот год)¹⁶², причем в ходе забастовок выдвигались главным образом политические требования решительной борьбы с контрреволюцией, немедленного созыва Всероссийского съезда Советов, установления рабочего контроля над производством, передачи земли крестьянам. Расширение борьбы пролетариата в защиту своих интересов проявилось в массовости стачек, которые охватывали целые районы страны или отрасли экономики. Произошли общеуральская политическая забастовка, всеобщая стачка на Бакинских нефтепромыслах, всеобщая стачка железнодорожников. Наиболее мощной являлась стачка текстильщиков Центрального промышленного района, в которой участвовало до 300 тыс. рабочих¹⁶³.

В ходе очередных выборов в Советы преобладание в них получили представители РСДРП(б). Большевизация Советов началась с Петрограда и Москвы и быстро распространилась на десятки промышленных центров. Так, из 362 Советов, представленных на II Всероссийском съезде Советов, около 250 Советов крупных промышленных городов и районов страны высказались безоговорочно за большевистский лозунг «Вся власть Советам»¹⁶⁴. Во многих местностях страны вспыхнули крестьянские восстания против помещиков, ширились выступления крестьянской бедноты против кулачества¹⁶⁵. Даже эсеровская газета «Дело народа» не могла не признать 12 сентября 1917 г.: «Большевизм, в тесном смысле этого слова, усилился. Это вне сомнений... Победы эти нельзя назвать иначе как блестящими, ибо большевики в несколько раз возобладали тут над с.-р. и меньшевиками, вместе взятыми. Это — рабочие. Но вот выборы в уездное земство в Московском уезде, земские выборы в некоторых волостях Пермской

губернии. И везде неожиданный успех большевиков». Конечно, такой результат являлся вполне закономерным, учитывая основные параметры положения страны.

В. И. Ленин всесторонне показал, что родине грозит неминуемая катастрофа, единственным способом предотвращения которой является переход к социализму. «В силу ряда исторических причин — бóльшей отсталости России, особых трудностей войны для нее, наибольшей гнилости царизма, чрезвычайной живости традиций 1905 года — в России раньше других стран вспыхнула революция. Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему *политическому* строю догнала передовые страны. Но этого мало. Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и *экономически*»¹⁶⁶. Катастрофа быстро надвигалась изнутри и извне. Военная диктатура, в случае ее установления далеко отбросила бы Россию вспять, расчищая дорогу для монархической реставрации.

10 октября 1917 г. ЦК РСДРП(б) принял ленинскую резолюцию о восстании в качестве руководящей директивы для всей большевистской партии. «ЦК признает, — говорилось в историческом документе, — что как международное положение русской революции (восстание во флоте в Германии, как крайнее проявление нарастания во всей Европе всемирной социалистической революции, затем угроза мира империалистов с целью удушения революции в России), — так и военное положение (несомненное решение русской буржуазии и Керенского с К^о сдать Питер немцам), — так и приобретение большинства пролетарской партией в Советах, — все это в связи с крестьянским восстанием и с поворотом народного доверия к нашей партии (выборы в Москве), наконец, явное подготовление второй корниловщины (вывод войск из Питера, подвоз к Питеру казаков, окружение Минска казаками и пр.), — все это ставит на очередь дня вооруженное восстание»¹⁶⁷.

Победоносный Великий Октябрь навсегда перечеркнул планы и действия реакционных сил, обеспечив развитие нашей Родины по рельсам мира и социализма, что отвечало насущным интересам народов России и всего человечества. Антинародный альянс мировой реакции и контрреволюции потерпел крах в силу мощного движения народных масс во главе с партией большевиков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные в настоящей книге события четырех лет первой мировой империалистической войны наглядно свидетельствовали о том, что небывалая острота классовых противоречий в совокупности с другими базисными и надстроечными явлениями подвели нашу страну к социалистической революции, выпадению ее из капиталистической системы. Международный финансовый капитал совместно с внутренней реакцией, независимо от того, была ли она представлена самодержавием или Временным правительством, пустили в ход целый комплекс средств для срыва набиравшего силу революционного движения. Подобный сговор был в сущности продолжением и развитием в новых условиях предыдущего контрреволюционного сотрудничества, которое началось в период перерастания капитализма в империализм. Изучение механизма действий классового антинародного союза на комплексной основе и в динамике различных, зачастую противоречивых тенденций позволяет углубить понимание избранной проблемы.

Грабительский буржуазно-помещичий строй противостоял натиску прогрессивных сил во многом за счет иностранной поддержки, которая все сильнее сказывалась по мере продолжения мировой войны. Государства Антанты и США рассчитывали, что им удастся заставить народы России сражаться за чуждые монополистические интересы как отечественного, так и международного капитала, создав в то же время реформированный на западный лад режим в форме ограниченной монархии. Отсюда их возрастающий нажим на самодержавие и буржуазию для достижения взаимоприемлемого компромисса. Только накануне Февральской революции союзники стали делать попытки содействия дворцовому перевороту, чтобы поставить вместо Николая II другого представителя династии Романовых, способного гибче и эффективнее воспринимать указания зарубежных партнеров. Поскольку же против подобных махинаций решительно выступили большевики, главный удар империалисты вместе со своими пособниками обрушили на них.

При постоянстве отмеченного курса союзников в «русском вопросе» они имели и специфические своекорыстные цели, направленные на непрерывное усиление зависимости России от Запада. При этом сразу же выявились особенности подходов разных государств, наметились идентичность и расхождения в использовании средств для достижения поставленных задач. Это находило свое проявление как в дипломатии, так и в весьма интенсивной разведывательно-пропагандистской активности империалистов.

Иностранные спецслужбы широко использовали каналы общественных организаций, буржуазные и мелкобуржуазные партии, предававшие отчизну под маркой патриотизма и незыблемой верности союзникам. Особые «рекорды» низкопоклонства и раболепия ставили вкупе с сионистами кадеты, эсеры, меньшевики.

Освещение проблематики в двух как бы противоположных ракурсах — со стороны держав Антанты и четверного союза — позволило показать при некоторой противоположности и определенное совпадение хищнических устремлений основных отрядов международного империализма, стремившегося к разгрому революционного движения в России, порабощению страны посредством разграничения сфер влияния и прямого ее расчленения. В «Письме к товарищам большевикам» 8 октября 1917 г. В. И. Ленин, прозорливо отвергая выжидательную тактику троцкистов и иже с ними, подчеркивал: «Ждать чего? Чтобы Керенский и его корниловцы-генералы сдали Питер немцам, войдя таким образом прямо или косвенно, открыто или прикрито, в заговор и с Бьюкененом и с Вильгельмом для полного удушения русской революции!»¹.

Большевистская партия и ее марксистско-ленинский штаб вели упорную борьбу с международным империализмом, точно учитывая тактику тех или иных правящих кругов, характер их связей с Россией. Партия систематически руководила героической борьбой трудящихся масс против внешней реакции и ее внутренних эмиссаров. Она последовательно и бескомпромиссно разоблачала хищнические замыслы Англии, Франции и США, спланировала левые элементы международного рабочего движения на подлинно революционной основе, подготавливая создание Коммунистического Интернационала. Провал преступного альянса внутренней и международной реакции был в конечном счете предопределен научным, марксистско-ленинским руководством революционными выступлениями пролетариата и крестьянства.

Империализм, не смирившись с крахом своей политики, тщился собраться с силами, чтобы на новом витке истории попытаться прямым вооруженным вторжением удержать насильственно Россию в тенетах антигуманной капиталистической системы. Но и вооруженная интервенция империализма после Октябрьской революции потерпела фиаско. Народ и партия победили, преодолев все трудности.

Опыт борьбы большевиков с противниками является в высшей степени ценным и поучительным в современных условиях. Он учит коммунистические и рабочие партии стратегии и тактике руководства действиями масс за переход от капитализма к социализму. Марксизм-ленинизм ярко освещает светом научной теории пути преодоления ожесточенного сопротивления империализма неодолимой поступи прогрессивного развития человечества. Трудящиеся массы всех стран, и прежде всего советский народ, наращивают усилия по обеспечению прочного и длительного мира на земле.

В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС товарища М. С. Горбачева на октябрьском (1985 г.) Пленуме Центрального Комитета нашей партии отмечается: «Мы открыто говорим о целях нашей международной политики, о путях их достижения. В этом смысле наша политика вполне предсказуема, в ней нет загадок и неопределенностей. Это политика, основанная на ленинской идее мирного сосуществования двух противоположных систем. Мы исходим из того, что только стабильная и надежная политика достойна государств и партий, сознающих свою ответственность за судьбы мира в наш насыщенный противоречиями век». Вместе с тем М. С. Горбачев подчеркивает: «Исторический опыт убедительно свидетельствует: самая высокая мечта о счастье народа, принадлежащая даже гению, остается всего лишь благородной мечтой, если она не овладевает умами и сердцами миллионов. Передовые идеи, ставшие достоянием народных масс, превращаются в могучую движущую силу прогресса».

Поэтому советский народ со всем оптимизмом смотрит в будущее.

ВВЕДЕНИЕ (с. 3—8)

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9, т. 1. М., 1983; Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). Август 1917—февраль 1918. М., 1958; Переписка Секретариата ЦК РСДРП (б) с местными партийными организациями, ч. 1 (март—октябрь 1917 г.). М., 1957; Памятники агитационной литературы РСДРП, т. VI, вып. 1. М.—Пг., 1923; Борьба большевиков за создание Коммунистического Интернационала. Материалы и документы 1917—1919 гг. М., 1934; Большевики в годы империалистической войны. М., 1939; Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны 1914—1917. Л., 1939.

² Владимир Ильич Ленин. Биография. Изд. 6. М., 1981; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 3. М., 1972.

³ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительства (далее — МОЭИ). Серия III. М.—Л., 1935.

⁴ Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917). М., 1960; *его же*. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973; *его же*. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1970; *Ногович Ф. И.* Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны, т. 1. Потеря союзниками Балканского полуострова. М.—Л., 1947; *Емец В. А.* Очерки внешней политики России в период первой мировой войны. Взаимоотношения с союзниками по вопросам ведения войны. М., 1977; и др.

⁵ Селезнев Г. К. Тень доллара над Россией. М., 1957; *Лебедев В. В.* Русско-американские экономические отношения, 1900—1917. М., 1964; *Ганелин Р. Ш.* Россия и США. Очерки истории русско-американских отношений 1914—1917 гг. Л., 1979; *Крупина Т. Д.* Россия и Франция и межсоюзнические военно-экономические отношения в годы первой мировой войны (1914—начало 1917 г.). — В кн.: Франко-русские экономические связи, М., 1970.

⁶ *Лебедев В. В.* К историографии проблемы выхода России из войны накануне Февральской революции. — Вопросы истории, 1967, № 8; *Ганелин Р. Ш.* Сторонники сепаратного мира с Германией в царской России. — Проблемы истории международных отношений. Л., 1972; *Васюков В. С.* К вопросу о сепаратном мире накануне Февральской революции. — Исторические записки, т. 107. М., 1982; *Чغتис Ш. К.* Германский империализм и Грузия. Тбилиси, 1977; *Саркисян Е. К.* Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы первой мировой войны. Ереван, 1962; *Пипия Г. В.* Германский империализм в Закавказье в 1910—1918 гг. М., 1978; и др.

⁷ *Евдокимова Н. П.* Между Востоком и Западом. Проблема сепаратного мира и маневры дипломатии австро-германского блока в 1914—1917 гг. Л., 1985.

⁸ *Turner L.* Origins of the First World War. London, 1970; *Remak L.* The First World War: Causes, Conduct, Consequences. New York, 1971; *Lafore L.* The Long Fuse. An Interpretation of World War I. London, 1966; *Dukes P.* A History of Russia. London, 1974; *Rosenberg W.* Liberals in the Russian Revolution. The Constitutional Democratic Party 1917—1921. Princeton, 1974; *Deutscher I.* The Unfinished Revolution. Russia 1917—1967. London, 1967.

⁹ *Massie R.* Nicholas and Alexandra. New York, 1967; *Summers A.* and *Mangold T.* The File on the Tsar. London, 1976; *Enden de M.* Raspoutine et le crépuscule de la monarchie en Russie. Paris, 1976.

¹⁰ *Foot I.* Russian and Soviet Imperialism. Richmond, 1972; *Jelavic B.* St. Petersburg and Moscow. Tsarist and Soviet Foreign Policy 1814—1974. Bloomington—London, 1974; *Westwood J.* Russia since 1917. London, 1980; *Rulhe L.* Russlands Weg zur Weltmacht. Düsseldorf—Wien, 1981; *Leiner H.* ...Und das dritte Rom wird Moskau sein. Bonn, 1981.

ГЛАВА I (с. 9—65)

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 383.

² Там же, с. 1.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 262.

⁴ *Deutscher J.* Trotsky. Le prophète armé. Paris, 1962, p. 306.

⁵ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 3. М., 1972, с. 275; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 1—7.

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 20—21, 22.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 267.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 19.

⁹ Цит. по: Очерки по истории Октябрьской революции, т. 1. М.—Л., 1927, с. 346.

¹⁰ Об особенностях империализма в России. М., 1963, с. 9.

¹¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 28, с. 178.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 15—16.

¹³ Там же, с. 16.

¹⁴ Там же, с. 18.

¹⁵ Минц И. И. История Великого Октября, т. 1. М., 1967, с. 60.

¹⁶ Швецов А. Аннулирование Советской властью займов царского и Временного правительств России. — Ученые записки Саратовской областной партийной школы, вып. 1. Саратов, 1978, с. 8.

¹⁷ Сидоров А. Л. Значение Великой Октябрьской социалистической революции в экономических судьбах нашей родины. — Исторические записки, т. 25, 1948, с. 8, 9; Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки. М., 1948, с. 402; Эвентов Л. Я. Иностранные капиталы в русской промышленности. М.—Л., 1931, с. 39.

¹⁸ Минц И. И. Указ. соч., с. 69.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 329—330.

²⁰ *Rosenberg W.* Liberals in the Russian Revolution. Princeton, 1974, p. 16.

²¹ Сидоров А. Л. Последний временщик последнего царя. — Вопросы истории, 1964, № 10, с. 118.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 331.

²³ Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне. 1914—1915 гг. Берлин, 1924, с. 111—112.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 315, 318.

²⁵ МОЭИ, серия III, т. VI, ч. 1. М.—Л., 1935, с. 214.

- ²⁶ Там же, с. 248—249, 329, 344—395.
- ²⁷ *Игнатьев А. В.* Внешняя политика Временного правительства, М., 1974, с. 12.
- ²⁸ *Данилов Ю. Н.* Указ. соч., с. 107, 109; *его же.* Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930; *Бубнов А.* В царской ставке. Нью-Йорк, 1955.
- ²⁹ *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917). М., 1960, с. 530.
- ³⁰ *Данилов Ю. Н.* Россия в мировой войне, 1914—1915 гг., с. 77, 78—79, 81.
- ³¹ МОЭИ, т. VI, ч. 1, с. 144, 221.
- ³² *Данилов Ю. Н.* Указ. соч., с. 195.
- ³³ *Храмов Ф.* Восточно-прусская операция, М., 1940, с. 10.
- ³⁴ Там же, с. 69, 101.
- ³⁵ Архив полковника Хауза, т. I, М., 1937, с. 184.
- ³⁶ История первой мировой войны, 1914—1918, т. 1. М., 1975, с. 286—287, 329.
- ³⁷ *Емцу В. А.* Очерки внешней политики России в период первой мировой войны, М., 1977, с. 53.
- ³⁸ МОЭИ, т. VI, ч. 2. М.—Л., 1935, с. 159—160.
- ³⁹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 330—331; *Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова.* 1901—1916. Берлин, 1924, с. 290—291.
- ⁴⁰ *Vandervelde E.* Souvenirs d'un militant. Paris, 1939, p. 184.
- ⁴¹ *Пуанкаре Р.* На службе Франции, т. V. М., 1936, с. 48.
- ⁴² МОЭИ, т. VI, ч. 1, с. 58—59.
- ⁴³ *Темкин Я. Г.* Ленин и международная социал-демократия, 1914—1917. М., 1968, с. 40; Памятники агитационной литературы РСДРП, т. VI, вып. 1. М.—Пг., 1923, с. 94, 278.
- ⁴⁴ МОЭИ, т. VI, ч. 1, с. 58—59 (Полный текст телеграммы).
- ⁴⁵ *Лаврин В. А.* Большевицкая партия в начале первой мировой войны (1914—1915 гг.). М., 1972, с. 45—46; *Шляпников А.* Канун семнадцатого года, ч. I. М.—Пг., 1923, с. 30.
- ⁴⁶ Памятники агитационной литературы РСДРП, т. VI, вып. 1, с. 279—280.
- ⁴⁷ КПСС в резолюциях и решениях..., т. 1, с. 459.
- ⁴⁸ Памятники агитационной литературы РСДРП, т. VI, вып. 1, с. 93, 94.
- ⁴⁹ Там же, с. 281—282.
- ⁵⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 333—334.
- ⁵¹ Памятники агитационной литературы РСДРП, т. VI, вып. 1, с. 28—29.
- ⁵² Там же, с. 39.
- ⁵³ Цит. по: *Темкин Я. Г.* Указ. соч., с. 115.
- ⁵⁴ Там же, с. 119.
- ⁵⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 65.
- ⁵⁶ «Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, 1871—1918. М., 1977, с. 196; *Теодорович И. М.* Разработка правительством Германии программы завоеваний на Востоке в 1914—1915 гг. — Первая мировая война, М., 1968, с. 113.
- ⁵⁷ *Менгер М.* Финляндия в военной политике германского империализма в начале первой мировой войны. — Скандинавский сборник, 1972, т. XVII, с. 117—118.
- ⁵⁸ *Коллонтай А. М.* Отрывки из дневника 1914 г. Л., 1924, с. 42.
- ⁵⁹ Там же, с. 66.
- ⁶⁰ Там же, с. 77—78.
- ⁶¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 13, 14.

- ⁶² *Шляпников А.* Указ. соч., ч. I, с. 56.
- ⁶³ Там же, ч. I, с. 75; ч. II. М.—Л., 1922, с. 88—89.
- ⁶⁴ *Senn A.* The Russian Revolution in Switzerland 1914—1917. Madison, 1971, p. 61.
- ⁶⁵ *Zeman Z.* and *Scharlau W.* The Merchant of Revolution. The Life of Alexander Israel Helphand (Parvus). London, 1965, p. 131—135.
- ⁶⁶ ЦГАОР, ф. ДП, 00, 1916 г., д. 5, ч. 57, л. 95.
- ⁶⁷ Владимир Ильич Ленин, Биографическая хроника, т. 3, с. 314.
- ⁶⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 25, 26.
- ⁶⁹ Там же, с. 13.
- ⁷⁰ Там же, с. 21.
- ⁷¹ Там же, с. 23.
- ⁷² *Шляпников А.* Указ. соч., ч. I, с. 53—55.
- ⁷³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 51.
- ⁷⁴ *Темкин Я. Г.* Указ. соч., с. 113.
- ⁷⁵ Красный архив, 1934, т. 3, с. 40, 41.
- ⁷⁶ Там же, с. 34.
- ⁷⁷ *Paléologue M.* La Russie des tsars pendant la grande guerre, Paris, 1921, v. I, p. 175.
- ⁷⁸ Ibid., p. 269—300.
- ⁷⁹ *Самойлов Ф. Н.* Указ. соч., ч. IV, с. 73, с. 118.
- ⁸⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 168.
- ⁸¹ Там же, с. 172.
- ⁸² ЦГАОР, ф. ДП, 00, 1903 г., д. 2145, л. 8—9; Падение царского режима, т. VII. М.—Л., 1927, с. 336.
- ⁸³ *Никитинский Н., Софинов П.* Немецкий шпионаж в России во время войны 1914—1918 гг. М., 1942, с. 41—42; *Соловьев О. Ф.* Триумф Ленина и банкротство его критиков. М., 1978, с. 23—24. Вопрос этот освещается по Коллекции ЦГАОР.
- ⁸⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 64.
- ⁸⁵ ЦГАОР. Коллекция.
- ⁸⁶ *Блок А.* Собр. соч. в 8-ми т. Т. VII. М.—Л., 1963, с. 73.
- ⁸⁷ *Игнатъев А. В.* Русско-английские отношения накануне первой мировой войны (1908—1914 гг.). М., 1962, с. 19—20.
- ⁸⁸ *Hoare S.* The Fourth Seal. The End of a Russian Chapter. London, 1930, p. 26, 27, 28.
- ⁸⁹ *Кукридж Е.* Тайны английской секретной службы. М., 1959, с. 33.
- ⁹⁰ *Tuohy F.* Les mystères de l'espionnage pendant la grande guerre 1914—1918. Paris, 1935, p. 50.
- ⁹¹ *Squires J.* British Propaganda at Home and in the United States from 1914 to 1917. London, 1935, p. 20.
- ⁹² *Sanders M.* Willington House and British Propaganda During the First World War.—The Historical Journal, 1975, N 1, p. 119—122.
- ⁹³ *Silber J.* Les armes invisibles. Paris, 1933, p. 105—106.
- ⁹⁴ *Neilson K.* "Joy Rides"? British Intelligence and Propaganda in Russia 1914—1917.—The Historical Journal, 1981, N 6, p. 886—887.
- ⁹⁵ Ibid., p. 892—894.
- ⁹⁶ *Локкарт Р.* Буря над Россией. Рига, 1933, с. 113, 114, 119.
- ⁹⁷ Там же, с. 119.
- ⁹⁸ Там же, с. 128.
- ⁹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 233.
- ¹⁰⁰ *Сергеев Ф. М.* Из истории американской разведки. — Вопросы истории, 1970, № 6, с. 122.

¹⁰¹ Мансырев С. П. Мои воспоминания о Государственной думе (1912—1917). — Историк и современник (Берлин), 1922, т. 3, с. 19—20, 21—23.

¹⁰² Ленинский сборник XXX, с. 31.

¹⁰³ ЦГАОР, ф. ДП, 00, 1915 г., д. 44, л. 14—16.

¹⁰⁴ АВПр, ф. Канцелярия «Война», д. 25, л. 27—28.

¹⁰⁵ МОЭИ, т. VI, ч. 1, с. 232—233, 245.

¹⁰⁶ Востоков Л. Антинародная деятельность сионистов в России. — Вопросы истории, 1973, № 3, с. 24.

¹⁰⁷ ЦГАОР, ф. ДП, 00, 1915 г., д. 44, л. 1.

¹⁰⁸ Эти вопросы трактуются в следующих работах: Сайдаметов Д. и Шляпников Н. Германо-австрийская разведка в царской России. М., 1939; Никитинский И., Софинов П. Немецкий шпионаж в России во время войны 1914—1918 гг., М., 1942; Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. М., 1964; и др.

¹⁰⁹ Nicolai. Colonel. Forces secrètes. Paris, 1926, p. 11.

¹¹⁰ Epstein K. Matthias Erzberger and the Dilemma of German Democracy. Princeton, 1959, p. 104.

¹¹¹ Ibid., p. 163.

¹¹² L'espionnage et le contre-espionnage pendant la guerre mondiale d'après les archives militaires du Reich. Paris, 1934, v. I, p. 28.

¹¹³ Bradley J. The Russian Secret Service in the First World War. — Soviet Studies, October 1968, p. 242—246.

¹¹⁴ Silber J. Op. cit., p. 2 (Приложение).

¹¹⁵ Rowan R. L'Evolution de l'espionnage moderne. Paris, 1935, p. 55.

¹¹⁶ Bywater H. et Ferraby H. Intelligence service. Paris, 1932, p. 207; Ignatieff P. Ma mission en France. Paris, 1931, p. 92, 129—131.

¹¹⁷ Никитинский И., Софинов П. Указ. соч., с. 36; Бонч-Бруевич М. Д. Указ. соч., с. 77.

¹¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 27—28.

¹¹⁹ Ганелин Р. Ш. Сторонники сепаратного мира с Германией в царской России. — Проблемы истории международных отношений. Л., 1972, с. 130—131; Paléologue M. Op. cit., v. I, p. 117, 119—120.

¹²⁰ МОЭИ, т. VI, ч. 2, с. 66.

¹²¹ Paléologue M. Op. cit., p. 189, 210, 211.

¹²² Ганелин Р. Ш. Россия и США. 1914—1917. Л., 1969, с. 12—13.

¹²³ L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la première guerre mondiale. Documents extraits des archives de L'Office allemand des Affaires étrangères. Paris, 1962, vol. I (далее—L'Allemagne...), p. 37, 39—40.

¹²⁴ Ibid., p. 10—11, 13—15, 45.

¹²⁵ Ibid.,

¹²⁶ МОЭИ, т. VII, ч. 2. М.—Л., 1935, с. 47—48, 161.

¹²⁷ Там же, с. 50, 78.

¹²⁸ Там же, с. 275, 332.

¹²⁹ Ганелин Р. Ш. Сторонники сепаратного мира с Германией в царской России..., с. 134.

¹³⁰ Переписка Николая и Александры Романовых, т. III. М.—Пг., 1923, с. 116.

¹³¹ Bariéty J. Op. cit., p. 372—373.

¹³² Fischer F. Les buts de guerre de l'Allemagne impériale. Paris, 1963, p. 164; Pedroncini G. Les négociations secrètes pendant la grande guerre. Paris, 1969, p. 53—55.

¹³³ Kupferman A. Op. cit., p. 92, 96.

¹³⁴ *Bariéty J.* Op. cit., p. 370.

¹³⁵ См.: *Генри Э.* Эволюция международного масонства. — Новые заметки по истории современности. М., 1976; *Рубинский Ю. И.* Масоны во Франции (вчера и сегодня). — Вопросы истории, 1976, № 9; *Минц И. И.* Метаморфозы масонской легенды. — История СССР, 1980, № 4; *Черняк Е. Б.* Западноевропейское масонство XVIII века. — Вопросы истории, 1981, № 12; и др.

¹³⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. I, с. 217.

¹³⁷ *Erzberger M.* Souvenirs de guerre. Paris, 1921, p. 165.

¹³⁸ *Соловьев О. Ф.* Международный империализм — враг революции в России. М., 1982, с. 135—137, 182—183.

¹³⁹ *Kerensky A.* Russia and History Turning Point. New York, 1965, p. 88—89.

¹⁴⁰ *Robbins A.* English-Speaking Freemasonry. London, 1930, p. 155; *Mitterand J.* La politique des francs-maçons. Paris, 1973, p. 199—200.

¹⁴¹ *Erzberger M.* Op. cit., p. 163—164.

¹⁴² *Travaux de Vellard de Bonnacourt*, 1972, t. VIII, p. 47, 49.

¹⁴³ *Пупин Г. В.* Германский империализм в Закавказье в 1910—1918 гг. М., 1978, с. 34—38, 44.

¹⁴⁴ *Теодорович И. М.* Указ. соч., с. 112—113.

¹⁴⁵ *Менгер М.* Указ. соч., с. 110.

¹⁴⁶ *Les mémoires du maréchal Mannerheim*. 1882—1946. Paris, 1952, p. 66.

¹⁴⁷ Цит. по: Украинский археографический сборник, т. 1. Киев, 1926, с. 294—295, 297—298, 301.

¹⁴⁸ Пролетарская революция, 1924, № 3, с. 245—246. В публикации журнала неверно указана фамилия автора письма — «Басон».

¹⁴⁹ Там же, с. 246.

¹⁵⁰ Украинский археографический сборник, т. 1. Киев, 1926, с. 302.

¹⁵¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 50.

¹⁵² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 118.

ГЛАВА II (с. 66—117)

¹ КПСС в резолюциях и решениях..., т. 1. М., 1983, с. 473—474.

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 219, 221.

³ См. там же, с. 309.

⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 28.

⁵ МОЭИ, т. VII, ч. 2. М.—Л., 1935, с. 80, 81, 211, 214, 215, 251, 349—350 и др.

⁶ МОЭИ, т. VIII, ч. 2. М.—Л., 1935, с. 503—504.

⁷ ЦГАОР, ф. ДП, 00, 1906 г., д. 702, т. 7, с. 153; ф. 826, д. 56, л. 18.

⁸ *Buchanan G.* My Mission to Russia and other Diplomatic Memories. London, 1923, v. I, p. 237—238.

⁹ *Paléologue M.* La Russie des tsars pendant la grande guerre. Paris, 1922, v. 1, p. 293, 298.

¹⁰ *Buchanan G.* Op. cit., p. 246.

¹¹ Ibid., p. 247.

¹² *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л., 1967, с. 75, 76.

¹³ *Черменский Е. Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976, с. 103.

- ¹⁴ Там же, с. 98.
- ¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 26.
- ¹⁶ Лейберов И. П. На штурм самодержавия. М., 1979, с. 29—31.
- ¹⁷ *Paléologue M.* Op. cit., v. II, p. 75, 106.
- ¹⁸ Буржуазия накануне Февральской революции. М.—Л., 1927, с. 34, 37.
- ¹⁹ *Nicolas Mikhailovitch Grand duc.* La fin du tsarisme. Lettres inédites à Frédéric Masson (1914—1918). Paris, 1968, p. 76.
- ²⁰ ЦГАОР, ф. ДП, 00, 1915 г., д. 44, л. 88.
- ²¹ МОЭИ, т. VIII, ч. 1, с. 379.
- ²² ЦГАОР, ф. ДП, 00, 1915 г., д. 44, л. 102.
- ²³ Там же, л. 103.
- ²⁴ Там же, л. 108.
- ²⁵ АВПР, ф. Политархив, д. 4321, л. 37.
- ²⁶ АВПР, ф. Политархив, д. 4315, л. 10, 11.
- ²⁷ *Buchanan G.* Op. cit., v. I, p. 245.
- ²⁸ МОЭИ, т. VIII, ч. 1, с. 231.
- ²⁹ МОЭИ, т. VIII, ч. 2, с. 182—183.
- ³⁰ *Paléologue M.* Op. cit., v. II, p. 66.
- ³¹ Ibid., p. 72—74.
- ³² МОЭИ, т. VIII, ч. 2, с. 330.
- ³³ Там же, с. 331—332.
- ³⁴ Там же, с. 342.
- ³⁵ Социал-Демократ, 1915 г., 20 ноября.
- ³⁶ Борисов С. П. Борьба большевиков против военно-промышленных комитетов (1915—1916 гг.). М., 1948, с. 40, 52, 53.
- ³⁷ *Paléologue M.* Op. cit., v. II, p. 103—104.
- ³⁸ Дякин В. С. Указ соч., с. 128—129; ЦГАОР, ф. ДП, 00, 1906 г., д. 702, т. 8, л. 329, 337.
- ³⁹ МОЭИ, т. VIII, ч. 2, с. 397.
- ⁴⁰ МОЭИ, т. IX. М.—Л., 1937, с. 158—159.
- ⁴¹ Райсберг А. Ленин и немецкое рабочее движение. М., 1974, с. 131.
- ⁴² Головачев Ф. Ф. Рабочее движение и социал-демократия Германии в годы первой мировой войны. М., 1960, с. 113, 115, 119.
- ⁴³ ЦГАОР, ф. 826, д. 56, л. 61, 69.
- ⁴⁴ Эггерт З. К. Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны. М., 1957, с. 191—194.
- ⁴⁵ Там же, с. 212—216.
- ⁴⁶ МОЭИ, т. VII, ч. 1, с. 444—446.
- ⁴⁷ Семенников В. П. Политика Романовых накануне революции (от Антанты к Германии) по новым документам. М.—Л., 1926; его же. Романовы и германские влияния во время мировой войны. Л., 1929.
- ⁴⁸ МОЭИ, т. VII, ч. 2, с. 41—42.
- ⁴⁹ Переписка Николая и Александры Романовых. 1914—1915 гг., т. III. Пг., 1923, с. 140.
- ⁵⁰ Семенников В. П. Политика Романовых накануне революции..., с. 23.
- ⁵¹ МОЭИ, т. VII, ч. 2, с. 56—57.
- ⁵² Касвинов М. К. Двадцать три ступени вниз. М., 1978, с. 280.
- ⁵³ Переписка Николая и Александры Романовых, т. III, с. 174.
- ⁵⁴ МОЭИ, т. VIII, ч. 1, с. 34—37.
- ⁵⁵ Там же, с. 37, 38.
- ⁵⁶ Там же, с. 39, 40.

- ⁵⁷ *Pedroncini G.* Les négociations secrètes pendant la grande guerre. Paris, 1969, p. 51.
- ⁵⁸ *L'Allemagne...*, v. I, p. 59—60.
- ⁵⁹ Монархия перед крушением. 1914—1917. Бумаги Николая II и другие документы. Статьи В. П. Семенникова. М.—Л., 1927, с. 27—29.
- ⁶⁰ *L'Allemagne...*, v. I, p. 70—73.
- ⁶¹ Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976, с. 178—181.
- ⁶² Там же, с. 182.
- ⁶³ ЦГАОР, ф. ДП, VII, 1915 г., д. 2, ч. 73, т. 10, л. 128; 1916 г., д. 6, т. 1, л. 2.
- ⁶⁴ Шаццлло К. Ф. «Дело» полковника Мясоедова. — Вопросы истории, 1967, № 4.
- ⁶⁵ ЦГАОР, ф. ДП, VII, 1916 г., д. 6, т. 1, л. 5.
- ⁶⁶ Русские военнопленные в мировой войне 1914—1918 гг. М., 1921, ч. 1—3, с. 191.
- ⁶⁷ ЦГАОР, ф. 640, оп. 1, д. 37, л. 10—45.
- ⁶⁸ *L'Allemagne...*, v. I, p. 138—139.
- ⁶⁹ Ibid., p. 154—156.
- ⁷⁰ Ibid., p. 146—147.
- ⁷¹ Черменский Е. Д. Указ. соч., с. 180, 181.
- ⁷² МОЭИ, т. VIII, ч. 1, с. 451—452.
- ⁷³ Там же, с. 504—506.
- ⁷⁴ Константинополь и Проливы, т. II. М., 1926, с. 378—379.
- ⁷⁵ МОЭИ, т. VIII, ч. 2, с. 104—105.
- ⁷⁶ МОЭИ, т. VIII, ч. 1, с. 451.
- ⁷⁷ Берги, лорд. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. 1914—1919. М.—Л., 1927, с. 62.
- ⁷⁸ Там же, с. 63, 69—70.
- ⁷⁹ МОЭИ, т. VIII, ч. 2, с. 114.
- ⁸⁰ МОЭИ, т. IX, с. 538—539.
- ⁸¹ Там же, с. 588—589.
- ⁸² Там же, с. 592—593.
- ⁸³ Там же, с. 594.
- ⁸⁴ Там же, с. 625—626.
- ⁸⁵ Там же, с. 704.
- ⁸⁶ Скоропись-Иолтуховский О. Мои преступления. — Земледельческая Украина, 1920, № 3—4, с. 213—215, 227, 233 (на укр. яз.).
- ⁸⁷ Украинский археографический сборник, т. I. Киев, 1926, с. 307.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Земледельческая Украина, 1920, № 3—4, с. 215.
- ⁹⁰ Украинский археографический сборник, т. I, с. 314, 316—342.
- ⁹¹ Там же, с. 313.
- ⁹² Земледельческая Украина, 1920, № 3—4, с. 217—220.
- ⁹³ Пипия Г. В. Германский империализм в Закавказье в 1910—1918 гг. М., 1978, с. 67.
- ⁹⁴ Germany and the Revolution in Russia. 1915—1918. London, 1958, p. 1—2.
- ⁹⁵ Ibid, p. 3—4.
- ⁹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 82, 83.
- ⁹⁷ Germany and the Revolution in Russia, p. 6—7.
- ⁹⁸ Soloviev O. La révolution socialiste: réalité et inventions, Moscou, 1972, p. 15—18.
- ⁹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 29, 30.

- ¹⁰⁰ Там же, с. 50—51.
- ¹⁰¹ Там же, с. 297.
- ¹⁰² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 133.
- ¹⁰³ ЦГАОР, ф. ДП, ОО, 1915 г., д. 345, л. 43—46.
- ¹⁰⁴ Там же, л. 259.
- ¹⁰⁵ Там же, л. 260, 261.
- ¹⁰⁶ Там же, л. 261.
- ¹⁰⁷ Germany and the Revolution in Russia, p. 18—22.
- ¹⁰⁸ Ibid., p. 22.
- ¹⁰⁹ Ibid., p. 23.
- ¹¹⁰ АВПР, ф. II. Департамент, 1915 г., д. 2, л. 2; 1916 г., д. 13.
- л. 3—13.
- ¹¹¹ ЦГАОР, ф. ДП, ОО, 1916 г., д. 9, ч. 1, литер В, л. 13.
- ¹¹² Там же, л. 37, 68.
- ¹¹³ Никитин Б. Роковые годы (Новые показания участника). Париж, 1937, с. 77.
- ¹¹⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 28.
- ¹¹⁵ Райсберг А. Указ. соч., с. 147—148.
- ¹¹⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 41.
- ¹¹⁷ Райсберг А. Указ. соч., с. 151.
- ¹¹⁸ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 3, с. 422, 423.
- ¹¹⁹ Westwood G. Endurance and Endeavour. Russian History 1812—1980. Cambridge, 1981, p. 213.
- ¹²⁰ Ulam A. Russian Failed Revolutions. From the Decembrists to the Dissidents. New York, 1981, p. 252.
- ¹²¹ Шацкило К. Ф. Забастовка рабочих Николаевского судостроительного завода «Наваль» в январе — феврале 1915 г. — Исторические записки, М., 1963, т. 74, с. 285.
- ¹²² Пуанкаре Р. На службе Франции, т. VII. М., 1936, с. 152.
- ¹²³ Paléologue M. Op. cit., v. II, p. 120—121.
- ¹²⁴ Емец В. А. Очерки внешней политики России в период первой мировой войны. М., 1977, с. 207—208.
- ¹²⁵ Там же, с. 241—242.
- ¹²⁶ МОЭИ, т. IX, с. 704—705.
- ¹²⁷ Иоффе А. Е. Русско-французские отношения в 1917 г. М., 1958, с. 38.
- ¹²⁸ Емец В. А. Указ. соч., с. 249—250.
- ¹²⁹ Buchanan G. Op. cit., v. I, p. 250.
- ¹³⁰ МОЭИ, т. X, с. 484, 516, 538.
- ¹³¹ Paléologue M. Op. cit., v. II, p. 170, 171.
- ¹³² МОЭИ, т. X, с. 155—156.
- ¹³³ Там же, с. 163.
- ¹³⁴ Там же, с. 183.
- ¹³⁵ Там же, с. 459.

ГЛАВА III (с. 118—182)

- ¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 282.
- ² История КПСС, т. 2. М., 1967, с. 630.
- ³ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 3. М., 1972, с. 490—495.
- ⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 222.
- ⁵ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. — Воспоминания о В. И. Ленине. В 5-ти т. Т. 1. М., 1979, с. 431—432.
- ⁶ Paléologue M. Op. cit., v. I, p. 203.

- ⁷ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 3, с. 456—457, 464—465, 512.
- ⁸ Там же, с. 438, 461, 477, 504.
- ⁹ Шляпников А. Канун семнадцатого года, ч. I. М.—Пг., 1923, с. 206.
- ¹⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 360, 274, 538; Переписка семьи Ульяновых 1883—1917. М., 1969, с. 428.
- ¹¹ Шляпников А. Указ. соч., ч. II, с. 87—88.
- ¹² Germany and the Revolution in Russia, London, 1958, p. 11.
- ¹³ Шляпников А. Указ. соч., ч. I, с. 220—221.
- ¹⁴ Там же, ч. II, с. 88.
- ¹⁵ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 3, с. 458, 460, 467, 468, 476, 477, 480, 488, 501, 509, 516.
- ¹⁶ МОЭИ, т. X, с. 163.
- ¹⁷ Миллюков П. Н. Воспоминания (1859—1917), т. II. Нью-Йорк, 1955, с. 232.
- ¹⁸ МОЭИ, т. X, с. 27, 120, 126.
- ¹⁹ Вестник Европы, 1916, № 2, с. 323, 324.
- ²⁰ Соловьев О. Ф. Международный империализм — враг революции в России. М., 1982, с. 136.
- ²¹ МОЭИ, т. X, с. 275.
- ²² Падение царского режима, т. VII. М.—Л., 1927, с. 140.
- ²³ Вестник Европы, 1916, № 5, с. 359—360.
- ²⁴ Миллюков П. Н. Указ. соч., т. II, с. 242—247.
- ²⁵ Красный архив, 1934, т. 3, с. 7.
- ²⁶ Senn A. The Russian Revolution in Switzerland 1914—1917. Madison, 1971, p. 173—174.
- ²⁷ Красный архив, 1934, т. 3, с. 10—11, 17.
- ²⁸ Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция 1914—1917 гг. Нью-Йорк, 1960, с. 163.
- ²⁹ В. Л. Бурцев о войне. Пг. — М., 1916, с. 32, 33, 36.
- ³⁰ Пуанкаре Р. Указ. соч., т. VII, с. 313, 319.
- ³¹ Paléologue M. Op. cit., v. II, p. 260.
- ³² Красный архив, 1926, т. 2, с. 225, 226.
- ³³ Буржуазия накануне Февральской революции. М.—Л., 1927, с. 114—117.
- ³⁴ Там же, с. 117—118.
- ³⁵ Там же, с. 119, 120.
- ³⁶ Емев В. А. Очерки внешней политики России в период первой мировой войны. М., 1977, с. 264; Красный архив, 1928, т. 3, с. 48.
- ³⁷ Пуанкаре Р. Указ. соч., т. VII, с. 355.
- ³⁸ Там же, с. 354.
- ³⁹ Schaper B. Albert Thomas. Trente ans de réformisme sociale. Paris, 1957, p. 129.
- ⁴⁰ Lloyd George D. War Memoirs. London, 1936, v. I, p. 770; Asquith Memories and Reflections. London, 1928, v. II, p. 84.
- ⁴¹ Семенников В. П. Политика Романовых накануне революции (от Антанты к Германии по новым документам). М.—Л., 1926, с. 59.
- ⁴² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 233, 234.
- ⁴³ МОЭИ, т. X, с. 287.
- ⁴⁴ Там же, с. 583.
- ⁴⁵ Ганелин Р. Ш. Россия и США (1914—1917). Очерки истории русско-американских отношений. Л., 1969, с. 99, 104—106.
- ⁴⁶ Sutton A. Wall Street and the Bolshevik Revolution. New York, 1974, p. 53, 56.

- ⁴⁷ Ibid., p. 54, 55.
- ⁴⁸ Ганелин Р. III. Указ. соч., с. 104.
- ⁴⁹ Бородин Н. А. Северо-Американские Соединенные Штаты и Россия. Пг., 1916, с. 312—314; Гершов З. М. Нейтралитет США в годы первой мировой войны. М., 1962, с. 72.
- ⁵⁰ The Lansing Papers 1914—1920. Washington, 1940, v. II, p. 309—313.
- ⁵¹ Cockfield J. (ed.) Dollars and Diplomacy. Ambassador David Rowland Francis and the Fall of Tsarism 1916—1917. Duke University Press, 1981, p. 11—12.
- ⁵² The Lansing Papers 1914—1920, v. II, p. 319.
- ⁵³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 247.
- ⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 56.
- ⁵⁵ Переписка Николая и Александры Романовых, т. III. М.—Л., 1923, с. 22, 42, 317, 511.
- ⁵⁶ Переписка Николая и Александры Романовых, т. IV. М.—Л., 1926, с. 43, 132, 290—291, 358, 369 и др.
- ⁵⁷ Переписка Николая и Александры Романовых, т. V. М.—Л., 1927, с. 60, 63.
- ⁵⁸ ЦГАОР, ф. 640, оп. 2, д. 332, л. 14—30.
- ⁵⁹ Семенников В. П. Политика Романовых накануне революции..., с. 103.
- ⁶⁰ Семенников В. П. Романовы и германские влияния во время мировой войны. Л., 1929, с. 78.
- ⁶¹ Семенников В. П. Политика Романовых накануне революции..., с. 117, 130, 133, 136—137.
- ⁶² Там же, с. 117, 124, 138.
- ⁶³ Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977, с. 8—9; Спириг Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1920 г.). М., 1977, с. 212, 340—341.
- ⁶⁴ Спириг Л. М. Указ. соч., с. 210—211.
- ⁶⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 13.
- ⁶⁶ L'Allemagne..., v. I, p. 324—325.
- ⁶⁷ Ibid., p. 337—344, 346—347.
- ⁶⁸ Germany..., p. 92.
- ⁶⁹ Ганелин Р. III. Сторонники сепаратного мира с Германией в царской России. — Проблемы истории международных отношений. Л., 1972, с. 142.
- ⁷⁰ Черменский Е. Д. Указ. соч., с. 184.
- ⁷¹ Germany..., p. 92.
- ⁷² Черменский Е. Д. Указ. соч., с. 184; Дякин В. С. Указ. соч., с. 280.
- ⁷³ L'Allemagne..., v. I, p. 344—346.
- ⁷⁴ Variété J. L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la première guerre mondiale — Revue historique. 1965, avril — juin, p. 378—383.
- ⁷⁵ Revue historique. 1973, janvier—mars, p. 112—114.
- ⁷⁶ Nekludoff A. En Suède pendant la guerre mondiale. Paris, 1926, p. 216—219.
- ⁷⁷ Черменский Е. Д. Указ. соч., с. 189; Семенников В. П. Политика Романовых накануне революции..., с. 42, 43.
- ⁷⁸ Ганелин Р. III. Сторонники сепаратного мира с Германией в царской России, с. 146.
- ⁷⁹ МОЭИ, т. VIII, ч. 1, с. 263—270, 475; ч. 2, с. 47, 111, 139.
- ⁸⁰ Цит. по: Семенников В. П. Политика Романовых накануне революции..., с. 38, 39.

- ⁸¹ L'Allemagne..., v. I, p. 391—394.
- ⁸² Ibid., p. 392—394.
- ⁸³ Семенников В. П. Политика Романовых накануне революции..., с. 39—41; Черменский Е. Д. Указ. соч., с. 190.
- ⁸⁴ Переписка Николая и Александры Романовых, т. IV, с. 381.
- ⁸⁵ Константинополь и Проливы, т. I, М., 1925, с. 405.
- ⁸⁶ Paléologue M. Op. cit., v. II, p. 322.
- ⁸⁷ Монархия перед крушением 1914—1917. М. — Л., 1923, с. 12.
- ⁸⁸ The Lansing Papers 1914—1920, p. 318—319.
- ⁸⁹ ЦГАОР, ф. 627, оп. 1, д. 117, л. 2.
- ⁹⁰ Buchanan G. My Mission to Russia and other Diplomatic Memories. London, 1923, v. II, p. 20.
- ⁹¹ Ibid., p. 21.
- ⁹² Монархия перед крушением, с. 13.
- ⁹³ ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 1101, л. 1.
- ⁹⁴ L'Allemagne..., v. I, p. 416.
- ⁹⁵ Подробнее: Нотович Ф. И. Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914—1918 гг. М., 1947; Эггерс З. К. Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны. М., 1957.
- ⁹⁶ L'Allemagne..., v. I, p. 431—433.
- ⁹⁷ Ibid., p. 456.
- ⁹⁸ Summers A. and Mangold T. The File on the Tsar. London, 1976, p. 218—220.
- ⁹⁹ Ibid., p. 221.
- ¹⁰⁰ Семенников В. П. Политика Романовых накануне революции..., с. 57—58.
- ¹⁰¹ Записки германского кронпринца. М. — Пг., 1923, с. 130—131.
- ¹⁰² Турпиц А. Из воспоминаний. М. — Л., 1925, с. 19.
- ¹⁰³ Erzberger M. Souvenirs de guerre. Paris, 1921, p. 271.
- ¹⁰⁴ Цит. по: Семенников В. П. Политика Романовых накануне революции..., с. 54.
- ¹⁰⁵ Касинов М. К. Двадцать три ступени вниз. М., 1978, с. 286.
- ¹⁰⁶ Дякин В. С. Указ. соч., с. 229.
- ¹⁰⁷ Васюков В. С. К вопросу о сепаратном мире накануне Февральской революции. — Исторические записки. М., 1982, т. 107, с. 103—107, 112—113.
- ¹⁰⁸ Евдокимова Н. П. Между Востоком и Западом. Л., 1985, с. 78.
- ¹⁰⁹ Germany..., p. 18—20.
- ¹¹⁰ Лейберов И. П. На штурм самодержавия. Петроградский пролетариат в годы первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914 — март 1917 г.). М., 1979, с. 112—115.
- ¹¹¹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 3, с. 549.
- ¹¹² ЦГАОР, ф. ДП, 00, 1916 г., д. 5, ч. 1, л. 120.
- ¹¹³ ЦГАОР, ф. ДП, 00, 1916 г., д. 5, ч. 57, л. 946—96.
- ¹¹⁴ L'Allemagne..., v. I, p. 510—513, 516.
- ¹¹⁵ Берги, лорд. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. 1914—1919. М. — Л., 1927, с. 115.
- ¹¹⁶ Константинополь и Проливы, т. II, с. 382.
- ¹¹⁷ Цит. по: Касинов М. К. Указ. соч., с. 279.
- ¹¹⁸ Игнатьев А. В. Внешняя политика Временного правительства. М., 1974, с. 48—50.
- ¹¹⁹ Буржуазия накануне Февральской революции, с. 136.
- ¹²⁰ Константинополь и Проливы, т. I, с. 416, 419, 420, 421.

- ¹²¹ Там же, с. 406.
- ¹²² Там же, с. 405.
- ¹²³ *Bichanan G.* Op. cit., v. II, p. 25—27.
- ¹²⁴ *Игнатъев А. В.* Указ. соч., с. 50, 52.
- ¹²⁵ *Васюков В. С.* Указ. соч., с. 144.
- ¹²⁶ *Черменский Е. Д.* Указ. соч., с. 204, 210—211.
- ¹²⁷ Константинополь и Проливы, т. I, с. 406.
- ¹²⁸ Константинополь и Проливы, т. II, с. 383.
- ¹²⁹ Переписка Николая и Александры Романовых, т. V, с. 143.
- ¹³⁰ *Васюков В. С.* Указ. соч., с. 151.
- ¹³¹ *Черменский Е. Д.* Указ. соч., с. 223; *Емец В. А.* Указ. соч., с. 334.
- ¹³² *Hoare S.* The Fourth Seal. The End of a Russian Chapter. London, 1930, p. 108, 109, 113, 115, 116.
- ¹³³ *Членов С. Б.* Московская охранка и ее секретные сотрудники. М., 1919, с. 19.
- ¹³⁴ Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917 гг. Документы и материалы. Л., 1958, с. 520, 523.
- ¹³⁵ *Миц И. И.* История Великого Октября, т. I, с. 450—452.
- ¹³⁶ Переписка Николая и Александры Романовых, т. V, с. 192.
- ¹³⁷ *Дякин В. С.* Указ. соч., с. 271.
- ¹³⁸ *Миц И. И.* Указ. соч., т. 1, с. 448—449.
- ¹³⁹ Подробнее: *Волобуев П. В.* Пролетариат и буржуазия России в 1917 году. М., 1964.
- ¹⁴⁰ *Лаверычев В. Я.* По ту сторону баррикад. М., 1967, с. 156—157.
- ¹⁴¹ *Черменский Е. Д.* Указ. соч., с. 228—229.
- ¹⁴² Николай II и великие князья. Л. — М., 1925, с. 117—120, 123, 146, 147.
- ¹⁴³ *Слонимский А. Г.* Катастрофа русского либерализма. Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 года. Душанбе, 1975, с. 49.
- ¹⁴⁴ *Дякин В. С.* Указ. соч., с. 300—301.
- ¹⁴⁵ Там же, с. 301—302; *Лаверычев В. Я.* Указ. соч., с. 158—159.
- ¹⁴⁶ ЦГАОР, ф. ДП, 00, 1916 г., д. 345, ч. 69, литер В, л. 1—2.
- ¹⁴⁷ *Маклаков В.* Некоторые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и кн. Юсупова об убийстве Распутина. — Современные записки. Париж, 1928, т. 34, с. 262, 263, 265—267.
- ¹⁴⁸ Там же, с. 269—270.
- ¹⁴⁹ *Youssouppoff F.* La fin de Raspoutine. Paris, 1927, p. 209.
- ¹⁵⁰ Красный архив, 1926, т. 15, с. 231—234, 241—242.
- ¹⁵¹ *Youssouppoff F.* Avant l'exile (1887—1919). Paris, 1952, p. 212.
- ¹⁵² *Paléologue M.* Aux portes du jugement dernier. Paris, 1940, p. 185.
- ¹⁵³ *Pourichkévitch M.* Comment j'ai tué Raspoutine. Paris, 1924, p. 113.
- ¹⁵⁴ *Youssouppoff F.* La fin de Raspoutine, p. 204.
- ¹⁵⁵ *Маклаков В.* Указ. соч., с. 263.
- ¹⁵⁶ Красный архив, 1926, т. 3, с. 242.
- ¹⁵⁷ *Игнатъев А. В.* Указ. соч., с. 46, 51.
- ¹⁵⁸ Былое, 1917, № 1, с. 69, 70.
- ¹⁵⁹ *Соловьев М. Е.* Как и кем был убит Распутин? — Вопросы истории, 1965, № 3, с. 213—215.
- ¹⁶⁰ Там же, с. 212.
- ¹⁶¹ *Enden de M.* Raspoutine et le crépuscule de la monarchie en Russie. Paris, 1976, p. 298.
- ¹⁶² Былое, 1917, № 1, с. 82.

- 163 *Родзянко М. В.* Крушение империи. Л., 1927, с. 201.
 164 *Hoare S.* Op. cit., p. 133—135, 146.
 165 *Локкарт Б.* Указ. соч., с. 147.
 166 *Ribot A.* Lettres à un ami. Paris, 1924, p. 219.
 167 ЦГАОР, ф. 640, оп. 2, д. 332, л. 85.
 168 *Игнатьев А. В.* Указ. соч., с. 54.
 169 *Nekkludoff A.* Op. cit., p. 258—261.
 170 Константинополь и Проливы, т. II, с. 384—385.
 171 Там же, с. 386.
 172 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 241.
 173 Там же.
 174 *Флеер М. Г.* Петербургский комитет большевиков в годы войны. 1914—1917. Л., 1927, с. 107—108.
 175 Падение царского режима, т. VI. М. — Л., 1926, с. 278—279.
 176 *Buchanan G.* Op. cit., v. II, p. 41.
 177 Ibid., p. 41—42.
 178 Ibid., p. 44—48.
 179 Ibid., p. 48—49.
 180 *Hoare S.* Op. cit., p. 125—126, 129—130.
 181 *Берти*, лорд. Указ. соч., с. 133.
 182 Национальный архив Франции. Фонд Альберта Тома, 94 AP-186. Материалы этого фонда не были в достаточной мере обработаны и не имели постраничной нумерации. Далее дается лишь латинский шифр фонда (94 AP) и соответствующего картона.
 183 *Le monde slave*, 1927, N 2, p. 286, 297—298.
 184 *Ribot A.* Op. cit., p. 220.
 185 *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары, т. 3. М., 1935, с. 359,
372.
 186 Константинополь и Проливы, т. I, с. 450—455.
 187 Буржуазия накануне Февральской революции, с. 179; *Лаверьев В. Я.* Указ. соч., с. 170.
 188 Голос минувшего на чужой стороне. Париж, 1926, № 2, с. 174—175.
 189 *Erzberger M.* Op. cit., p. 272.
 190 Цит. по: Монархия перед крушением, 1914—1917, с. 66—67.
 191 *Max of Baden.* The Memoirs. London, 1928, p. 56, 68, 89—90.
 192 Germany and the Revolution in Russia, p. 23, 54.
 193 *Игнатьев А. В.* Указ. соч., с. 56—57.
 194 Там же, с. 52—59.
 195 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 302—303.
 196 *Покровский М. Н.* Империалистская война. Сб. ст. М., 1934, с. 419.
 197 *Дякин В. С.* Указ. соч., с. 274.
 198 *Черменский Е. Д.* Указ. соч., с. 242.
 199 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 390.
 200 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 12, 13—14.
 201 Там же, с. 15, 16.
 202 Там же, с. 16—17.

ГЛАВА IV (с. 183—234)

- 1 *Лейберов И. П.* На штурм самодержавия. М., 1979, с. 114.
 2 *Минц И. И.* История Великого Октября, т. 1. М., 1967, с. 471—472.
 3 *Соловьев М. Е.* Большевики и Февральская революция 1917 года. М., 1980, с. 106; *Пушкарёва И. М.* Февральская буржуаз-

но-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1982, с. 151—154, 159.

⁴ Соловьев М. Е. Указ. соч., с. 113—114.

⁵ КПСС в резолюциях и решениях..., т. 1. М., 1983, с. 484—485.

⁶ Красный архив, 1927, т. 1, с. 136—137.

⁷ Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957, с. 401—405.

⁸ Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories, vol. II. London, 1923, p. 90.

⁹ Paléologue M. La Russie des tsars pendant la grande guerre, vol. III. Paris, 1922, p. 217, 227, 228.

¹⁰ Robien de L. Journal d'un diplomate en Russie. 1917—1918. Paris, 1967, p. 18—19.

¹¹ Francis D. Russia from the American Embassy. New York, 1921, p. 66, 68.

¹² За кулисами видимой власти. М., 1984, с. 129.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 50, 151.

¹⁴ Там же, с. 19.

¹⁵ См. там же, с. 7, 53.

¹⁶ Токарев Ю. С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте — апреле 1917 г. Л., 1976, с. 48, 49.

¹⁷ Церетели И. Г. Воспоминания о Февральской революции, кн. 1. Париж, 1963, с. 176.

¹⁸ Ascher A. Axelrod and Kautsky.—Slavic Review, March 1967, p. 94.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 420.

²⁰ Buchanan G. Op. cit., vol. II, p. 115.

²¹ Красный архив, 1927, т. 5, с. 122, 123.

²² Иоффе А. Е. Русско-французские отношения в 1917 г. М., 1958, с. 115—117; Лозовский А. Лейбористская партия и Февральская революция. — Вопросы истории, 1948, № 2, с. 72—79.

²³ Шляпников А. Семнадцатый год, кн. 2. М. — Л., 1925, с. 234—236.

²⁴ Революционное движение в России после свержения самодержавия, с. 430.

²⁵ Красный архив, 1927, т. 5, с. 122.

²⁶ Там же, с. 117—119.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 40.

²⁸ Революционное движение в России после свержения самодержавия, с. 410, 420, 425.

²⁹ Злоказов Г. И. Вопросы войны и мира в деятельности Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в период мирного развития революции. М., 1969, с. 101, 102.

³⁰ Революционное движение в России после свержения самодержавия, с. 253.

³¹ Шейдеман Ф. Крушение германской империи. М. — Пг., 1923, с. 164, 203.

³² Темкин Я. Г. Ленин и международная социал-демократия. 1914—1917. М., 1968, с. 529—531, 564—565.

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 161.

³⁴ Wade R. The Triumph of Siberian Zimmerwaldism. — Canadian Slavonic Studies, 1967, n. 2.

³⁵ Кувшинов В. А. Партия большевиков после свержения самодержавия. М., 1975, с. 201; Злоказов Г. И. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в период мирного развития революции, с. 112—113.

³⁶ Злоказов Г. И. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в период мирного развития революции, с. 112—113.

³⁷ Буржуазия и помещики в 1917 году. Частные совещания членов Государственной думы. М. — Л., 1932, с. 10—11.

³⁸ Революционное движение в России после свержения самодержавия, с. 375.

³⁹ Шейдеман Ф. Указ. соч., с. 203—204.

⁴⁰ Epstein K. Matthias Erzberger and the Dilemma of German Democracy. Princeton, 1959, p. 167—168.

⁴¹ Ibid., p. 165.

⁴² Ibid., p. 169—170.

⁴³ Ibid., p. 170—172.

⁴⁴ Ibid., p. 172.

⁴⁵ L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la première guerre mondiale. Paris, 1966, vol. II, p. 155.

⁴⁶ Буржуазия и помещики в 1917 г., с. 103.

⁴⁷ Germany and the Revolution in Russia 1915—1918. London, 1958, p. 23, 39, 42.

⁴⁸ Минц И. И. Метаморфозы масонской легенды. — История СССР, 1980, № 4, с. 114—115.

⁴⁹ Katkov G. Russia 1917. The February Revolution. London, 1967, p. 133—134, 172—173, 554—555.

⁵⁰ Ulam A. Russia's Failed Revolutions. From the Decembrists to the Dissidents. New York, 1981, p. 223.

⁵¹ Westwood G. Endurance and Endeavour. Russian History 1812—1980. Cambridge, 1981, p. 226, 233.

⁵² Hasegawa T. The February Revolution. Seattle and London, 1981, p. 193—197.

⁵³ Иоффе Г. З. Февральская революция 1917 года в англо-американской буржуазной историографии. М., 1970; Марушкин Б., Иоффе Г., Романовский П. Три революции в России и буржуазная историография. М., 1977; Критика основных концепций современной буржуазной историографии трех российских революций. М., 1983; Коммунист, 1985, № 14, с. 110.

⁵⁴ Яковлев Н. 1 августа 1914 г. М., 1974, с. 235.

⁵⁵ Там же, с. 230—233.

⁵⁶ Старцев В. И. Революция и власть. М., 1978, с. 205—206, 254; его же. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980, с. 121—123.

⁵⁷ Цит. по: Лукашев А. В. Возвращение В. И. Ленина из эмиграции в Россию в апреле 1917 г. — История СССР, 1963, № 5, с. 6, 7.

⁵⁸ Красный архив, 1927, т. I, с. 5.

⁵⁹ Шляпников А. Семнадцатый год, кн. 3. М.—Пг., 1927, с. 255.

⁶⁰ Hahlweg W. Lenins Rückkehr nach Russland 1917. Leiden, 1957; Singer L. Raubt des Geraubte. Stuttgart, 1967; Gautschi W. Lenin als emigrante in der Schweiz. Zürich, 1973; Pearson M. The Sealed Train. New York., 1975.

⁶¹ Евграфов В. Е. Приезд Ильича. М., 1962; Крутикова Н. На крутом повороте. М., 1965; Лукашев А. В. Указ. статья.

⁶² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 403, 405, 409, 419.

⁶³ Цит. по: История СССР, 1963, № 5, с. 17.

⁶⁴ Pearson M. Op. cit., p. 71, 73; Красный архив, 1927, т. 1, с. 9.

⁶⁵ Nekludoff A. En Suède pendant la guerre mondiale. Paris, 1926, p. 288—295.

⁶⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 418, 424.

⁶⁷ Germany..., p. 25—26.

- ⁶⁸ Ibid., p. 35.
- ⁶⁹ Ленинский сборник II, с. 382—383.
- ⁷⁰ Halweg W. Op. cit., p. 18—19.
- ⁷¹ Germany..., p. 38—41.
- ⁷² Цит. по: Лукашев А. В. Указ. соч., с. 8—9.
- ⁷³ Евграфов В. Е. Указ. соч., с. 26.
- ⁷⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 95.
- ⁷⁵ Senn A. New Documents on Lenin's Departure from Switzerland 1917. — International Review of Social History, 1974, v. XIX, part 2, p. 250, 274—275.
- ⁷⁶ Иванов А. Фриц Платтен, М., 1963, с. 37.
- ⁷⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 418.
- ⁷⁸ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 4, с. 47.
- ⁷⁹ Соловьев О. Ф. Триумф Ленина и банкротство его критиков. М., 1978, с. 26—27.
- ⁸⁰ Минц И. И. История Великого Октября, т. 1. М., 1968, с. 93.
- ⁸¹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 4, с. 55—56.
- ⁸² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 276.
- ⁸³ См. там же, с. 194—195.
- ⁸⁴ Минц И. И. Указ. соч., т. 2, с. 113—115.
- ⁸⁵ АВПР, ф. Политархив, д. 4321, л. 52—60.
- ⁸⁶ Востоков Л. Антинародная деятельность сионистов в России. — Вопросы истории, 1973, № 3, с. 28.
- ⁸⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 195, 197.
- ⁸⁸ Токарев Ю. С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте — апреле 1917 г., с. 173—176.
- ⁸⁹ Заговор против мира. Как была развязана империалистами война в 1914 г. Факты и документы. М., 1934, с. 161.
- ⁹⁰ Journal d'Albert Thomas. — Cahiers du monde russe et soviétique, 1973, v. XIV, N 1—3, p. 89 (далее — Journal...).
- ⁹¹ Paléologue M. Op. cit., v. III, p. 311.
- ⁹² Journal..., p. 99, 107, 117, 118, 119.
- ⁹³ L'Allemagne et les problèmes de la paix..., vol. 2, p. 176—179.
- ⁹⁴ Игнатьев А. В. Внешняя политика Временного правительства. М., 1974, с. 205.
- ⁹⁵ Шейдеман Ф. Указ. соч., с. 204.
- ⁹⁶ Игнатьев А. В. Внешняя политика Временного правительства, с. 205—206.
- ⁹⁷ Pascal P. Mon journal de Russie 1916—1918. Lausanne, 1975, p. 114.
- ⁹⁸ Germany..., p. 60.
- ⁹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 373.
- ¹⁰⁰ Игнатьев А. В. Дипломатия соглашателей. — Исторические записки, т. 89. М., 1972, с. 114—115; Wade R. Argonauts of Peace. The Soviet Delegation in Western Europe in the Summer of 1917. — Slavic Review, September 1967.
- ¹⁰¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 102, 106, 107.
- ¹⁰² Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции, ч. 2. М., 1957, с. 539, 548.
- ¹⁰³ Ганелин Р. Ш. Россия и США. 1914—1917. Л., 1969, с. 190.
- ¹⁰⁴ Francis D. Op. cit., p. 110.
- ¹⁰⁵ Красный архив, 1927, т. 5, с. 132, 138—140.
- ¹⁰⁶ The Lansing Papers 1914—1920, v. II. Washington, 1940, p. 325.

- ¹⁰⁷ См.: *Иоффе А. Е.* Миссия Рута в России в 1917 г. — Вопросы истории, 1958, № 9.
- ¹⁰⁸ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции, ч. 2, с. 493.
- ¹⁰⁹ *Francis D.* Op. cit., p. 130—131.
- ¹¹⁰ *Sutton A.* Wall Street and the Bolshevik Revolution New Rochelle, 1974, p. 72—73.
- ¹¹¹ Экономическое положение России, ч. 2, с. 461—465.
- ¹¹² *Robien de L.* Op. cit., p. 80—81, 83—84, 86.
- ¹¹³ *Ростунов И. И.* Русский фронт первой мировой войны. М., 1976, с. 361.
- ¹¹⁴ *Никигин Б. В.* Роковые годы (Новые показания участника). Париж, 1937, с. 115.
- ¹¹⁵ *Воробцова Ю. И.* Деятельность представительства ЦК РСДРП(б) в Стокгольме. М., 1968, с. 16, 18—19.
- ¹¹⁶ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 437—441, 443—451, 480—481.
- ¹¹⁷ *Никигин Б. В.* Указ. соч., с. 59—60, 77.
- ¹¹⁸ Там же, с. 121—122.
- ¹¹⁹ Archives Nationales. Fond Albert Thomas, 94 AP-183.
- ¹²⁰ Ibid.
- ¹²¹ *Половцов П. А.* Дни затмения. Париж, б. г., с. 84.
- ¹²² *Покровский М. Н.* Октябрьская революция. Сб. ст. М., 1929, с. 124—125.
- ¹²³ *Соловьев О. Ф.* Указ. соч., с. 32—33.
- ¹²⁴ *Демьянов А.* Моя служба при Временном правительстве. — Архив русской революции, т. IV. Берлин, 1922, с. 94.
- ¹²⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 413.
- ¹²⁶ Там же, с. 415.
- ¹²⁷ Там же, с. 416, 417.
- ¹²⁸ Archives Nationales. Fond Albert Thomas, 94 AP-183.
- ¹²⁹ *Половцов П. А.* Указ. соч., с. 142—143; *Никигин Б. В.* Указ. соч., с. 155; *Jessup Ph.* Elihu Root. New York, 1938, v. II, p. 369.
- ¹³⁰ Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. М., 1959, с. 295—296.
- ¹³¹ КПСС в резолюциях и решениях..., т. 1, с. 574, 575.
- ¹³² *Владимирова В.* Контрреволюция в 1917 г. (Корниловщина). М., 1924; *Мартынов Е. Н.* Корнилов (Попытка военного переворота). М., 1927; *Чаадаева О. Н.* Корниловщина. М. — Л., 1930; *Иванов Н. Я.* Корниловщина и ее разгром. Л., 1965; *Капустин М. И.* Заговор генералов (из истории корниловщины и ее разгрома). М., 1968; *Думова Н. Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром (Октябрь 1917—1920 гг.). М., 1982.
- ¹³³ *Rabinowitch A.* The bolsheviks Come to Power. New York, 1976, p. 144; *Ulam A.* Russia's Failed Revolutions. New York, 1981, p. 334; *Westwood J.* Endurance and Endeavour. Russian History 1812—1980. Cambridge, 1981, p. 238; *Katkov G.* The Kornilov Affair. London and New York, 1980.
- ¹³⁴ *Игнатъев А. В.* Внешняя политика Временного правительства, с. 324—325.
- ¹³⁵ Там же, с. 326—329.
- ¹³⁶ Там же, с. 328—329.
- ¹³⁷ *Иванов Н. Я.* Указ. соч., с. 87.
- ¹³⁸ *Лаверычев В. Я.* По ту сторону баррикад. М., 1967, с. 213—216; *Астрахан Х. М.* Большевики и их политические противники в 1917 году. Л., 1973, с. 325.

- ¹³⁹ Астрахан Х. М. Указ. соч., с. 330—332.
- ¹⁴⁰ Sutton A. Op. cit., p. 74, 82.
- ¹⁴¹ Ганелин Р. Ш. Указ. соч., с. 336.
- ¹⁴² Lansing R. War Memoirs. New York, 1935, p. 337—338.
- ¹⁴³ Минц И. И. Указ. соч., т. 2, с. 672—673.
- ¹⁴⁴ КПСС в резолюциях и решениях..., т. 1, с. 578.
- ¹⁴⁵ Там же, с. 596.
- ¹⁴⁶ Там же, с. 581, 582.
- ¹⁴⁷ Минц И. И. Указ. соч., с. 731; Иванов Н. Я. Корниловщина и ее разгром. Л., 1965, с. 76—77.
- ¹⁴⁸ Иванов Н. Я. Указ. соч., с. 122.
- ¹⁴⁹ Капустин М. И. Указ. соч., с. 190.
- ¹⁵⁰ Иванов Н. Я. Указ. соч., с. 125—132.
- ¹⁵¹ Там же, с. 135—136.
- ¹⁵² Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, Russia, v. I, p. 181.
- ¹⁵³ Ibid, p. 187—188.
- ¹⁵⁴ Noulens J. Mon ambassade en Russie Soviétique 1917—1919. Paris, 1933, v. I, p. 70—71.
- ¹⁵⁵ France. Ministère des Affaires Etrangères. — «La guerre 1914—1918, Russie», v. 666, p. 129—130.
- ¹⁵⁶ Эггерт З. К. Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны. М., 1957, с. 415, 443.
- ¹⁵⁷ Ростунов И. И. Указ. соч., с. 367.
- ¹⁵⁸ Иванов Н. Я. Указ. соч., с. 81.
- ¹⁵⁹ Germany..., p. 69.
- ¹⁶⁰ Encyclopedia of Sionism and Israel. New York, 1971, v. 1, p. 397, 433.
- ¹⁶¹ Sutton A. Op. cit., p. 193—194.
- ¹⁶² Совекин А. М. На путях к Октябрю. М., 1977, с. 204.
- ¹⁶³ Минц И. И. Указ. соч., т. 2, с. 825—827.
- ¹⁶⁴ Там же, с. 831—833.
- ¹⁶⁵ Совекин А. М. Указ. соч., с. 207—209.
- ¹⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 198.
- ¹⁶⁷ Там же, с. 393.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ (с. 235—237)

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 387.

² Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15 октября 1985 г. М., 1985, с. 10, 14.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I	
В ТЫЛУ ФРОНТОВ	9
Пути зависимости	—
Шовинисты и охранка	23
Разведывательно-пропагандистский нажим	40
ГЛАВА II	
МЕЖДУ ЦАРИЗМОМ И БУРЖУАЗИЕЙ	64
Начало политического кризиса	—
Маневры центральных держав	80
Усиление напора Антанты	109
ГЛАВА III	
ПРУЖИНЫ ДВОРЦОВОГО ПЕРЕВОРОТА	118
Иностранная помощь реакции	—
Ставка на германофилов	134
За кулисами сцены	152
ГЛАВА IV	
НЕОБРАТИМЫЙ ПРОСЧЕТ	183
Покровители временщиков	—
От зависимости к поражению	202
Битая карта бонапартизма	214
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	234
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	237

ОЛЕГ ФЕДОРОВИЧ СОЛОВЬЕВ

ОБРЕЧЕННЫЙ АЛЬЯНС

Заговор империалистов
против народов России.
1914—1917 гг.

Заведующий редакцией В. С. Антонов
Редактор Г. И. Пылаева
Младший редактор Ю. В. Сокортова
Оформление художника В. П. Григорьева
Художественный редактор И. А. Дутов
Технический редактор Т. Г. Сергеева
Корректор С. С. Новицкая

ИБ № 3068

Сдано в набор 02.10.85. Подписано в печать 16.12.85. А04109. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печатных листов 13,44. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-издат. л. 15,59. Тираж 27 500 экз. Заказ № 1367. Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71. Ленинский проспект, 15.
Московская типография № 11 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 113105. Нагатинская, 1.

О. Ф. СОЛОВЬЕВ

ОБРЕЧЕННЫЙ АЛЪЯНС